А.М.Бодянский.

ДУХОБОРЫ.

Выпуск 1

Харьков 1907

А.М.Бодянский.

ДУХОБОРЫ.

Заметка.

Когда первые листы этого «Сборника» были уже напечатаны, удалось получить столько интересного, подходящего материала, что я решил расширить «Сборник», разделив его на три выпуска. В первом из них будут только рассказы и две главы из книги г-на Мода. Во втором письма и документы и в третьем — статьи религиозного содержания, характеризующие верования духоборцев. Расширив «Сборник», я, однако, ограничился теми пределами, которые наметил для него первоначально, а именно: в состав «Сборника» войдут только те статьи, которые или присланы мне их авторами, или записаны мною, или в составлении которых я принимал участие, или же имеют ко мне какое-либо иное отношение.

А. Бодянский.

Предисловие.

Образованная часть русского общества еще не дала ни одного такого идейного деятеля, за которым было бы признано видное место в рядах двигателей общечеловеческой мысли и жизни. У нас еще не выходили из образованной среды люди подобные Декарту, Бекону, Канту, или Виклефу, Гусу, Лютеру, люди жизнедеятельность которых знаменовалась бы усвоением новых взглядов и стремлений целыми народами.

Причиной этому, без сомнения, служит то обстоятельство, что с тех пор, как русское общество вошло в более близкую связь со всею семьею культурных народов, с тех пор, как русские люди стали принимать посильное участие в общем ходе духовного развития человечества, научное образование идущих на смену поколений всегда находилось у нас под строгим контролем того грубого, давящего государственного режима, тягость которого испытывается до сегодня.

Для существования этого режима была необходима умственная народная темнота, духовная неразвитость масс населения, а потому, хотя этим режимом и допускалось то, чтобы некоторая часть нашего общества пользовалась „плодами просвещения", но только в строго определенных рамках и при непременном условии, чтобы получившие образование служили интересам режима; всякая же попытка русских образованных людей послужить чисто культурным целям, и, естественно, не в пользу режима, искоренялась радикальным образом. При таких условиях не могло, конечно, возникнуть у нас своего оригинального культурно-научного дела и

развития философской мысли; а не могло быть дела — не было и деятелей.

Но, насколько всегда казались духовно нищи и немощны люди образованных, интеллигентных слоев нашего общества, настолько наш самый низший класс, крестьянство, всегда подавал надежды на то, что он хранит в себе большой запас духовных сил, которые находятся пока в скрытом, потенциальном состоянии, только вследствие неблагоприятных внешних условий. Казалось всегда, что будь социальные условия русской жизни менее давящи, предоставляй они людям более инициативы и свободы деятельности, то наш крестьянин доказал бы очень скоро, что русский народ не ниже других народностей, не обижен дарами духовной природы и вполне спосо-

бен занять видное место в семье культурных народов, выставляя из своей среды, наравне с другими, творцов новой мысли и жизни. И эту нашу уверенность в духовных силах своего народа нельзя объяснять одним самомнением, почти всегда ошибочными, которое, однако, свойственно всякой самодавлеющей национальности. Конечно, самомнение нам не чуждо, но надо взять во внимание и то, что уверенность в духовных силах русского народа до сих пор живет не столько в самом народе, т. е. в простых русских людях, в крестьянстве, сколько в интеллигентных слоях русского общества.

Логичнее объяснить нашу уверенность в большом запасе духовных сил, таящихся в простых русских людях тем, что, не смотря на отчужденность высших образованных классов русского общества от низших, от простого народа, в высшие классы все-таки проникали слухи о том, что в среде этого народа появляются, время от времени, люди таких духовных дарований, что будь их жизнь обставлена более благоприятными условиями, возможно, что они стали бы выдающимися мыслителями своего времени или жизневожатыми всего русского общества.

И это правда: люди великих духовных дарований действительно появлялись иногда в среде русского крестьянства, но, к сожалению, потому именно, что эти люди принадлежали к низшей угнетенной среде и принуждены были безвыходно всю жизнь находиться в мертвящих ее условиях, бесправии и беспросветном невежестве, не пользуясь ни малейшим сочувствием и поддержкой со стороны высших господствующих классов, для которых, как для детей абсолютизма, всегда были ближе их уму и сердцу грязь придворной камарильи, чем запросы духовной жизни, эти выдающиеся люди из низшей среды народа не могли до сих пор оказать какое-либо влияние на духовный рост всего русского общества, и, если они оставляли после себя память, то разве только в тех учениях, которые они полагали в основание создаваемых ими религиозных сект.

Эти люди и не могли обратить свои быть может гигантские духовные силы ни на какое другое дело, как на вопросы из области религии, потому что для них, находящихся в непроглядной тьме невежества и бесправия, только из этой области доходил кое-какой луч света знания. Все они были еле грамотны и книжное их знакомство ограничивалось священным писанием на славянском языке. Располагая

таким научным багажом, что могли создать эти люди такого, что повлияло бы на духовное состояние целого общества? Конечно ничего, как бы ни были велики их духовные силы. Но зато в пределах возможного, в тесном кругу своих последователей, они творили действительные чудеса: они создавали в головах и сердцах полудиких, забитых людей такую высоту мыслей и чувств, которые могли бы составить честь всякому образованному человеку.

Подобные факты, однако, как уже сказано, только по слухам доходили до наших высших, господствующих классов, потому что эти классы всегда были слишком разъединены с духовной жизнью простого народа и вовсе не имели ничего общего с религиозным направлением развития этой жизни.

Но лет 10 тому назад обратили на себя всеобщее внимание так называемые духоборцы. И, все-таки, обратили они на себя внимание нашей интеллигенции не своим в высшей степени оригинальным строем жизни и не своими своеобразными воззрениями, а тою борьбою, которая возникла между ними и всемогущим тогда, (как и ненавистным не менее, чем теперь) русским правительством. Борьба эта велась со стороны духоборцев не на жизнь, а на смерть, и тот, кто сколько-нибудь знаком с эпизодической стороной этой борьбы, знает, что она велась духоборцами с беспримерным героизмом, при таком неравенстве сил и средств, что в сравнении с этой борьбой блекнет всякая слава веками прославляемого поединка Давида с Голиафом.

В самом деле, имея в руках пращ и хорошо владея этим оружием, Давид мог смело идти на какого угодно великана, даже не обладая особой отвагой. А здесь, в борьбе духоборцев с русским правительством, здесь у правительства были все шансы, чтобы раздавить и уничтожить своего безоружного, малочисленного врага, состоящего менее чем из 10 тысяч душ, с женщинами и детьми, и в добавок исповедующего заповедь «непротивления злому», а у правительства были несметные полчища вооруженных всяким оружием слуг, была так называемая законная власть налагать всякие кары, до смертной казни включительно, был во главе такой начальник, как обер-прокурор синода, Константин Победоносцев, обладавшей всеми качествами непобедимости в борьбе насилием: коварным умом, злой, настойчивой волей и чувством человеконенавистничества без конца. И, тем не менее, духоборцы, не ожидая для себя благоприятного исхода борьбы, наоборот, готовясь ко всем последствиям поражения, до смерти включительно, вышли победителями, по крайней мере в том смысле, что они не подчинились правительственному насилию и не отказались от заветных устоев своей жизни, с которых так хотелось правительству их сбить.

Что же давало этим людям необычайное их мужество и стойкость? Без сомнения то, что заключалось в их уме и сердце: их необычайное мужество и стойкость были, без сомнения, только внешним выражением той духовной энергии, которая создавалась в них глубокой верой в свою правоту, как исполнение закона Божьего.

Героическая борьба этого выдающегося, обособившегося отпрыска русского

народа закончилась сравнительно с тем, чем могла закончиться, очень благополучно. Из их среды, за два года самого

обостренного периода борьбы, погибли от лишений и репрессий около двух тысяч человек, а остальные, в количестве 7500 душ обоего пола, эмигрировали в Канаду в течение 1898 и 1899 гг., при помощи английских квакеров, собравших для них большие суммы денег и помогавших им личным участием в устройстве на новом месте. Оказали участие и личную помощь также несколько лиц из русской интеллигенции.

С тех пор, время от времени, в нашей литературе стали появляться рассказы и описания из жизни духоборцев на новом месте. Но все эти рассказы и описания, насколько я знаком с ними, носят поверхностный, эпизодический или статистический характер, и, если дают, то очень слабые указания на процесс их внутренней духовной жизни, который несравненно важнее и интереснее. И я хорошо знаю, отчего происходит эта односторонность большинства печатных известий о духоборцах. Она происходит от той же причины, отчего и все вообще писания и исследования русского сектантства носят тот же недостаток. Односторонность этих писаний происходит от того, что большинство, если не все писатели и исследователи нашего сектантства были люди не религиозные и занимались этим делом не потому, чтобы оно было для них жизненно необходимо, а по каким-нибудь другим сторонним причинам. Поэтому в своих наблюдениях и исследованиях они не могли достигнуть понимания внутренних, духовных мотивов жизни тех людей, которых они наблюдали; они были ограничены в своих наблюдениях внешней, эпизодической стороной жизни, которая как бы добросовестно они ее не описывали, все же была бы представлена односторонне.

Лично я также подвергся преследованиям со стороны русского правительства за религиозные убеждения. Когда-нибудь я расскажу об этом подробно. В 1892 году я был сослан на 5 лет в Закавказье, „за религиозную пропаганду", как значилось в министерском приказе о моей ссылке. Здесь-то я и сблизился впервые с духоборцами. В 1895 году я был снова арестован за участие в духоборческом движении и перевезен на другой конец России, в городок Лемзаль, Лифляндской губернии. А отсюда, в 1898 году, я уехал в Америку, в Канаду, куда в то время направлялись духоборцы. В Канаде я прожил в тесном общении с духоборцами несколько лет и уехал оттуда только тогда, когда мне показалось, что дальнейшее мое пребывание там будет вредить отношениям к духоборцам канадского правительства, которое думало, что все несогласия, происходившие тогда между ним и духоборцами исходят от меня.

И вот, незадолго перед своим отъездом из Канады, мне пришла мысль, что было бы полезно познакомить читающую русскую публику с оригинальными воззрениями духоборцев по разным

бытовым и идейным вопросам. А для того, чтобы сделать это наиболее правдиво, мне подумалось, что было бы лучше всего, если обо всем скажут сами духоборцы. И я стал их усиленно вызывать на рассуждения и рассказы, и их рассуждения и рассказы стал записывать, насколько можно было дословно. И я добыл таким образом много очень интересного и ценного материала, касающегося разных сторон жизни этого выдающегося, вполне обособленного и по внешнему виду и по духовным свойствам племени русского народа. Но на возвратном пути в Европу, чемодан, в котором находился весь этот материал исчез бесследно. По приезде в Ливерпуль его не оказалось в трюме парохода и он не был розыскан, несмотря на усиленные хлопоты и назначение награды В. Г. Чертковым за доставку рукописей.

Только самым случайным образом сохранились у меня разрозненные отметки некоторых записанных мною рассказов. По этим-то отметкам да по памяти я и восстановил те четыре рассказа, которые помещены в настоящем сборнике. К этим рассказам я присоединил несколько писем и документов, в составлении которых принимал участие, и еще несколько документов полученных позднее. Из этого всего и состоит настоящий сборник.

И мне кажется, что, так как этот сборник заключает в себе действительные суждения и рассказы самих духоборцев и действительные документы касающиеся их жизни, то читатель может по этому материалу составить себе более правдивое понятие о духовных и бытовых особенностях духоборцев, чем по описаниям случайных наблюдателей.

При составлении и издании настоящего сборника я имел еще ту цель, чтобы указать людям научной и философской мысли нашего общества о важности для них, как и для всего русского общества, войти в ближайшую идейную связь с русскими сектантами. От такой связи можно ожидать развития особой оригинальной русской философской мысли, которая быть может будет в силах повести жизнь нашего общества по особому, прямому пути к совершенству, по тому пути, на который не раз указывал Л. Н. Толстой.

А. М. Бодянский.

Введение.

Для ясного понимания и надлежащей оценки всего того, что заключает в себе настоящий сборник, а также для полноты и цельности впечатления от чтения всего этого, вполне необходимым кажется предпослать в общих чертах историю духоборцев за последние годы. Это мы и сделаем попутно с некоторыми пояснениями.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия духоборцы находились еще в самых преданных отношениях к русскому правительству. В недавнюю тогда турецкую войну они служили по вольному найму фурщиками в обозах русской армии, действовавшей в Малой Азии и были на высоком счету у военного

начальства за свою добросовестность и отвагу.

В то время главою духоборческой общины состояла Лукерья Калмыкова, урожденная Губанова, жена последнего из прямых потомков Капустина, вероятного основателя таврического, впоследствии кавказского духоборчества.

Лукерья Калмыкова была женщиной большого практическая ума и такта, и, в хозяйственном отношении, она вела подвластную ей общину как нельзя лучше.

Надо заметить, что власть ее, как и всех вообще главарей таврическо-кавказского духоборчества, была основана на самых крепких устоях, на религиозных догматах. Еще когда духоборцы жили до 40 года прошлого столетия в Таврической губернии, на реке Молочной, еще тогда в их верованиях вполне определился догмат о том, что Бог есть дух, но не сущий самостоятельно, а живущий в людях, по преимуществу «в роде праведном», в котором Он и воплощается преемственно от одного человека в другого из тех, которые преемственно предназначаются в главари «рода праведного», т. е. духоборцев. Поэтому человек стоявший во главе духоборческой общины почитался иными ее членами как «истинный бог» и, большинством, не менее того, как почитались «судьи» у древнего Израиля.

На таком крепком духовном основании покоилась и власть Лукерьи Калмыковой. И она очень разумно пользовалась своею властью на благо глубоко преданной ей общине, но только на благо матери-

альное. В идейном отношении, как учительница жизни, она не имела никаких даров.

Жила она в селе Горелом, Тифлисской губ. Ахалкалакского уезда, и из своей резиденции управляла всеми духоборческими селениями в Тифлисской, Эриванской и Карской губер. В селе Горелом находился так называемый «Сиротский дом», который почитался духоборцами почти также, как ветхозаветными иудеями почитался храм в Иерусалиме. В этом доме и жила духоборческая правительница, Лукерья Калмыкова, и в этом же доме находили приют престарелые и немощные из духоборческой общины.

За время главенства Лукерьи духоборцы успели вполне оправиться от разорительного и гибельного для многих из них вынужденного переселения из привольных степей Таврической губ. на Мокрые горы в Закавказье. Правительство с умыслом переселило их в те места, дабы истребить ненавистный род духоборцев естественным путем, поселив их в самых неудобных местах, где иногда вымерзал даже ячмень, стало быть с климатом Архангельской губернии, и притом среди враждебных татарских племен, в первое время постоянно нападавших и грабивших духоборцев. Но, против ожидания, духоборцы не погибли, а еще более окрепли физически в своем потомстве, потому что слабые между ними не вынесли суровых лишений и действительно погибли.

С воцарения императора Александра II, русское правительство стало смотреть на духоборцев иначе, не как на супротивников, обреченных на истребление, но как на людей очень пригодных для обруссения края; и местное начальство стало оказывать им помощь в их беспощадной борьбе с татарами и другими туземными племенами.

На этой-то почве и произошло примирение духоборцев с русским правительством, произошло главным образом потому, что во главе их стояли в то время лица очень слабые в нравственном отношении.

За время главенства Лукерьи, духоборцы не только оправились от прежних бед, но и приобрели, в крестьянском смысле, значительное благосостояние; и этому больше всего способствовало то, что они всегда жили между собой в большом согласии, оказывая во всех случаях взаимно друг другу помощь и поддержку. Но чисто общинного строя у них в это время еще не было, и они даже тогда не чувствовали расположения к такому строю. Жили они тогда, как живут все вообще русские крестьяне, имея общественную землю, но занимаясь хозяйством посемейно, так что в то время и между ними были богатые и бедные, хотя и не в такой резкой форме, как между крестьянами вообще, и нищих, безвыходно нуждающихся, которых так много в русских деревнях, между ними никогда не было; и это происходило главным образом потому, что, как уже сказано, взаимопомощь между ними была развита издавна. Получали также

нуждающиеся поддержку от «Сиротского дома». А «Сиротский дом» обладал во время Лукерьи уже не малым имуществом; были в нем денежные капиталы, имелся большой хозяйственный инвентарь, стада овец и рогатого скота и десятин триста земли безвозмездно обрабатывались духоборцами на пользу «дома».

Но в духовном отношении влияние Лукерьи на подвластную ей общину было крайне слабо, и, в этом отношении, за время ее правления, духоборцы не подвинулись ни на шаг вперед, если только не отступили назад. Муж Лукерьи и отец ее мужа, носители той же власти, которая преемственно от них досталась на ее долю, были люди далеко не соответствующие своему положению: они вели жизнь не вполне воздержанную, доходя до нетрезвого состояния; и пьянство с того времени стало обычным явлением в духоборческой среде; также, чуть не с детского возраста, приучались все мужчины, поголовно, к курению табака. Далее этого, однако, порча духоборцев в нравственном отношении, как при предшественниках Лукерьи, так и во время ее правления, не пошла, и их прямота и честность пользовались всегда заслуженной известностью в Закавказье.

Так как у Лукерьи детей не было, то, естественно, что она, на склоне лет, позаботилась о достойном преемнике своего обоготворяемого положения. Выбор ее остановился на молодом человеке, Петре Васильевиче Веригине, которого она и взяла к себе на жительство в «Сиротский дом», предварительно разлучив его с женой и детьми, которым была выплачена за это какая-то денежная сумма. В конце восьмидесятых годов минувшего столетия Лукерья, предчувствуя кончину своей жизни, созвала «старичков» всех духоборческих селений, и они целовали руку и земно кланялись Петру Веригину, признавая его тем самым преемником от Лукерьи величия и власти главы духоборчества.

Вскоре после этого Лукерья умерла, и Веригин принял бразды правления над духоборчеством в свои руки. Прошло несколько месяцев и все шло, по-видимому,

по добру, да по хорошему, но дурное и злое уже действовало в это время по своим путям.

В том же селе Горелом, где находился сиротский дом, жил родной брат Лукерьи, по фамилии Губанов. И показалось этому субъекту обидным то, что после смерти его сестры стал во главе духоборческой общины и распорядителем десятками лет накопленного общественного имущества не он, кровный брат обоготворяемой правительницы, а совсем сторонний человек. И поехал он в Тифлис посоветоваться с чиновниками. И посоветовали ему чиновники подать прошение в окружный суд о вводе его во владение движимым и недвижимым имуществом оставшимся после смерти его бездетной сестры, Лукерьи Калмыковой; а имуществом ее посоветовали показать капиталы, инвентарь и земли, принадлежащие «Сиротскому дому» и самый этот «дом», на том основании, во-первых,

XIV

что всем этим бесспорно владела до конца жизни сестра его, и во-вторых, что все это не могло быть имуществом общественным, на том основании, что, по закону, никакой духоборческой общины, как юридического лица, имеющего имущественные права, не существовало. Губанов поступил согласно с преподанным ему советом и суд уважил его просьбу, находя ее вполне законной, и постановил ввести Губанова во владение над имуществом оставшимся после смерти бездетной сестры его, Лукерьи Калмыковой. Но против этого, само собою разумеется, восстал Петр Веригин и все те духоборцы, которые признали в нем преемника духа Божьего от Лукерьи Калмыковой. Губанову, однако, удалось образовать свою партию, хотя и немногочисленную, но более решительную в действиях. И разделилось тогда все духоборчество на два враждебных лагеря, затянувшие бесконечный судебный процесс, не щадя своих пожитков. И очень долго продолжался этот процесс, обогативший не малое число чинов юстиции и администрации города Тифлиса и изобиловавший многими трогательными и поучительными эпизодами. Так, однажды, тысячная толпа приверженцев Веригина явилась ко дворцу тогдашнего наместника на Кавказе, Великого Князя Михаила Николаевича, и умоляла Его Высочество оказать им справедливость. И Его Высочество не сделал из этого случая ничего похожего на то, что было сделано в аналогичном случае 9 января 1905 года в Петербурге. Его Высочество по достоинству оценил трогательную народную преданность к нему, как представителю Царского престола, с представлением о котором народ связывал праведный суд и милость. Его Высочество выслушал всенижайшее прошение духоборцев—веригинцев и обещал сделать все, что от него зависит. И есть данные, заставляющее думать, что Его Высочество думал что-то сделать для просителей, но не мог ничего сделать потому, во-первых, что вскоре отбыл с Кавказа, оставив пост Наместника, который был заменен постом Главноначальствующего; и, во-вторых, потому что к этому времени в правительственных сферах получил такое господство дух нетерпимости и человеконенавистничества, исходивший от обер-прокурора Синода, Константина Победоносцева, что против этого не мог ничего поделать даже Великий Князь.

Главноначальствующим на Кавказе, вместо наместника, Великого Князя Михаила Николаевича, стал Дондуков-Корсаков, и этот человек уже был только исполнителем велений господствующего «духа» в высших правительственных сферах. С тех пор дела духоборцев—веригинцев пошли быстро на понижение, и, ко всему в добавок, «дух» нашептал их противникам, что для окончательного проигрыша веригинцев следует устроить провокаторство. И было устроено провокаторство, и было донесено куда следует о политической неблагонадежности Петра Веригина и ближайших его совет-

ников. И Петр Веригин с пятью самыми уважаемыми стариками, из среды духоборцев—веригинцев, были арестованы, посажены в тюрьму, а затем сосланы в Архангельскую губернию.

Петру Веригину было в это время не более 25 лет — возраст самый восприимчивый в идейном отношении у людей простых, не образованных.

В ссылке Веригин попал, сначала, между «политическими», которыми, как известно, издавна населяло русское правительство «места отдаленные». От «политических» Веригин, вероятно, узнал многое для него новое. Потом ему были присланы писания Л. Н. Толстого на темы жизни духовной, и эти писания тоже оказали не малое влияние на развитие его сознательности; и он вошел в переписку с их автором и его ближайшими друзьями. А тем временем, вследствие постоянных его сношений со своими приверженцами, между ними тоже стало происходить брожение, как раз совпадающее и по времени, и по направлению, с ходом того духовного развития, которое переживал сам Веригин.

Подобное совпадение необходимо должно было иметь место, потому что, как уже выяснено, Веригин, в глазах своих приверженцев, был по меньшей мере сверхчеловек и при том увенчанный ореолом страдальца за правду.

Кажется, что пока Веригин был под влиянием «политических», судебный процесс и враждебные отношения его приверженцев с партией Губанова шли полным ходом. Но, по мере того, как на него стали оказывать преобладающее влияние этические идеи Толстого, и в зависимости от этого, стали изменяться слова и мысли в его письмах к «своим», очень быстро стала происходить перемена воззрений и у всех его приверженцев.

Прежде всего они начали проникаться идеей «непротивления злому» и прекратили судебный процесс с губановцами, предоставив им все общественное духоборческое имущество. Потом пошли между ними толки о том, что жить по-братски, по-христиански, надо иначе, чем они живут, что между ними есть богатые и бедные, а этого между христианами не должно быть. И тут-то проявилась в их среде в полной силе та характерная черта русских сектантов, которая дает им такое большое нравственное преимущество перед интеллигентными носителями разных социалистических учений в нашем обществе. Характерная черта эта заключается в том, что, когда русские сектанты воспримут какую-нибудь жизненную идею, то они, прежде всего, стараются сами осуществить ее в своей жизни: это их заветное

стремление, а не то, чтобы заставлять других подчиниться тому, во что они сами уверовали. Между тем, как в деятельности наших социалистов всяких формаций, и не одних социалистов, а вообще всех наших интеллигентных идейных деятелей на поприще общественной жизни, можно заметить

совсем иное: стремление к насилию над другими, в видах осуществления тех принципов, которых сами проповедники и не думают осуществлять в своей собственной жизни.

Когда духоборцы—веригинцы дошли до такого понимания, что среди них не должно быть богатых и бедных, что это не хорошо, не по-христиански, тогда решили они все свое наличное имущество, сколько у кого есть, разделить поровну между всеми своими. И — разделили. И этот нравственный подвиг имел для них великое воспитательное значение: с этого началось у них развитие той духовной энергии и настойчивости, которые впоследствии, когда они были уже в Канаде, у многих из них достигли до высшей степени напряжения и создали удивительные явления. Но об этом — в своем месте.

Вскоре после уравнения имущества, между приверженцами Веригина стали происходить оживленные толки о том, что им необходимо отказаться от потребления вина, табака и мяса. Пришло известие к ним, что от всего этого отказался Петр Васильевич. И они тоже отказались все, поголовно. Потом они решили устранить себя от всякого соотношения к человеконасилию и для этого постановили, прежде всего, собрать у себя все оружие, предназначенное для человекоубийства, — ружья, пистолеты, шашки, кинжалы, которых имелся у них большой запас еще с времен распрей с татарами, и торжественно сжечь.

Общий подъем духа достиг у них к этому времени до такой степени напряжения, что нередко в их собраниях выступали с проповедью дети 10 — 12 лет.

Постановлено было произвести сожжение оружия 29 июня, в день Петра и Павла, по православному календарю, которого духоборцы в то время вовсе не чуждались и даже праздновали некоторые церковные праздники. Поэтому и день Петра и Павла они признавали тогда святым днем тезоименитства своего духовного вождя.

В то время, когда они делали необходимые приготовления к этому делу, которому они придавали великое религиозное значение, как клятве или отречению от прежнего направления жизни и вступлению на новый жизненный путь, поэтому и было решено совершить сожжение оружия всенародно, при пении духовных псалмов, в то время в селе Горелом между партией Губанова распространился слух, будто веригинцы собирают оружие с целью нападения на «Сиротский дом». И об этом было дано знать в Тифлис губернатору, князю Шервашидзе, а тот распорядился о немедленной посылке войск в защиту села Горелова и сам обещал через день-два посетить духоборческие села.

Между тем, веригинцы собрали и свезли собранное оружие в укромную горную долину недалеко от своего села Богдановки. Здесь были запасены дрова, из них сложили один громадных разме-

ров костер, наверх положили все привезенное оружие, которого оказалось полных два фургона, и, при пении псалмов в несколько тысяч голосов, костер был подожжен.

А в это время губернатор, Шервашидзе, прибыл в село Богдановку и, не найдя там обывателей, кроме старых, да малых, да больных, приказал части своего конвоя, состоящего из казаков, разыскать отсутствующих жителей и поставить их перед его лицом. Казаки пустились в розыски. Но, так как в горах был туман, то прошло несколько часов, прежде чем казаки напали на след. Когда они подъезжали к костру, он был уже в полном разгаре, и толпа стояла вокруг тесным кольцом.

Казацкий начальник, сотник Прага, потребовал, чтобы народ немедленно отправился в Богдановку, где ожидает губернатор. Но духоборцы отказались от немедленного исполнения приказания, заявив, что они пойдут только тогда, когда окончат «молебствие». Тогда сотник Прага приказал казакам аттаковать толпу. Аттаковали и погнали нагайками. Казаки били без милосердия, они были навеселе, выпимши, и работали нагайками всю дорогу до самого села; а со стороны духоборцев не было ни криков, ни просьб о пощаде, ни взрывов негодования. Они старались только защитить от ударов подростков и женщин. Взрослые мужчины, взявшись рука за руку, окружили их крепкой цепью, и в таком порядке медленно подвигались по дороге, принимая молча удары нагаек и не разрывая круга даже тогда, когда казаки напирали лошадьми, желая прорваться в средину живого кольца.

Когда толпа была пригнана и поставлена перед лицом губернатора, тот обратился к ней с речью напыщенной и высокомерной, но сдержанной в начале. Когда же, еще до окончания речи, из толпы выступили молодые духоборцы, бывшие на призыве, и подали губернатору свои воинские билеты, заявляя, что этим самым они решительно отказываются от дальнейшего исполнения военной службы, то князь Шервашидзе до того забылся, что бросился на толпу и стал колотить духоборцев направо и налево своей палкой. Губернаторская свита и казаки последовали примеру своего начальника и духоборцы принуждены были броситься в рассыпную во все стороны, прячась, где попало. В результате — несколько искалеченных человек. А губернатор уехал, грозя скрутить «бунтарей» в бараний рог и предоставляя их «на усмирение» казацкому сотнику Праге. И сотник поусердствовал в усмирении до того, что даже переусердствовал и, по настоянию какого-то «лица», был отдан под суд.

Через несколько дней после отъезда губернатора из Богдановки, согласно «повеления из Петербурга», было предписано из Тифлиса, чтобы все жители духоборческих селений Богдановки, Радионовки, Орловки и других, от малого до самого старого, отправ-

лены были в ссылку, в трехдневный срок «со дня объявления сего предписания», в туземные аулы Горийского, Душетского, Тионетского и Сигнахского уездов, причем в каждый аул предназначалось не больше двух семей.

Другими сливами, несколько цветущих сел, населенных трудолюбивыми, честными и смиренными русскими людьми, вносившими, в большой степени, культуру и обрусение туземных племен, были предназначены на разорение, а жители их на истребление «естественным способом», как это делалось в старину, в «николаевские времена», пример с которых, как известно, был взят за образец русским правительством для внутренней политики, начиная с восьмидесятых годов истекшего столетия. Этот «естественный способ истребления» заключался в том, что правительство ссылало тех, от кого хотело избавиться, в такие места или ставило в такие условия, при которых сосланные неминуемо погибали, если не от лишений, то от болезней, вызываемых непривычным климатом. Духоборцы уже раз подверглись этому способу истребления как уже было упомянуто в царствование Николая I, в 40-х годах прошлого столетия, когда их переселили из степей Таврии на Мокрые горы Ахалкалакского уезда; и если они тогда не все погибли, то единственно благодаря своей общинной сплоченности и братскому единению. Однако и тогда погибло их не мало, более слабых и менее выносливых, вследствие чего, может быть и создался потомственно особый, племенной тип духоборцев: здоровый, — выносливый и очень работоспособный.

Ссылаемым теперь не было дозволено продавать свое имущество. Им можно было сделать это только украдкой, так как в их села никого из окрестных жителей не допускали, и все три дня, данные им для сборов, их села были окружены военными постами и разъездами. С собою, однако, разрешено им было брать что они пожелают из имущества, но только то, что могли уложить на свои подводы. Но взять можно было немногое, потому что, на круг, на семью приходилось не больше одной пароконной подводы.

Все, чего нельзя было взять с собой, — а хозяйства у них, в особенности после уравнения имущества, были как полные чаши, — весь домашний скарб, скот, запасы зерна, они оставили на полный произвол; но перед самым отъездом распорядились так, как будто ждали праздника и желанных гостей. Всюду, в дворах и жилищах, было начисто прибрано, скоту заложен корм, а в каждом доме столы накрыты чистыми скатертями, по средине положен хлеб и соль, все двери настежь отворены...

Длинной вереницей потянулись по дороге обозы ссыльных, конвоируемые спереди и сзади и с обеих сторон казаками с нагайками.

Тяжело нагруженные фургоны, с сидящими наверху семьями духоборцев, двигались медленно. Старшие управляли лошадьми, а сзади их ютились женщины и дети. Лица у них раскраснелись от

сдержанных рыданий, но слезы все-таки катились обильно, оставляя по щекам следы смоченной дорожной пыли. Разговоров — никаких; только изредка слышалось гиканье казаков, на которых, как будто, тоже действовало печальное

настроение поезда.

А за сутки раньше этого, из тех же сел был отправлен этап: погнали в Тифлис, в тюрьму, всех запасных, передавших губернатору воинские билеты и стариков больше десятка, о которых начальство узнало, будто они состоят главарями «движения»

Административным властям тех мест, куда ссылались духоборцы, было вменено в обязанность учинить над ними самый строгий надзор: никого из места ссылки, ни под каким предлогом не отпускать и сообщения между ними преграждать.

Из этого распоряжения, и из других «мероприятий» в том же роде можно было уже тогда заключить, что власти положили или сломить, или уничтожить «бунтарей» «естественным способом»; в особенности это можно было понять из того, что все ссыльные были размещены в таких местностях, в которых даже туземцы страдали от малярии.

Поняли это и духоборцы, н, когда поняли, от себя положили «идти на смерть», а, согласно с этим, еще положили, чтобы больше детей не иметь. И детей у них не было за все время с 1895 по 1898 год, так что, когда они переселялись в Канаду, между ними не было ни одного ребенка моложе трехлетнего возраста.

В ссылке духоборцы переносили свое тяжелое положение хотя и очень терпеливо, но далеко не без протестов. Всюду, где они были расселены, у них происходили постоянный столкновения с местной администрацией, что еще более ухудшало их положение. Главным образом столкновения происходили по тому поводу, что духоборцы, не смотря на запрет, отлучались из мест поселения, желая иметь между собою общение, а также и для заработков, вынужденные, в последнем случае, прямой необходимостью — голодом.

С начала местная администрация, повинуясь велениям свыше, карала «неукоснительно» самовольные отлучки духоборцев, но когда это не помогло, и начальство убедилось, что дожидать голодной смерти, сложа руки, они не будут, тогда было разрешено им отлучаться, но не иначе как с ведома ближайшей полицейской власти, каждый раз в определенное место и за определенным делом, для чего имеющий надобность отлучиться должен был брать «квиток». Но духоборцы отказались от выборки «квитков», продолжая самовольные отлучки; и если это не привело их к окончательной гибели, то единственно потому, что, как это всегда бывает, низшие исполнители власти-насилия никогда не бывают так жестоки и бесчеловечны, как этого хотелось бы высшим властям.

По сколько было скрыто от взоров высшей правительственной власти, находящейся в Тифлисе, постолько местная администрация

стала смотреть сквозь пальцы на продолжавшиеся отлучки духоборцев из мест поселения, игнорируя «квитками» и всякими угрозами. Но положение их продолжало оставаться настолько ужасным, что за 2 года ссылки почти треть сосланных погибла от болезней и лишений, и, вероятно, погибли бы все без остатка, если бы не явилась помощь от людей помнящих Бога. Помощь явилась сразу с двух

сторон, в России от Льва Николаевича Толстого, который, как только что до него дошли слухи о большой смертности среди ссыльных духоборцев, послал исследовать их положение двух своих друзей, Л. А. Сулержицкого и П. И. Бирюкова, и из заграницы, из Лондона, от квакеров, которые послали, с тою же целью, капитана индийской службы, Артура Сен-Джона. От этих посланных пославшие получили одинаковое уведомление, что из ссыльных духоборцев нет ни одного, который не страдал бы малярией, и что многие из них уже предстали на суд Божий. Тогда, пользуясь инициативой самих духоборцев, которые подали прошение на Высочайшее имя о выселении их заграницу, стали хлопотать об этом Толстой и квакеры. И усиленные их хлопоты в конце концов увенчались успехом, и русское правительство согласилось таки выпустить из рук свою жертву: — дало свое согласие на переселение «бунтарей» заграницу.

В то самое время, когда сосланные духоборцы из Ахалкалакского уезда подвергались в ссылке всяким бедствиям и репрессиям, их братья-единомышленники, в Карской области, испытывали правительственное насилие в другой форме. В начале «возмущения» они думали уйти в Турцию, но их туда не пустили. Тогда они поступили вполне солидарно с Ахалкалакскими братьями, устранившись от всякого отношения к правительству: перестали платить налоги и отказались от воинской повинности, а бывшие у них свои выборные сельские власти — старосты, сборщики, полицейские — отказались от исполнения служебных обязанностей.

В ответ на это правительство назначило в духоборческие селения Карской области должностными лицами осетин, из чапар, полицейских, и потребовало, чтобы духоборцы уплачивали им положенное жалование. Духоборцы, конечно, отказались. Тогда стали происходить в духоборческих селах Карской области ежемесячные аукционы движимого имущества обывателей, на уплату жалования и содержания сельским должностным лицам. Около двадцатого числа, каждого месяца, приезжал в селение полицейский пристав или один из его помощников, входил в любой двор по выбору, оценивал любое по выбору имущество и отдавал его в собственность следовавшим за ним по пятам, темным личностям, которые вносили деньги, требуемые с духоборцев на содержание и жалование осетин.

Другими словами — происходил открытый грабеж смиренных, трудящихся людей, на самом «законном основании».

Грабеж этот продолжался очень долго, в семи духоборческих селениях Карской области, и закончился полнейшим разорением их обывателей.

Менее других подверглись правительственным репрессиям духоборцы в Елисаветпольской губернии, потому что они открыто примкнули к веригинской партии только в 1898 году, перед самым отправлением в Канаду.

Еще в начале 90 годов прошлого столетия, в Лондоне был образован квакерами „коммитет для оказания помощи страждущим сектантам в России". Вот этот коммитет и принял теперь живое участие в судьбе духоборцев.

В 1893 году два уполномоченных коммитета приехали в первый раз в Россию, в

Петербург, и подали прошение на Высочайшее имя о разрешении им посетить Киевскую губернию, в которой тогда неистовствовал над сектантами—штундистами генерал-губернатор, граф Игнатьев, и, затем, Закавказье, куда, в то время, преимущественно в самые нездоровые места, ссылались сектанты всех толков, со всех концов России. Это делалось по настоянию тогдашнего обер-прокурора Синода — Константина Победоносцева.

Так как в тот год, когда уполномоченные квакеров просили о разрешении посетить Киевскую губ. и Закавказье, конфликт духоборцев с правительством еще не носил острой формы, то им было разрешено посетить Закавказье, но в Киевскую губернию их не пустили. Поэтому уполномоченные побывали только в Закавказье, и уже тогда осведомили лондонский квакерский коммитет о гонениях правительства против духоборцев, которых квакеры признают своими русскими единоверцами. Когда же произошел полный разрыв между правительством и духоборцами, тогда квакеры стали усиленно хлопотать об облегчении их участи. В 1897 году единовременно посетили Закавказье, с этою целью, как уже сказано, посланный квакерами капитан индийской службы, Артур Сен-Джон, и посланные Л. Н. Толстым, — П. И. Бирюков и Л. А. Сулержицкий. Но только одному последнему удалось побывать у ссыльных духоборцев на местах их ссылки, а первые два были арестованы в Тифлисе, и Сен-Джон, в качестве шпиона, был выслан заграницу.

Сулержицкий привез Толстому страшное известие о повальной болезни и смертности ссыльных духоборцев и о необходимости скорейшей помощи. Тогда последовали ходатайства, направленные даже через Императрицу-мать и английского посланника; и эти-то внушительные ходатайства заставили тогдашнего фактическая главу русского правительства, Константина Победоносцева, быть может один из немногих раз в жизни, отказаться от намеченной жертвы. Тем не менее, отпуская духоборцев заграницу, правительство сделало, что могло, в их ущерб. Последовало распоряжение о том, чтобы эмигри-

рующие духоборцы не продавали своих домов и ни каких других построек, а для выезда они были обязаны взять дорого стоющие заграничные паспорта и в тоже время дать подписку о том, что обратно в Россию никогда не возвратятся. Разоренные в конец ахалкалакские и карские духоборцы, конечно, не могли выбрать паспорта: они не имели чем за них заплатить; у них даже не было средств купить билеты на переезд по закавказской железной дороге до Батума, где они должны были сесть на пароходы. И с ними могло случиться то же, что случилось позже с крестьянами села Павловок, Сумского уезда, Харьковской губ., которым тоже, сначала, было дано разрешение на переселение заграницу, а потом были поставлены такие условия для этого, что те отказались от переселения и, доведенные затем репрессиями до крайности, пошли на разорение зданий православных церквей. Вероятно и духоборцы были бы поставлены администрацией, после разрешения на выезд, в невозможность исполнить это, если бы не пришла помощь, главным образом из чужой страны, из Англии, от квакеров. Эти энергичные, добрые люди,

привыкшие доводить до конца начатое дело, не остановились перед большими затратами для спасения духоборцев: они собрали несколько сот тысяч рублей, заплатили за проезд духоборцев по железной дороге и за заграничные паспорта, и на 4-х пароходах отправили их в Канаду, числом около 7500 человек обоего пола и всех возрастов.

———————

Так весьма счастливо окончилась для духоборцев борьба с русским правительством, которое не привыкло щадить своих противников, если могло это сделать.

Духоборцы выразили в этой борьбе беспримерное воодушевление и стойкость; но, указывая на это, невольно заставляешь думать тех, кто лично не знаком с этими людьми, что все они одарены особыми высокими духовными качествами, — это, однако, не так. Правда — в их среде встречается так много хороших, честных, нравственных людей, как, вероятно, ни в одном другом обществе и, что всего важнее, — все они склонны осуществлять свои воззрения прежде всего в своей жизни, не претендуя на их осуществление другими. Тем не менее, как и во всяком другом обществе, подавляющее большинство из них способно только на инертное движение, за своими вожаками, не будучи способно создавать перемены в своей жизни по своей инициативе; так что во всех крупных переменах жизни духоборческой среды инициатива создавалась примером или указанием вожаков: — в данном случае, по преимуществу, Петра Васильевича Веригина.

Уже было сказано, что пока этот человек, несомненно умевший пользоваться своим положением «богоносца» в глазах своих при-

верженцев, был под влиянием ссыльных — «политических», в Архангельской губ., его последователи рьяно вели судебный процесс со своими противниками — «губановцами», а при встречах с ними не чужды даже были приемов ругани и рукопашного боя; когда же «хозяин», (как они называли своего «богоносного вождя» в сношениях с посторонними, стыдясь почему-то в этих случаях называть его так, как привыкли признавать, в силу наследственных религиозных предрассудков — Богом), когда «хозяин» стал сочувственно относиться к христианским идеям Льва Толстого, и посылал своим приверженцам в этом смысле письма-послания, тогда и они очень скоро прониклись этими идеями, до того прониклись, что исполнили такое крайне трудное дело, при современном нравственном уровне людей, как уравнение между собою имущества. Совершение этого изумительного подвига бескорыстия только и может быть объяснено тем, что этого хотел Веригин, а если он хотел этого, то его последователи не могли этого не сделать, воздавая ему божеское почитание в силу наследственных верований и его ореола страдальца за правду. Почитание Веригина доходило в то время между его последователями до того, что когда получалось от него письмо, то и этому письму воздавалось божеское поклонение. По прочтении письма, оно помещалось посреди комнаты, на полу, и все присутствующие становились вокруг и совершали земной

поклон.

Даже после переселения в Канаду, при котором всем покинувшим Россию духоборцам пришлось повидать много нового и поучительного и войти в самую близкую связь со своими интеллигентными друзьями, принимавшими непосредственное участие в их переселении, что несомненно должно было повлиять на развитие их сознательности и проявление критического отношения к своим религиозным верованиям, даже после этого, будучи уже в Канаде, когда к ним стали обращаться с запросами о том, кем признают они Веригина, то нашлись, кажется, 15 женщин, от имени которых было составлено «возглашение» о том, что Петр Васильевич Веригин есть «истинный Бог». Это «возглашение» было послано из Канады, в 1900 году, для принятия к сведению, В. Г. Черткову, в Англию, и Л. Н. Толстому, в Россию, — вероятно потому, что духоборцы признавали тогда этих лиц стоящими во главе той группы людей, воззрения которых находили близкими к своим.

Не удивительно после этого, что достаточно было Веригину в 1895 г., послать из Обдорска, где в то время он томился в ссылке, свое прежде любимое и ценное ружье на Кавказ, к своим приверженцам, с просьбой истребить его, чтобы произошло, вскоре после этого, знаменательное сожжение оружия, о котором рассказано выше.

Но если подавляющее большинство духоборцев-приверженцев Веригина, старались следовать по пятам своего духовного вождя в

XXIV

изменении направления своей жизни, то не следует думать, что они поступали в этом случае вполне догматично, по одной слепой предрассудочной вере. Была доля и слепого подражания, но несомненно и то, что на них влияла и та жизненная правда, которая выражалась в словах и поступках Веригина. Так что, если бы он выразил в них правду не в той мере, в какой выразил, то и влияние его было бы, как думается, тоже иное. И эту мысль достаточно подтверждает тот факт, что, когда Веригин уже был в Канаде среди своих, и обнаружилось, что он далеко не такой идейный, духовный человек, каким казался издалека, когда находился в Обдорске, и проявляет больше склонности к материальным заботам, чем к совершенству духовному, то в глазах лучших людей своего общества он потерял всякое значение.

Переселение духоборцев в Америку совершилось не совсем плавно. Сначала В. Г. Чертков, (имевший большое влияние на ход переселения), живя в Англии и состоя в близких сношениях с квакерами, решил вместе с ними поселить духоборцев на остров Кипр. Ему не хотелось, чтобы это лучшее племя русского народа уходило далеко от России; он сознавал, что чем дальше оно уйдет, тем более будет потеряно для русского народа, а потеря эта не могла не казаться ему тяжелой. Поэтому, по настоянию В. Г. Черткова, первый пароход, отплывший из Батума, с 1100 духоборцами, находившимися в ссылке, был направлен на остров Кипр. Но нездоровый и жаркий климат Кипра, и обилие прекрасных южных фруктов оказали пагубное влияние на переселенцев, которые, к тому же, были поголовно заражены малярией. За очень короткий срок из них умерло на Кипре больше ста человек.

Тогда решено было перевести их в Канаду, куда, к тому времени, уже прибыли три парохода со всеми другими духоборцами, выразившими желание переселиться из России.

Пароход с последними переселенцами-духоборцами из острова Кипра прибыл в Канаду весною 1899 года.

Здесь, стараниями ходоков, князя Д. А. Хилкова, англичанина А. Ф. Мода и двух духоборцев — Ивана Махортова и Ивана Ивина, уже были выбраны обширные земельные участки для поселения духоборцев, а правительство Канады отнеслось к их переселению очень сочувственно. Смотря на это переселение только с чисто практической точки зрения, правительство Канады приняло его, как дар со стороны русского правительства в 25 миллионов рублей, исходя из того, что в числе 7500 переселенцев найдется не менее 2000 вполне трудоспособных рабочих, могущих вырабатывать, сообразно с тамошней ценой на рабочий труд, каждый не менее как на 600 р. продуктов труда в год. По такому расчету, получается сумма не менее 1200000 руб. стоимости продуктов труда, которые должны вырабатываться ежегодно духоборцами; а капитализуя эту сумму из 5%

выходит, что стоимость рабочей силы, которую представляют из себя переселенцы из России, равняется почти 25 миллионам рублей.

Канада, гостеприимно принявшая изгнанников русского правительства, очень похожа, за исключением приокеанных окраин, по климату и поверхности, на западную Сибирь. Вся ее средняя, большая часть, состоит из степной и, ближе к Великим озерам, луговой равнины, покрытой, быть может, самой тучной почвой в мире. В этой-то средней части и поселились духоборцы, в территории, носившей прежде название Ассинибойя, а теперь Саскачевань.

Места в Канаде, предназначенные для поселения эмигрантов, разбиты на правильные четырехъугольники, линии которых параллельны широтам и меридианам, а длины и ширины — 375 сажень; так что каждый такой четырехъугольник заключает в себе около 55 десятин. Называется такой четырехъугольннк земли «гомстедом». Четыре таких гомстеда составляют «секцию», а 36 секций, расположенных по 6 в ряд, составляют «тауншип», по границам которого идут широкие тауншипские дороги. Так разумно размежеваны те части территории Канады, которые предназначены для раздачи переселенцам. При этом, в видах поощрения частных предпринимателей на постройку железных дорог, в их собственность отдаются участки земли на известные расстояние по обе стороны проведенной дороги, через один гомстед, в шахматном порядке; в таком именно порядке для того, чтобы затруднить образование больших частных земельных владений, что произошло бы неминуемо, если бы земли отдавались строителям железных дорог сплошною площадью. А не давать земли строителям дорог в Америке нельзя, потому что эти дороги очень мало доходны, в первые годы не окупают даже содержания. Так, напр., дорога от Виннипега до Иорктона, вокруг которого поселилась большая часть духоборцев, имела, спустя восемь лет по

открытии, всего 2 пассажирских поезда в неделю.

Полученные земли строители дорог продают, обыкновенно, тем эмигрантам, которые успели устроиться и хотят расширить свои хозяйства прикупкой соседних гомстедов. Кроме того строители выручают большие суммы от продажи городских мест, в городах, возникающих при открытии железной дороги почти около каждой станции. Таким образом они покрывают, в некоторой части, свои расходы на постройку дороги, а в перспективе имеют постепенно возрастающий от нее доход, по мере заселения края.

Казенные гомстеды раздаются за самую ничтожную плату (10 долларов) в собственность эмигрантов, причем каждый эмигрант, без различия национальности и исповедания, достигший 18-летнего возраста, имеет право на получение одного гомстеда в собственность, по своему выбору, из числа еще не занятых.

Но для духоборцев было сделано исключение. Их вышеуказанные уполномоченные, князь Хилков, Мод, Ивин и Махортов,

XXVI

вошли в соглашение с Канадским правительством, и оно предоставило духоборцам несколько сплошных участков земли в десятки тысяч десятин, сделав обмен железнодорожных гомстедов на гомстеды в других местах. Кроме этого, законодательным актом канадского парламента духоборцы, наравне с менонитами, переселившимися из России в 70-х годах прошлого столетия, при введении всеобщей воинской повинности, были освобождены от этой повинности, номинально существующей и в Канаде.

Поселились духоборцы группами сел, в трех местах: главная группа — вблизи города Иорктона, конечного пункта, в то время, железнодорожной линии из Виннипега в степи средней Канады. Здесь были устроено около 30 селений. Вторая группа поселилась верстах в 150 от Иорктона к северу, около Громовой горы, по реке Лебединой. Здесь устроено 12 селений; и третья группа — в 400 верстах от Иорктона, по реке Северной Саскачевани. В каждое селение вошло от 15 до 25 семейств, и столько же построено дворов, в одну улицу. При этом расположение домов, дворов и улиц старались согласовать с теми указаниями, которые получались из Обдорска, от Веригина. Но по селениям духоборцы распределились совершенно свободно, без указаний от Веригина, руководствуясь преимущественно родственными связями или особым уважением к тому или другому старичку, вокруг которых группировались общины. Эти «старички» поэтому становились руководителями, каждый своей общины, заведующими всеми их делами, без всякого утверждения и избирательной процедуры, единственно в силу заслуженного ими уважения. От Веригина было только указано, чтобы каждая община состояла не более, как из 30 семей.

Правительство Канады делает, вообще, очень многое дли облегчения положения переселенцев в первое, трудное для них, время обзаведения хозяйством, а по отношению к духоборцам сделано было еще больше. В Иорктоне был выстроен большой эмигрантский дом, в котором более двух лет помещались духоборцы, когда

приезжали в город, или находились там на работе. Был учрежден духоборческий комитет, из агентов правительства и уполномоченных из духоборцев, и на руки этого комитета правительство выдало 70 тысяч руб. бонуса, которые предназначены были расходоваться на нужды духоборцев. «Бонусом» называется комиссионная премия в 5 долларов, которую получают агенты по переселению от правительства, за каждого приехавшего в Канаду переселенца. Но за переселение духоборцев эта премия была назначена для выдачи самим духоборцам. Кроме того, в пользу духоборцев поступило, через агентов правительства и квакеров, много пожертвований вещами, деньгами и припасами. Были пожертвования и из России: несколько тысяч рублей дали на хозяйственные нужды духоборцев сын известного московского фабриканта А. Н. Коншин и В. Г.

Чертков, а Л. Н. Толстой прислал для той же цели 10 тысяч руб., полученные им за напечатание романа «Воскресение» в журнале «Нива».

Несмотря на все это, первые два года жизни в Канаде духоборцы испытали не мало нужды и лишений, по той простой причине, что устроить себе сразу сколько-нибудь сносное домашнее и хозяйственное положение не было у них ни сил, ни средств, и для этого потребовалось продолжительное время. Нужды и лишения были, но можно сказать, что они были вполне нормальны. Другие переселенцы, не имевшие, как и духоборцы, денежных средств для устройства хозяйства сразу, терпят нужду в Америке долгие годы, потому что, для начала хозяйства, которое ведется там при помощи дорого стоющих машин и инвентаря, требуется затрата по меньшей мере двух тысяч рублей; а рабочему, в особенности семейному, не так-то легко скопить такую сумму, даже при высокой цене на рабочий труд; так что проходит иногда целый десяток лет, прежде чем бедный переселенец получит возможность провести первую борозду по занятой им земле. А в духоборческих селениях, благодаря их общинному строю, уже в первый год их поселения были готовы для каждой семьи особые жилища, а на второй год уже стали пахать землю, не считая того, что пахали землю на себе и в первом году. Так что, хотя духоборцы, в первое время по переселении и терпели нужду и лишения, но далеко меньше, чем другие переселенцы, приехавшие в Канаду, как и духоборцы, без запаса денежных средств. Между тем «присные и льстецы» русского правительства, в роде Скворцова, редактора-издателя «Миссионерского Обозрения», усиленно распространяли в то время слух, будто духоборцы, уйдя из России, сами себя обрекли на голодную смерть.

Нужды и лишения духоборцев в Канаде были временные и вполне естественные при начале устройства хозяйства, очень скоро заменившиеся довольством. Самая сильная нужда была в первом году, когда надо было и жилища строить, и зарабатывать для прокормления семей, и приобретать хозяйственный инвентарь; а между тем, среди бывших ссыльных, зараженных малярией, находилось не мало больных, неспособных к труду. Надо взять во внимание еще и то, что период рабочего времени в Канаде, климат которой сходен с климатом западной Сибири,

ограничен 4-мя, — 5-ю месяцами.

Рабочую пору 1899 года, первого года пребывания в Канаде, духоборцы провели в том, что устраивали жилища на выбранных местах для поселения, и в заработках на железных дорогах. В лесном материале для постройки жилищ недостатка не было; лесов в Канаде много и рубка в них производится поселенцами свободно. Но духоборцам приходилось таскать материал из леса на своих плечах, так как рабочих животных, лошадей и быков, которых было у них очень мало, еле хватало для доставки

провизии из города. Упорным трудом преимущественно женщин и стариков, (все настоящие рабочие ушли на сторонние заработки), справились, к осени, с постройкой жилищ и кое-каких надворных сараев. Но предстояло сделать хоть какую-нибудь запашку, а животной рабочей силы для этого не было. Тогда, в нескольких общинах, решились произвести запашку на себе: запряглись по 8 пар женщин в тягло, старички взялись за ручки плугов и потянула дивная духовная сила русского народа борозды по девственной почве Канады. Вспахали, конечно, немного: десятин на 40 во всех общинах.

По этому поводу произошли интересное недоразумение. Слух о том, что духоборцы пашут женщинами, распространился очень быстро по Канаде и, возмущенные этим слухом лэди, принадлежащие к «Обществу молодых женщин в Онтарио» обратились публично, с энергичным протестом против варварства «азиатского народа», переселившегося в Канаду, т. е. против духоборцев. Тогда Артур Сен-Джон составил и напечатал, по просьбе духоборческих женщин, от их имени «ответ», в котором они заявили, что запрягались в плуг и пахали на себе без всякого принуждения со стороны кого-либо, «вследствие нужды», во-первых, и, во-вторых, „любви к своим братьям и мужьям", которым старались оказать посильную помощь в их тяжелом труде.

Осенью пришли братья и мужья с заработков, но принесли не так много как могли, главным образом по своей вине. В первый раз были они на сторонних заработках, (живя на Кавказе, никогда не ходили), и теперь не могли сразу привыкнуть к работе «на чужом деле». А было не мало и таких, которые и вовсе не выдержали этой работы, вследствие долгой разлуки со своими семьями и единоплеменными, и возвратились с работ до срока. Вообще, в первое время по приезде в Америку, духоборцы, может быть от того, что впервые очутились среди людей чуждых по языку и нравам, проявили в очень сильной степени племенную и семейную привязанность; ушедшие на заработки, казалось, испытывали такое же тревожное состояние, как отбившиеся овцы от стада.

Возвратившиеся с заработков отдавали принесенные деньги в общую кассу, на руки руководителя общины, и тот безотчетно расходовал их на нужды общины.

Бывшие в то время среди духоборцев интеллигентные друзья из России, приехавшие вместе с ними в Канаду, для помощи при их поселении, не раз советовали им завести отчетность по приходу и расходу сумм в общинах, но

духоборцы отвечали на это, что мошенников между ними нет, а потому всякая отчетность будет только излишним затруднением для их «старичков». А один из таких старичков, Ваня Новокшенов, из села Благовещения, заявил на предложение давать отчет своей общине, что он

готов всегда это сделать, по первому требованию со стороны кого-либо из его общины, но если это случиться, то после отчета он уже не станет заниматься делами общины, потому что требование отчета со стороны общины будет выражением к нему недоверия.

Принесенных с заработков денег, очевидно, не могло хватить на всю зиму даже для покупки одной муки, а у духоборцев, кроме того, не было никаких овощей, ни картофеля, ни капусты, ни бураков. В половине зимы грозил быть голод, несмотря на то, что усиленными хлопотами правительственных агентов найдены были для духоборцев зимние работы, и человек 150 отправились на эти работы. От голода избавили те же правительственные агенты, уговорившее богатого мукомола в Виннипеге дать духоборцам в кредит, на долгий срок, 2 тысячи мешков муки. Но картофеля, капусты и бураков духоборцы так и не видали целую зиму с 1899-го на 1900-й год, первую, проведенную ими в Канаде. В некоторых общинах, предвидя отсутствие овощей, наквасили какого-то дикорастущего бурьяна, похожего на борщевик, и вышло ничего, — поели.

На другой год со всеми работами справились так успешно, что особой нужды уже не испытали ни в чем. Большую помощь при этом оказала добыча и продажа корешка растения, называемого «сенега». Корешок этот употребляется в медицине, а растение можно найти только в степях средней Канады. До приезда духоборцев, добывался этот корешок только индейцами, которые относились к добыванию его пассивно, принося его на продажу только тогда, когда нуждались в деньгах, что с ними случалось очень редко, вследствие их неприхотливой жизни. До приезда духоборцев корешок этот принимался торговцами от 1 до 1½ доллара за фунт. А когда за добычу корешка взялись духоборцы, то предложили его торговцам в таком количестве, что цена на него сразу упала на половину. Но и при такой цене, на добыче корешка даже дети зарабатывали от 1 — до 2 руб. в день *).

Было еще далеко до полного материального довольства духоборцев, на второй год пребывания их в Канаде, но зато и не было особой нужды. Распашка в этом году была произведена лошадьми.

Еще лучше стали материальные условия духоборцев на третий год. А с четвертого года, когда приехал в Канаду отпущенный, наконец, русским правительством из ссылки Веригин и установил свой режим над ходом экономического развития духоборческих общин, создавая между ними тесную связь, материаль-

———————————

*) Мною, пишущим эти строки, были собраны семена растения „сенеги", около двух фунтов, и посланы в 1902 году в Россию, в „министерство земледелия" с просьбой произвести опыты культуры этого растения в западной Сибири, в местах подходящих по климату и почве к средней

Канаде. Результаты этой посылки остались для меня совершенно неизвестными.

А. Бодянский.

XXX

ное благосостояние всех общин стало так преуспевать, что в 1906 году, как это выяснилось на общем духоборческом съезде, один хозяйственный инвентарь во всех общинах уже ценился больше, чем в миллион долларов.

Не так гладко и успешно, как развитие материального благосостояния духоборцев, подвигался рост духовной их жизни в Америке.

С начала они имели твердое намерение устроить в каждом селении хозяйство на общинных началах; но в некоторых селениях достигнуть этого не удалось; там установилось подворное хозяйство. Однако с приездом Веригина в этом отношении все было урегулировано: во всех селениях заведено общинное хозяйство; а те, отдельные хозяева, которые не пожелали подчиниться общинному режиму, были выделены, и устроились самостоятельно на своих гомстедах. Таких, выделенных до 1906 года, было около 200 семей, но число их продолжает увеличиваться, что происходит, вероятно, вследствие могучего влияния на духоборцев индивидуализма, стремления к личной свободе и самодеятельности, которыми проникнута вся жизнь в Канаде, Штатах и Англии, словом везде, где господствует англо-саксонская народность.

Еще в большей степени выразился разлад среди духоборцев, по поводу их отношений к местным законам и правительству Канады.

В первое время, по приезде духоборцев в эту страну, когда они увидели, что местное начальство совсем не вмешивается в частную жизнь обывателей, пока не будет призвано ими к вмешательству, что здесь правительство действительно состоит на службе у общества, а не общество у правительства, как это они привыкли понимать, пока жили в прежнем своем отечестве, они относились с большим сочувствием к местным общественным порядкам, и выразили полную готовность подчиниться всем обязанностям, и воспользоваться всеми правами, которые определены законами страны. Под влиянием жизнерадостной перемены, избавившей их от гнета безумного чиновничьего произвола в России, и поставившей их в условия, сравнительно, широкой свободы жизни и правового порядка в Канаде, духоборцы сразу не обратили внимание на то, что и здесь законы страны, в очень важных случаях, на столько же не согласны с их воззрениями, как и соответственные законы в России. Но, когда это стало выясняться для них довольно рельефно, тогда произошел тот разлад между ними и правительством Канады, который одно время грозил окончиться удалением их из этой страны.

Дело началось с того, что в местном английском обществе распространился слух, будто среди духоборцев господствует свобода брачных отношений. Откуда взялся этот нелепый слух, не

имевший ни малейшего основания, сказать трудно; возможно, что произошел он от эмигрантов-галичан, из Буковины, фанатичных католиков, которых очень удивляло то, что у духоборцев нет попов и они вступают в брак, не венчавшись, «как собаки». Как бы то ни было, а от правительства последовало специальное уведомление духоборцев, объявленное им через эмигрантских агентов, что, по законам страны, двоеженство и двоемужество карается 8-ю годами каторги, и что для расторжения раз заключенного брака требуется решение суда в этом смысле; всякий же брак должен быть зарегистрован в полиции, у особого должностного лица, причем вступающее в брак уплачивают два доллара.

Уведомление это удивило и очень не понравилось духоборцам, и они пришли по этому поводу к заключению, что регистрация браков в полиции равносильна полицейскому благословению, которое еще более бессмысленно, чем церковное и, вообще, для их браков, совершенно не нужно. Не нашли они нужным для себя и судебные процессы для разводов, так как развод случается в их среде крайне редко и предоставляется на волю разводящихся, после обязательных, носящих характер догматичности, уговоров со стороны родных и стариков.

После этого, духоборцы начали относиться критически и к другим узаконениям страны, главным же образом к законам земельной собственности. В это время они составляли уже, согласно требованиям правительства, списки лиц своего общества, имеющих право на получение гомстедов, с указанием кем берется на свое имя в каком тауншипе и за каким номером какой гомстед. После многих обсуждений, они пришли теперь к тому заключению, что записывать землю каждому духоборцу на свое имя — нельзя, что это противно естественным, Божьим законам, и что следует поэтому поводу просить правительство о том, чтобы им была отведена земля тем же порядком, каким отведены так называемые «резервы» в пользование индейских племен: в одной окружной меже земельный участок каждому племени, без обозначения кому из племени принадлежит какой гомстед. По этому поводу возникла между духоборцами, квакерами и агентами правительства переписка, кончившаяся тем, что, когда правительство окончательно отказало удовлетворить просьбу духоборцев, то они составили и опубликовали «обращение ко всем людям-братьям», получившее в свое время широкую известность, так как оно было помещено во многих газетах Канады, Штатов и Англии. Этим «обращением ко всем людям-братьям на земле» духоборцы просили указать такую область и такое общество, среди которых они были бы терпимы и могли поселиться и кормиться, и их не заставляли бы за это быть нарушителями законов совести и правды».

XXXII

Интересно то, что на это «обращение» откликнулся из «всех людей-братьев на земле» только один человек, Георг Гудсон, из Мельбурна, в Австралии. Он вошел по этому поводу в переписку с духоборцами и правительствами многих английских колоний, после чего предложил духоборцам переселиться или в Новую Зеландию, или в республику Урагвай в Южной Америке. Правительство Новой Зеландии соглашалось на то, чтобы земля была пре-

Девушки и парень духоборцев в национальных костюмах.

доставлена в общее пользование духоборческой общины и чтобы браки духоборцев не подлежали регистрации, но с тем, чтобы духоборцы давали сведения, для

статистики, о числе браков, рождений и смертей в своем обществе. А переселение в республику Урагвай Георг Гудсон мотивировал тем, что в то время, стараниями одного из общественных инициаторов, (которыми так богат англий-

ский народ, вследствие своей политической свободы), создавалась в Урагвае, на социалистических основах, английская колония, почти независимая от правительства страны. Но в то время, когда последовало это предложение от Георга Гудсона, духоборцам уже было не до переселения, так как в их среде возникло новое, еще более яркое движение к освобождению жизни от неестественных условий культуры. Те, которые участвовали в этом движении, получили от своих название «свободников».

Основным мотивом этого движения послужило очень глубокое жизнепонимание, которое, вероятно, всегда было свойственно духоборцам, но раньше достижения ими известной степени сознательности не могло выразиться в их жизни, потому что больше чувствовалось, чем понималось. Прямым же поводом к осуществлению этого жизнепонимания послужило, вероятно, составление нового духоборческого катихизиса, более чем из трехсот вопросов и ответов, который был, к этому времени, напечатан под именем «Азбуки жизни христианской», и распространен среди духоборцев. Придя, при помощи этого катихизиса, к переоценке окружающих явлений жизни, наиболее искренние из духоборцев, которым противны были всякие компромиссы в жизни, вероятно, стали стремиться к тому, чтобы устроить свою жизнь согласно с указаниями «Азбуки», и в этом смысле стали проповедовать. В общем, проповедь заключалась в том, что если не следует есть мяса, то не следует и неволить животных; поэтому всех домашних животных следует выпустить на свободу. Далее — не следует жить людям, сознающим свое духовное предопределение, в такой стране как Канада, предназначенной, по своему климату и другим условиям, по преимуществу, для жизни зверей, а не для людей; а если люди отнимают у зверей место, предназначенное для их жизни, то они поступают как разбойники. Поэтому всякому человеку, сознающему свое духовное предопределение, следует уйти из такой страны, как Канада, и поселиться в стране с теплым климатом, где бы он мог легко обходиться без употребления мяса, шкур и шерсти животных для своих потребностей.

Такая проповедь, по своему крайнему противоречию с существующими понятиями и условиями жизни людей, могла иметь место только в таком обществе, члены которого отличаются особенной чуткостью к жизненной правде. Тем более трудно было ожидать какого-либо реального успеха от проповеди; а между тем, среди духоборцев, эта проповедь имела успех и создала удивительные явления. Во многих селениях все домашние животные, коровы, лошади, овцы, были выпущены на свободу, (после чего, эти животные, по распоряжению агентов правительства были собраны и проданы с аукциона, и от этой продажи было выручено несколько десятков тысяч рублей); а люди, из тех селений, где животные были

„С В О Б О Д Н И К И“.

освобождены от рабства, стали ездить за покупками в город, таща фургоны на себе; на себе стали и землю пахать. Движение разрасталось очень быстро. Но чем более резкие формы оно принимало, тем более находилось врагов движения среди самих духоборцев. Произошло между ними не мало враждебных столкновений, вследствие которых образовалась совершенно обособившаяся группа, около полутораста человек мужчин и женщин, фанатически преданных движению. Остальные, под влиянием Веригина, уже прибывшего в Канаду, отошли от движения и стали его рьяными противниками. А фанатизированная группа «свободников» решила идти из Канады в теплые страны и по дороге проповедовать «истину». Двинулись сначала к Иорктону; по дороге встретились с Веригиным, с которым имели очень тяжелое пререкание. Не доходя до Иорктона, «свободники» разделись до нага, мужчины и женщины, и в таком «невинном» виде думали вступить в город. Но горожане, предводительствуемые полицейскими, помешали им сделать это. Насильно все были одеты, женщины отправлены в селения, а мужчины арестованы, преданы суду, осуждены и посажены на долгий срок в тюрьму. Некоторые были помещены в дом умалишенных. Там, как и в тюрьме, с ними настолько дурно обращались, что несколько человек не могли вынести всех пыток, которым их подвергали и умерли. Но оставшиеся в живых ни малейше не изменили своих убеждений, только от осуществления их отказались, в виду гонений не столько от правительства и английского общества, сколько от Веригина и своих братьев.

Группа «свободников», хотя и очень немногочисленная, существует и сейчас. Вероятно есть и сочувствующее им, но явно не присоединяющиеся. Все они относятся отрицательно к Веригину, что имеет полное основание, так как в том, что он не сумел понять их стремлений и направить их как следует выразилась явно его духовная немощь.

Эпизодическая история движения «свободников» изобилует множеством ярких картин, рисующих удивительные особенности психической природы человека. Но о них говорить здесь не приходится; можно только сказать, чти это движение принадлежит к редким явлениям очень высокого духовного подъема в целой группе людей и потому достойно того, чтобы быть исследованным и изученным в подробностях. Фанатичность в этом движении конечно была, но важно то, что она была связана не с каким либо религиозным догматом, не со сменой верой в кого-либо или во что-либо, а с сознательной и вполне разумной переоценкой окружающих условий жизни.

Движение это, на сколько оно успело выразиться, имело главным образом характер протеста против того направления, по которому

XXXVI

в настоящее время течет жизнь всего человечества и каждого человека в отдельности, за очень немногими исключениями.

Искусственность, поддельность и обман, в видах наибольшего изощрения

плотских наслаждений — вот та характерная особенность современного направления жизни людей, против которой старались выразить протест «свободники».

«Вам потому стыдно ходить голыми, что все вы развратны», отвечали они на упреки со стороны своих и англичан за то, что были раздеты, вместе мущины и женщины, когда намеревались войти в Иорктон. «А нам не стыдно нашей наготы: она только показывает нас в настоящем виде, данном нам от Бога; почему-же должны мы стыдиться этого вида? А вот вы, в особенности англичане, вы покрыли свою наготу наглою одеждою, разукрасили себя красками похотей и ни на что не стали похожи».

На все вообще вопросы относительно кажущейся странности своего поведения „свободники" давали вполне логичные пояснения, на сколько умели конечно выражаться связно и логично не будучи все даже грамотными; пояснения эти в общем выражали их убеждение в том, что люди заблудились, отступив от той жизни по природе, которая предназначена им от Бога, что люди идут по дурному и гибельному пути и неминуемо погибнут, если не опростят свою жизнь до естественных ее форм.

Чем окончилось бы движение «свободников», если бы против него не восстал Веригин — трудно сказать. Можно думать, однако, что оно дало бы поучительные результаты. Движение было главным образом парализовано влиянием Веригина, и ему не трудно было это сделать, потому что он выставил, взамен отвлеченного духовного смысла жизни, указываемого „свободниками", реальные цели культуры и материального благосостояния, блестящие результаты которых были на лицо в жизни англичан; и громадное большинство духоборцев, связанных умственно традиционной верой в божественность своего «хозяина», последовали за ним.

К чести его сказать — он повел своих последователей по намеченному пути очень удачно: духоборческие общины, подчинившиеся его влиянию, достигли высокого материального благосостояния, так что сейчас, как уже сказано, один их хозяйственный инвентарь оценивается миллионами рублей. Кроме того у них есть своя железнодорожная станция, свои товарные склады, паровые мельницы, лесопилки, кирпичные заводы. Но чтобы все это благосостояние оказывало благотворное влияние на рост духовной жизни общины, этого, конечно, ожидать нельзя. Опыт прошлого учит, что, среди духоборцев, нравственное понижение всегда шло параллельно росту их материального благосостояния. Хотя, конечно, возводить это в закон тоже нельзя. В конце 1906 года, от всего общества канадских духоборцев было отправление посольство в Россию, с целью принести

личную благодарность всем тем, которые содействовали переселению их в Канаду. Во главе посольства стоял Веригин, а в составе посольства были и женщины.

В то время, когда это посольство находилось в России, правительство Канады, смущенное слухами будто духоборцы хотят возвратиться обратно в Россию, потребовало от них немедленного принятия британского подданства, от которого

духоборцы до сих пор отказывались, находя что их человеческое достоинство не позволяет им быть чьими бы то ни было подданными.

Ответ на требование правительства был отложен до возвращения Веригина из России. Когда-же он возвратился, вопрос был обсужден и разрешен в том-же смысле, т. е. что духоборцы не могут принять ни британского, как и никакого другого подданства, и очень сожалеют о том, что правительство Канады грозит лишить их земли в случае их отказа от принятия британского подданства.

Последние известия из Канады говорят о том, что правительство этой страны исполнило свою угрозу: земля отобрана от духоборцев и усиленно разбирается англичанами. Правительство оставило, во временном пользовании духоборцев, только по 15 акров на человека; а в прежнем их надельном пользовании было 160 акров. Духоборцы, однако, не смущены этим и не жалеют об отнятой земле. Они думают что земли для них хватить: есть у них купленная земля от железной дороги, и еще думают купить, но подданства принять не думают.

1 июня 1907 г. Харьков.

А. Бодянский.

Партія рабочихъ духоборцевъ въ Канадѣ.

I.

Рассказы.

Бабушкина горесть, рассказ духоборца Вани Баева, из селения Каменки. Записал А. М. Бодянский.

Экзекуция, рассказ его-же. Записан А. М. Бодянским.

Кавказская жизнь, рассказ Федора Вышлова. Записан им самим.

Отказ от должности старосты, рассказ духоборца Вани Новокшенова, из селения Благовещания. Записан А. М. Бодянским.

Страдания за истинный путь В. И. Попова. Записан В. Д. Бончем-Бруевичем.

Жизнь англиков, рассуждение духоборца Алеши Рылькова, из селения Ново-Петровки. Записан А. М. Бодянским.

I.

Бабушкина горесть.

(Рассказ духоборца Вани Баева, из селения Каменки. Записан А. М. Бодянским).

Ты говоришь, Алексаша, что знать старину — все равно, что самому жить раньше своего плотского рождения — это верно. И правильно ты говоришь, что это полезно. Но я, признаться, не знал этого прежде, и если, бывало, что слыхал о старине, то слушал так, развесивши уши, для интереса только, как сказку какую, оттого скоро и забывал. И сейчас мало могу припомнить тебе. От старой бабушки — Феклуши, значит, от «няньки», родительницы, значит, моей бабушки — Танюши... Значит, когда я был маленьким, то у нас было две бабушки: старая — Феклуша, мать моей бабушки — Танюши, и молодая, — моя бабушка — Танюша, мать моей «няньки», родительницы, значит. — Это мы, малюки, так их звали: одну старой, а другую — молодой. — Так вот старая бабушка — Феклуша, была охотница рассказывать, пока в силах была. Но только я тогда мало понимал, да и она тоже так рассказывала, что малюкам нельзя было понять; все больше плакала да причитывала, а когда очень состарилась, то все больше об одном твердила.

Когда на старую бабушку находила скорбь, то для нас, малюков, это интересно было и мы сбегались в хату, и становились рядом около стенки, и слушали, и удивлялись, как старая бабушка голосит, и толкали друг-дружку под бока, когда она

очень голосисто захватывала, и пугались, а иной раз подсмеивались; и очень нас то удивляло, что она голосила все об одном. Известно — дети: что им может быть понятно? В хате бабушка громко не голосила, старалась потише, удерживалась, а только от большого чувства, что-ли, у ней громче голос прорывался, и нас, малюков, это потешало.

Вот что тебе сказать надо. Была она молодою замужем за богатым запорожцем, Гаврилом Ивановичем; а тот запорожец хуторянином был, землю свою имел и хозяйство большое в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии. И оба они, значит, моя бабушка и ее первый муж, запорожец, уже были «немоляцкой веры». Это тогда так наше духоборчество называли, немоляками называли.

— 2 —

После этого вышел милостивый манифест Царя Александра; уже тогда духоборцами стали нас называть. Манифест царя Александра (спаси его Господи!) приказывал всем, которые состоят в духоборчестве, переселяться на Молочные Воды (речка такая есть в Таврической губернии); так, значит, чтобы все, кто себя духоборцем признает, чтобы шли и поселялись на Молочных Водах.

Допреждь, видишь ли еще большие были на нас гонения, еще как немоляками назывались. А старая бабушка, она еще с детства немолячкой была, и вся семья ее, отец с матерью, немоляками были. Так она рассказывала, (когда не в тоске состояла, тогда она все припоминала), что еще при императрице Екатерине, когда она девушкой была, присылало правительство солдат на постой в те деревни, где немоляки заводились. Пришлют в деревню и разместят по указанию попа по немоляцким семьям, и всякие права представляют солдатам, над всем, и над женщинами. Так она рассказывала, что, когда узнала ее мать, что в их деревню пришли на постой солдаты, то она, (значит мать старой бабушки), посадила на чердак чулана, (а чулан быль малюсенький), обеих своих дочек, (значит старую мою бабушку и ее сестру), и приказывает им строго на строго: смотрите же дочки ни гугу, сидите как зайчики в норочке, а когда будут сквозь потолок штыками или пиками колоть и уколят вас — молчите, терпите, а если продерут хворост, (потолок, значит, быль хворостяный, мазаный), и станут лезть до вас солдаты, так бейте их почем попало, всех бейте почем попало, — чести не отдавайте. Бог защитил: солдаты не полезли, не узнали, где они были спрятаны, постояли сколько дней, в прах всех немоляков разорили и ушли. А царь Александр, (спаси его Господи!) обошел попов и архиреев там всяких, и выпустил такой манифест, чтобы они не искушались на тиранство и чтобы все духоборцы шли подальше от них в места тогда пустынные, где одни нагайцы кочевали, на Молочные Воды.

Вот когда узнала об этом старая бабушка, о манифесте, то стала она уламывать Гаврилу Ивановича, своего хозяина, запорожца, чтобы и он с нею переселился на Молочные Воды, а он не захотел. И добрый человек был, а не захотел. Бабушка, видишь, как за него замуж вышла: после того постоя солдатского, когда всех немоляков разорили, а над ее матерью такое поделали, что она уже разогнуться не могла, (до конца испортили), а деду нутро повредили, так он всю семью взял к себе

на хутор, — Гаврило Иванович. Там у него, спустя неделю, что ли, мать умерла, отец через месяц, что ли, умерь; остались две девушки-сиротки: — моя старая бабушка, Феклушей ее звали, да сестра ее Маруся. Запорожец пригласил бабушку, (она постарше была), себе в жены, повенчаться; но она не захотела, чтобы венчаться, а так ему сказала, как у нас, у духоборцев принято: буду женой тебе по любви святой, и ты мне

будешь мужем по любви святой. Бог есть любовь, — Он нам будет и венцом. Так по духоборческому, по любви святой и стала его женой. И запорожец, Гаврило Иванович, с того времени перестал по православию исполнять веру.

Так вот, когда вышел милостивый манифест и стала бабушка-Феклуша уговаривать Гаврила Ивановича, мужа своего, чтобы и им идти к братьям, на Молочные Воды, — но уговорить не могла. Больше года уговаривала и уламывала, и что ни делала — нет не пошел. Почему — уж я сказать не умею. После этого, раз, когда его не было дома, взяла бабушка-Феклуша, обмыла детей, — а у нее было тройко — два мальчика и одна девочка, старшему шесть — младшей годок, — обмыла их, спать положила, кусок хлеба взяла на дорогу и была такова! Сама пошла на Молочные Воды... С тех пор она никого не видела, ни деток своих от души нераздельных, как она причитывала, ни «хозяина своего горделивого, незабвенного Гаврилу Ивановича, и слыхать о них как будто не хотела, а все скорбела, и, когда скорбела — причитывала вот так — помнится:

Расставалась я разлучилася.
Богу — Господу поклонилася.
Мои деточки — малолеточки,
Красны ягодки с моей веточки.
Ты зачем ветка моталася?
Твои ягодки растерялися.
Как живешь — поживаешь,
Добра много ли наживаешь,
Мой хозяин горделивый,
Незабвенный Гаврило Иванович?

И еще иначе причитывала. И выходила у ней скорбь по особому примеру: вдруг, без причины заголосит и плачет и причитывает, и куда больше часу! а потом, с месяц что ли, ничего, живет и говорит и делает все по обыкновенному, а потом прильет, что ли, тоска к сердцу, и заголосит и причитывает иной раз до болезни. Бывало, только очень редко, что скорбь ее в хате захватывала, и она в хате скорбела. Вот тут мы, малюки, любопытствовали и, по дурости, иной раз смеялись над «бабушкиной горестью», и промеж себя подражали. Но больше всего бывало так, что бабушка предчувствовала, что ли, когда к сердцу скорбь подступала и уходила в лозняк, на речку, в кусты, и там уже голосила без удержу. И птички Божьи и

зверушки малые от скорби ее трепетали. А мы уже туда не ходили, нам страшно было. И еще была у нас другая такая же старушка; уж забыл как ее звали. С нею тоже что-то такое случилось от чего душа ее разорилась. И кажись, и ее историю я прежде знал, да теперь совсем забыл. Эта тоже скорбела, но только сама не начинала, а как услышит голос горести

— 4 —

в лозах, сейчас сама туда идет голосить. Сядет против бабушки и голосить и тоже причитывает о своей скорби.

Бабушка, когда пришла на Молочные Воды, вышла замуж и дочку одну имела, мать моей матери, которую мы молодою бабушкою звали, и, когда родилась у ней дочка, то больше с мужем не жила; с тех пор ее скорбь захватила. А умерла она 105 лет, когда я уже парнем был, кажись в 75 году; уже тогда духоборцы давно на Кавказ переведены были. И только лет за пять, что ли, до смерти, скорбь ее как будто поутихла.

Семья духоборцев в национальных костюмах.

2.

Экзекуция.

(Рассказ Вани Баева, из села Каменки. Записан А. М. Бодянским).

Хорошо — изволь, расскажу о своей жизни, только это тебе не будет любопытно. Как мальченком был — что рассказывать? Как вот теперь мальченки наши растут, так и я рос. У нас, по нашим понятиям иначе живут, чем у русских [1]). Русские держат ребят в строгости, бывает что колотят, а по нашему понятию этого делать невозможно: — грех смертельный. Раза два я видел, как большой малое дитя колотит и так мне скорбно при этом было, так скорбно, что чуть сам не полез в драку. Дитя, какое оно не есть, а все же чище большого, и при том как же его колотить, если у него силенки, как у цыпленка? — вовсе беззащитное. Нет, у нас, спаси Господи! нет такого заведения. Как я полагаю, все это происходит от непонимания. Ох, несчастный русский народ! Теперь вот на память пришло мне, что я только видел, когда по России проезжал, ездивши к Петру Васильевичу [2]) в Архангельскую губернию. Ехал я на пароходе за Волгой, где леса уже сплошь еловые растут. Пароход испортился, причалил к пристани и стали починять. Нам, палубным пассажирам, объявили, что стоять будут до вечера. Тут и село было и я пошел походить да посмотреть, как люди живут, да еще провизии думал купить на дорогу, потому что на пароходе дорого. Спрашиваю у человека, на пристани, есть ли тут лавки? — хлеба хочу купить. А он отвечает, что в лавках хлеба нет, а в каждом доме можно купить. За-

———————————

[1]) Духоборцы употребляют слово „русский не столько в смысле указания национальности, сколько в смысле указания вероисповедания. Для них слово „русский" синоним — „православный".

[2]) Петр Васильевич Веригин современный главарь канадских духоборцев „хозяин", как они его признают. Его положение среди духоборцев и отношение к ним очень напоминают положение и отношение „судей", духовных вождей, среди ветхозаветного Израиля. Веригин пользуется исключительно нравственным и умственным авторитетом, не имея никаких начальнических прерогатив. Предшественники Веригина пользовались иным положением. Веригин был сослан „административным порядком", сначала в Архангельскую губернию, потом в Обдорск, и пробыл в ссылке 14 лет. Теперь он в Канаде.

шел я в дом, который попоказней, поздоровался и спрашиваю хлеба продажного. На крыльце сидел мужчина в роде купца, на стуле. Купить, говорит, можно; спросил — с парохода ли я пассажир и позвал сынишку. Выскочил мальчонка, так, лет 12-ти будет, да как увидел меня — глазами уставился. Уж не знаю почему я ему чудным показался, по тому ли, по другому ли, а только вставился и рот разинул и стоит, глазеет. Что-ж ты думаешь, этот родитель его как ткнет ему кулаком в рот, да о маленькие зубы должно быть палец оцарапал, что ли, руку отдернул, да как саданет

мальченку ногой в живот, тот так и скрючился, а этот ругается. Я, как посмотрел на это безбожество — хлеба не захотел, повернулся уходить; а он кричит на меня: чего уходишь, тебя что ли зацепил? сейчас хлеба принесут. Меня, говорю, зацепил; ты-таки подумай, что сделал. А что, говорит, сделал? — (и в бока взялся), небось прикажешь сына ротозейству учить? Ты дух злобы, говорю, мальченку в рот вогнал, душу его омрачил. Да ты поп, что ли, спрашивает, на молебен выпрашиваешь? так на тебе пятачек; небось за пятачек не отслужишь? Я уже ушел, больше не стал разговаривать.

В другой раз, не далеко от города Мезени ночевать пришлось, у охотника. За стол ужинать посадились, на ужин камбалу, рыбу плоскую, на сковороде жареную, на стол хозяйка поставила. И у них так это делается: рыба полита бывает квасом, что ли, и едят прежде дети, ячменный хлеб в суровец с жиром мокают и едят, а как поедят подливку — старшие самую рыбу съедают. Одна девочка маленькая, годов 6-ти, потянулась через стол, привставши, да должно быть ручка у ней оскользнулась, — перевернула всю сковороду... Ух, тут взбесилась нянька ее, как схватит она эту девочку за волосенки, — можешь ли поверить? — подняла за волосенки и на пол бросила, а у самой между всеми пальцами волосенки остались. Подумать страшно, какой лютый народ. Дедушка, как ты думаешь, с чего у них такая лютость, с чего у них Бога нет? Я думаю, с того, что на молебны, да на попов, да на всякие святости они Бога израсходовали, дедушка!

У нас всего этого нет, — спаси Господи!

Не для похвальбы говорю, что же? — у нас тоже всякие люди бывают, говорю только, что одури у нас меньше, а уж если бывает злодей среди нас, так уж от роду он такой, или от своей воли таким сделается, а не то чтобы и добрый в злодея обращался. Та женщина, жена охотника, о которой говорил, что она за волосенки девочку схватила, ведь она добрый человек была, на коленки тотчас девочку взяла, как та закричала, ласкала, утешала, кормила, на груди и усыпила, на руках, пока сидели — держала, а сама не ела.

— 7 —

У нас, дедушка, никак нельзя бить детишек, потому что мы люди иных понятий. Мы так полагаем, что все дети от Духа Божьего рождаются, а от человека воплощаются; и у нас, ты знаешь, дедушка, ты не услышишь этих слов: отец да мать, да сын, да дочь. Мы признаем эти слова вредными, потому что через эти самые слова дается власть большого над меньшим; эти слова у нас вовсе запрещено употреблять. У нас старший и младший одинаково называются: Петя, Вася, Таня, либо так: родитель, старичек, родительница, нянька, хозяйка. Так исстари у нас заведено, так было еще, когда мы в разврате жили, и в дружбе с русским правительством.

Родитель мой — уж если стал я говорить, так надо говорить правду, — любил выпить. Все тогда пили; я сам пробовал эту отраву, хоть всегда она отвратительна для меня была. Вино еще пил, а от водки нутро ворочало, и я пил разве тогда, когда в извоз ездил и товарищи заставляли, для крепости. Но теперь знаю, что никакой

правды в том нет, будто от водки крепость тела прибавляется, самообман это и нечего больше, а опасность от этого большая, потому что привыкнуть можешь к этому предмету. Должно быть и родитель мой так привык. Вот тоже на счет питья у нас не так, как у русских, происходило. Когда наши пили, пьяницы великие у нас бывали, а буйства не производили, и разгула этого тоже не бывало. Напьются, если даже до краев, то без буйства успокоятся. Родитель мой тоже никогда не бушевал, а пил часто; это недели не проходило, чтобы не напился до краев; нальется, выспится, опохмелится и за дело примется. А в делах был он человек с рассудком и жили мы с достатками. Нас в семье двое было — я да брат меньшой. Брат пошел в солдаты, а я льготным остался дома, в помощь родителю.

Лет тогда было мне двадцать два. Говорит он мне: женись, Ваня, и бери Таню Новокшонову. *) А я, как молод был, мало имел о чем понятия, и мне думалось: все женятся — отчего не жениться и мне. Охоты же, признаться, к женитьбе я не имел. Хочешь верь, хочешь не верь, а я с измальства чудной в этом был, и мне раз несколько еще мальченком вопрошалось: зачем мужики, зачем бабы? можно было жить и без этого, и лучше было бы. И до сей поры мне так думается; так и задолбилась в меня с измальства такая мысль. Должно быть мне не следовало жениться; а я вот так поступил: как сказал мне родитель, чтобы я женился, мне тогда подумалось, что надо жениться. Я очень почитал тогда роди-

———————————

*) Духоборцы вступают в брак не раньше 20 лет, также и девушки их не раньше 20 лет выходят замуж, а к сорокалетнему возрасту почти все духоборки теряют способность к деторождению. Поэтому в духоборческих семьях никогда не бывает много детей. Как женщины, так и мужчины отличаются массивностью телосложения и склонностью к полноте.

теля, хоть он и выпивал; но тогда все пили; да я не один почитал родителя умнейшим человеком: все так его почитали; старостой он был в селении. И как сказал он, что надо мне жениться, так и подумалось мне, что надо жениться, что он лучше знает, что надо: — буду жениться. Родитель послал сватов и стали мы с Таней своими.

Как раз в это время начиналась наша смута, между нашим народом. Слыхал должно быть? ну, расскажу понемногу. Когда умерла наша прежняя хозяюшка, Лукерья Калмыкова, то старички наши целовали руку Петру Васильевичу, значит, чтобы им [1]) быть нашим хозяином и домом нашим сиротским заведывать [2]). Все как следует произошло: стали Петр Васильевич нашим хозяином. Только потом пришло такое, чего никто не ожидал. У покойной хозяюшки был брат, по прозвищу Губанов; и этот самый Губанов тайком подал прошение в Тифлис, в суд, чтобы его сделали наследником имущества после смерти его бездетной сестры, и показал он ее имуществом наш сиротский дом, и капиталы и прочее, что при доме состоит, также на хутор, к дому принадлежащей, и скот, и овец. Суд по той просьбе его все сделал и на то никакого внимания не обратил, что от нашего общества нанят был на спор адвокат. Этот адвокат сказывал после, что нельзя было на суде ничего поделать,

потому что по закону мы, духоборцы, не признаемся обществом, и общественного имущества иметь не можем, потому и сиротский дом не наш, а Губанова, наследника после сестры, и капиталы, и все прочее. Потом суд приостановили, назначили следствие, опрос свидетелей, окрестных жителей, армян, грузин, татар. И все показали одно: что всегда был наш общественный сиротский дом, и капиталы и прочее. Только Губанов после этого должно быть взятку отвез, потому что дело опять худо для нас повернулось, да так худо, что хуже нельзя: арестовали Петра Васильевича и еще пятерых старичков наших и отправили в Архангельскую губернию. Дондуков-Корсаков тогда главноначальствующим был. После этого и пошла у нас смута. Всего нашего народа было тогда, как говорили, тысяч пятнадцать. Ну, некоторые были за Губанова, но таких было

———————————

[1]) Из чувства уважения, доходящего почти до благоговения, духоборцы говорят о своем духовном вожде в третьем лице во множественном числе, напр., Петр Васильевич здесь были и сказали и проч.

[2]) „Сиротский дом" духоборцев находится поныне в селе Горелом, Тифлисской губ. Ахалкалакского уезда. Для них этот дом прежде служил почти такою же святыней, как для ветхозаветных Израильтян храм в Иерусалиме. Только духоборцы не признавали свой „Сиротский дом" местопребыванием духа Божьего, а признавали его выражением своего долга человеколюбия, которым они обязаны служить своему Богу, духу свободы, правды и любви. Для них „Сиротский дом" служил как бы связью всего духоборческого народа с Богом. Дом этот предназначался исключительно для приюта сирот и недужных, и для жилья духовного вождя.

немного, может быть тысячи три, не больше. И такое стало между нами разделение, что когда „писанные" и «неписанные» (это тогда так губанцев и большую партию называли) где-нибудь встречались, то обязательно происходила ругань и драка. Годов несколько такая смута велась. Когда же Петр Васильевич написали нам из ссылки, и через посланных передали, что так жить не годится, что надо жить по-христиански, то совершилась в нашем народе большая перемена, и через письма да посыльных Петра Васильевича стал проникать в наш народ дух свободы, правды и любви, дух Божий. Стали наши, большой партии, почасту собираться, стали о жизни судить, да рассуждать, да друг у друга поучаться, и, веришь ли, такое стало между нами одушевление, что бывало на собраниях подростки на проповедь становились. Судиться с Губановым оставили, тоже перестали курить, хмельное пить, бранные и нечистые слова употреблять. (Нечистое слово это — чертаканье). Потом поделили имущество между всеми поровну, а потом оружие сожгли. Но это уже после было.

Были у нас такие старички, что за Губанова не стояли, но перемена жизни им не нравилась. Хотели они, чтобы все по-старому было, хотя и Губанова не одобряли; вот таким мой родитель был. А я, дедушка, когда стали у нас говорить о христианской жизни, я впитывал те речи как земля мокроту дождя. Мне эти речи такую сладость доставляли, что я за много верст ходил послушать, где съездка бывала. А родителя это раздражало. И стала смута и в нашей семье. Родитель стал больше напиваться, стал придираться к няньке и ко мне, злобствовать стал, даже

бранные слова употреблял, отвратительно-скверные солдатские слова. А Таня моя попервах в колебании находилась, потому что родитель мой всегда к ней очень ласковое обращение имел. Не думаю, чтобы он что-нибудь греховное умышлял, а так только распустил себя до неприличия от пьянства, но через это произошло у нас до конца разделение.

Вот сидим мы тогда за обедом, а родитель был по обыкновению выпивши. Когда бывал он выпивши, то всегда с приставанием и шуткой относился к Тане и прежде ей это нравилось, а потом стало не нравиться. А тут был он больше обыкновения выпивши, есть не есть, а все к Тане пристает, и всем это противно было, только что же поделаешь? Взял обнял Таню и смеючись. Тут нянька ему говорит: что ты делаешь, старый, опомнись! молодятины захотел? Как сказала она это, совсем неподобное слово — поднялась Таня, взглянула гневно и ушла вовсе из хаты. Я за ней, на дворе догнал. Куда ты, Таня? спрашиваю. Я здесь, молвит, не останусь, к своим пойду, хочешь и ты иди, а не хочешь — как хочешь, я к своим пойду. — Подожди, говорю, и пошел в хату. — Нянька, говорю, я пойду к Новокшеновым. — На все четыре стороны, говорить родитель, а нянька молчит. Поклонился я и ушел. Так уже и не возвращался.

— 10 —

Пробыл я с неделю у родных Тани: все, думалось, что воротимся назад, что родитель или нянька позовут; нянька раз приходила, но сказывала одно огорчение. Родитель точно ума тронулся, даже бил ее, пьет, кричит, ругается, обещает меня со света согнать, начальству донести, что я за одно с Веригиным, чтобы меня в ссылку сослали, что я Царя и начальства не почитаю. Посидела поплакала нянька, — пошла домой: а я сам был не свой, не мог понять что мне делать, ум за разум от дум заходил; всем хотелось помочь, хоть жизнью своей ответить, а дух злобы из всех выдунуть; но как это сделать — не мог понять.

Пришел по билету брать со службы. После этого, как будто на хорошее повернула наша жизнь. Я и Таня так и остались жить у ее родителей, раз потому что мой родитель нас не звал, да и Таня не пошла бы, а другое то, что и неудобно уже было нам возвращаться: мой родитель остался при прежнем положении: мясо ел, трубку курил, водку пил, а Танина вся семья приняла новое положение; потом опять и то, что от перемены жизни понятия у нас росли не по дням, а по часам, а кто при прежнем положении оставался, у того и понятия прежние оставались, и уже родитель для меня и я для него точно чужими становились.

В это время в нашем народе много перемен произошло, и дошли до того, что решили сжечь всякое человекоубийственное оружие, чтобы перестать быть человекоубийцами, сынами дьявола. Меня это решение больше всего обрадовало: — я так всегда чувствовал, что так должно быть, чтобы люди не были человекоубийцами, потому что ведь достоинство человеческое от этого теряется, но прежде я понять этого ясно не мог, а когда сказали об этом, понял сразу, и возвеселился дух мой, как никогда, вот как если бы слепорожденному открыли зрение, такая у меня радость была на душе. За это время, как жил я у

Новокшеновых, я и другое многое понял, о чем прежде не думал, потому что жить стало свободнее и я мог бывать на съездках, когда хотел. А съездки наши, скажу тебе, все сделали, и никогда бы нашему народу не иметь таких понятий, какие теперь есть в нашем народе, если бы не было сьездок. Нас никто не учил, ты знаешь, что между нами и грамотных мало, а я тебе расскажу такой случай. Вот недавно приезжал сюда в Иорктон, доктор-англик, из города Онтерио. Его прислало, как сказывал Федор Карлович, англицкое верующее общество, не квакеры — нет, а другое. Его прислали, чтобы больницу в каком-нибудь нашем селении устроить, потому что узнали, что у нас есть много больных кавказской лихорадкой; это из тех, которые были на ссылке. И он захотел еще портреты с наших старичков снять, и побеседовать о вере. Пять человек с ним беседу имели. — Николаша Фофанов, Алдоша Попов, Ефимушка Власов, Алеша Махортов, да я. В это время мы были в Иорктоне, оттого и беседовали

мы, а не другие: кто был — тот беседовал, а Федор Карлович переводил. Побеседовавши, доктор и спрашивает его, говорит ему: все хорошо, я очень всему рад, да только они люди образованные, — на нас указывает, — а мне бы хотелось поговорить с необразованными, так как я слыхал, что в России народ необразован. Федор Карлович смеючись и спрашивает нас: кто из вас университет окончил, признавайтесь? Ну, хотя кто грамотный? А кто у нас был грамотный? я — неграмотный, Николаша — тоже, Алдоша — чуть-чуть грамоту знает, еще читать может, а писать вовсе плохо, еле выводит, Ефимушка и Алеша тоже неграмотные. Федор Карлович так и сказал англицкому доктору, и тот очень удивился. Уж не могу тебе объяснить через что нашел он нас учеными, потому что мы ни о чем другом не говорили, как о жизни человеческой, о земле, о богатстве, о власти, о начальстве, о правах, об этом мы только говорили, но видно говорили с понятием, если он думал, что мы ученые.

Так вот, я это к тому сказал, что видно, все-таки, что мы теперь имеем понятия; да я сам себя могу сравнить, какие были у меня понятия, когда я у родителя жил, и какие после получил. И все мы получили; а получили мы от взаимного единение и общения; а не будь этого, так и остались бы мы при прежнем положении в большой одури. И я, спаси Господи! если вот сейчас жив еще, хоть смерть моя близка, сам видишь, еле жив, то потому, что спокоен, говорю, после всего, что со мной было, а спокоен только потому, что получил в понятиях успокоение жизни, а понятия получил на съездках наших, пока велась смута и я жил у родителей Тани, а потом на ссылке.

Петр Васильевич прислали свое дорогое ружье, рублей триста оно стоило; они прислали при письме, чтобы это ружье было сожжено. После этого решили собрать все какое ни есть у кого из наших оружие и сжечь. Сожжение порешили совершить на Петров день, и стали собирать оружие в одно место. На Петров день, верстах в трех от Богдановки, в 1895 году, собралось нашего народу несколько тысяч, костер преогромный разложили и на него сколько-то подвод оружия всякого свалили, —

ружей, пистолетов, кинжалов, шашек, всего было.

А перед тем, как собирали оружие, губановцы проведали об этом: — видят собирают оружие, а не знают для чего; и надумали они, что собираем мы оружие для того, чтобы войной на Горелое идти, сиротский дом отнять у них и их самих разорить.

Вот они и дали знать об этом в Тифлис, губернатору Шервашидзе; а тот поверил и послал сейчас казаков и пехоту, и сам поехал на другой день. Как раз он приехал в Богдановку на Петров день. Видит в селении народу почти нет; стар да млад. Где народ? спрашивает. Неизвестно. Послал казаков

розыскивать. Те плутали, — плутали по буграм, по ярам и не нашли; был туманный день на горах, плохо было видно. Потом в другой раз поехали и нашли. Что тут было — сам себе не веришь, когда вспоминаешь. Я опасался об одном, что не выдержу, полезу в драку, душе своей повредю. Меня-то бей сколько хочешь, это я выдержу, (так мне тогда мнилось, не пробовал я тогда казацких нагаек, да и не знал близко, что они за люди), а опасался я того, что стану за других заступаться и в драку полезу, потому что, для меня видеть то, когда кого бьют — невозможное дело. Ведь это можно допускать битье, когда в безумии находишься, когда думаешь, что от битья человеку только больно становится, но когда понимаешь, что каждым ударом дух злобы в человека вколачиваешь, душу его изводишь, тогда как можно допускать битье?

Слушай, дедушка! знаешь ли, что я думаю о душе и о жизни человеческой? Я вот перебью рассказ и поясню тебе это, потому что это мне стоит дороже всего.

Вся жизнь от духа; такое я имею понятие, дедушка. Вся сила от духа: ежели плоть действует, то это не она действует, а дух в ней заключенный. Трудно мне пересказать свое мнение, дедушка, а я имею к этому большое требование. Вот, когда говорю о духовном — душа играет, ни земли, ни телесной жизни не чувствую сам, духом становлюсь, дедушка, до того мне хорошо, когда мыслю и говорю о духовном. Я так мыслю, дедушка, что всякое действие от духа, и во всем есть дух, но духи разные бывают, низкие и высокие, и опять, есть дух воплощенный, а есть дух бесплотный. Только ты разбери то, дедушка, что вовсе бесплотного духа не бывает, а есть переходящий — это бесплотный. Вот, который своего плотского образа не имеет, а показывается в духовном выражении, то в одной плоти, то в другой, которая его принимает, вот это переходящий бесплотный дух, а который имеет свою плоть, тот дух воплощенный. Дух любви, скажем, это дух бесплотный, высший, потому что и в тебе и в ком хочешь может он жить, кто его принимает, только он не твой и не мой, а высший, и если кто приемлет его, тот и сам к высоте идет. Тоже и грех всякий, похотливый и лукавый, тоже дух бесплотный, только для человека он низкий, унизительный, а вот для животного ничего, для какого он соответствен, но если человек его приемлет, то становится недостойным. И вот, если поселяется в человеке твердо, входит значит в состав его души высший или низший дух, тогда становится он воплощенным. Духи бесплотные, дедушка, они не живут,

бездействуют, но они есть, и низшие, и высшие, но они бездействуют, а только из них все происходит, и ты понимаешь, дедушка, что через каждое существо происходит появление в бытии духа, того или другого, из какого возрастает существо. Такое у меня, дедушка, понятие, потому что я так вижу, как оно происходите. И

который из наших понимает, тот так понимает. Наше положение в том состоит, чтобы мы свои души возростали, чтобы мы впитывали в себя дух свободы, правды и любви, а через то, чтобы душа человеческая становилась прекрасной, и блаженной, и имела свободное бытие сама по себе. Ты понимаешь, что я говорю дедушка? Нам надо себе присваивать дух правды, любви и свободы, это самый высший и блаженный дух, а нечистых, низших духов нам надо, как яда опасаться. Через это душа человеческая становится прекрасной; а все прекрасное в блаженстве состоит, потому что оно прекрасно; и в свободе живет, ни от чего не зависит, потому что оно прекрасно. Ты понимаешь, дедушка, что душа человеческая может расцвесть и может завянуть. Она может расцвесть всеми приятными цветами радуги, дедушка дорогой, надо только неустанно чистоту соблюдать, чтобы никакая низость не залезла в душу. Это я думаю, дедушка, самый большой урок, самое трудное дело для человека, чистоту сохранить, но это необходимо для достижения блаженного бытия. Нельзя быть нечистому блаженным: всякая нечисть, всякая низость переходить в скорбь и смерть. Поэтому больше всего надо опасаться нечистоты и низости, чтобы не сделать что-нибудь недостойное для человеческой души. Если я и не сделаю ничего достойного, то это еще не беда, а беда в недостойном, потому что оно навсегда оставляет след нечистый в жизни, и ничем его не загладишь.

Вот и я, дедушка, всегда опасался, чтобы в нечистоту не впасть, недостойного не сделать, чтобы не сказать неправды, не слукавить, не обидеть и не прогневаться. И если бы это со мною случилось, то оно бы меня мучило. А тут, когда нас гнали с моления, при сожжении оружия, тут такое делалось, что смущение охватывало, и все члены трепетали. А ты понимаешь, дедушка, что если я состою в таком положении, что на меня напирает дух низший или высший, желая в меня воплотиться, а я этому сопротивляюсь, то он и выдохнется из жизни, по сколько я его не воплощу в себя, поэтому через меня может рости и развиваться в жизни, и низший, и высший дух, смотря какому я буду служить.

Одно время лез на меня казак с лошадью. Начальник ихний скомандовал: в аттаку! и они погнали лошадей прямо на живых людей. Наскочил на меня один казак, а я, видя это, выставил вперед одну ногу, а на другую уперся и локоть подставил и бок. Наскочил он на меня, хлещет коня, — а тот никак не желает на меня лезть, — дергает, рвет губы удилами, хлещет и по заду, и по лбу, — а тот только на дыбы вздымается, а на человека не идет. И так у всех, ни одного человека не задавили и ничего не могли поделать. А им что хотелось: им хотелось разорвать наш круг и, разорвавши, уже гнать нас, как скотину, до губернатора. А мы что сделали: мы, когда увидели, что казаки к нам едут, мы

крикнули, чтобы старики и женщины в средину входили, а сами в несколько кругов впереди стали, за руки взявшись. Им приказано было, чтобы нас пригнать, а мы сказали, что сами пойдем, что нас гнать не для чего: но им потехи хотелось, или издевательства, а над стариками и женщинами это легче, вот они и хотели порвать наш круг, и потом гнать нас врассыпную. Тогда я в первый раз отведал казацкую нагайку и узнал, что ею может вогнаться большой дух злобы в человека, но, спаси, Господи! я остерегся. Когда лошадь его не пошла на меня, тогда он повернул ее боком ко мне и начал меня полосовать; много раз ударил и за каждым разом не от боли я вздрагивал, а от беззакония: в меня беззаконие вколачивалось, а я упорствовал, не принимал, и, спаси, Господи! выдержал. Оттого сейчас в спокойствии и состою. Но только до тех пор я думал, что ненавистно больше то, когда других перед тобой бьют, а после этого узнал, что еще больше то ненавистно, когда самого тебя бьют.

Не то пришли мы, не то пригнали нас в Богдановку, до губернатора. Тут опять такое было, что ни на что не похоже. Даже до того дошло, что сам губернатор, в распалении, стал гоняться за нашими билетными и палкой бить. Видишь, они ему свои воинские билеты стали подавать, а он не брал, а они побросали их к его ногам, — тут он и распалился.

После этого поставили к нам экзекуцию. Тут скоро и конец моему разказу наступит.

Работаю я на дворе, прибираю что-то, смотрю — отворились ворота и входят четыре простых казака и пятый подъэсаул, что ли, по ихнему, а с ними и родитель мой. Он старостой тогда был, и, как прислали к нам на экзекуцию солдат и казаков, так он размещал их по тем дворам, хозяева которых к бунтарям причислялись. Вот и к нам, к Новокшеновым, целых пятырех привел. Я внимания на это не обратил, продолжаю свое дело, а казаки в хату пошли, родитель назад в ворота. Так прошло времени немного; — слышу в хате в роде гомона, а потом крики женские, разбираю, что Таня кричит. Я через двор к дверям, а в дверях уже два казака выводят за руки Таню, а у ней волоса распустились, сама не своя, увидала меня — заступись, заступись! — кричит, — ай, ай, караул! Я к ней, но тут так случилось, что и другие казаки забежали вперед, и, помню, что у одного лоб и нос в крови: — это Таня его угостила, а подъэсаул сзади и рукою машет, и кричит, сюда, живо! Это он на других казаков кричал, что у ворот стояли. И тут меня передние казаки за руки схватили, а сзади за глотку, подскочили и другие, тоже за руки и поперек схватили. Я слова еще не произнес и рукою не махнул, как они меня всего схапали. Спаси, Господи! это мое счастье было, потому что от того я память потерял. От того ли, что очень глотку надавили, или от всего

прочего, только я память вовсе потерял, может на час, может меньше. Потом мне сказали, что я так отбивался в беспамятстве, что 9 казаков насилу удерживали; по три за руки держали, два за шею давили, сзади за ворот держали, а один поперек за пояс. Так и повели меня, и Таню повели наперед.

Но я ничего об этом не помню, как вели и куда вели. Стал я опамятоваться перед тем, как Таня кричать перестала. Как перестала, так я опамятовался, от того что перестала. Вижу, заголивши Таня лежит, лицом в низ, и весь зад у ней исполосован нагайками, и один казак в ногах у ней стоит, другой в головах, третий с нагайкой с боку; тот, что в головах, нагнулся, взял ее под мышки, стал подымать. Все это я вижу и ничего не чувствую. И все это для меня может хоть сейчас представиться; вот закрою глаза и все увижу. Вижу, как начальник казацкий на крыльце сидит, ноги расставив и курит, и родителя вижу своего сзади около стены, за начальником, тоже на крыльце стоит. Помню, что хотел я еще раз на Таню посмотреть, но тут на меня опять напало беспамятство. Только помню, что упорствовал я, пручался опять, а меня валили и повалили. Стал приходить я от ударов нагайки. Ноги мои давили так, что в суставах ныло, на спине кто-то сидел, на обеих руках тоже, а удары шли раз в раз, и чем дальше, тем сильнее, потому что стал я в память приходить, в себя. Потом опять стало мне не так чувствительно, а потом и вовсе перестал чувствовать как били, а только был я весь как в огне и не чувствовал, бьют меня, или не бьют. Потом толкнули меня в бок, и я понял, что бить перестали. Что же мне делать? Должно быть надо вставать. Хотел вставать и не знаю, как это сделать, чем прежде надо пошевелить, руками или ногами. Про шапку вспомнил, повел рукою по земле, а казак должно быть догадался, ногою подвинул шапку и по руке ногою задел. Тут я колени под себя подогнул, и локти и стал на четверенках. Слышу голос Тани: — безбожники! лиходеи! Это первое, что я услыхал, а то, с тех пор, как меня на дворе схватили, ничего не слыхал, гудело только, гу-у-у, как море. Голос Тани как от сна пробудил меня, сразу полегчало, стал я вставать. Вижу и нянька, и теща мне подсобляют. Казаки чего-то смеются, а я не знаю чего, и думаю: — пусть смеются. А они гоготали оттого, что нянька на меня портки натягивала. Сам я хотел их подтянуть, но согнуться не мог, колом спина стала. Нянька и Таня портки подтянули и повели меня под руки; сам я идти не мог — горел как в огне, а в мыслях никакого сладу. Что случилось? почему меня били? Таню тоже били; дальше что будет? ничего понять не могу. Потом я дня три недвижим лежал, даже повернуться не мог; так лежачего и повезли меня на ссылу. Потом по всему телу пошли у меня чиряки: Думал, что сгнию. Месяца три чиряки мучали: один пройдет,

два около вздуются. И все я лежал и думал, и сколько я за это время передумал! А за что меня истязали — так и не надумал причины. Может по ходатайству родителя? оно похоже на то, он сердился за многое на меня, и за то, что ушел к тестю, и за то, что перестал почитать его, как прежде, и за многое; но зачем же Таню били? она-то чем виновата? на нее он злобы не мог иметь, и опять не мог он того требовать, чтобы меня до смерти били, а они били меня до смерти, ведь у меня еле дух

держался, когда перестали бить, и с тех пор вот три года прошло, а я уже не поправлялся. Даже в Канаду не было охоты ехать. Зачем ехать, когда не сегодня — завтра умру. Но как все семейные ехали, так мне нельзя было оставаться. Рассчитывал, что умру на дороге, а вот не умер же. Только жить долго не придется, это я знаю; что не дальше, то тяжелее становится. Да и зачем надо мне жить? Как я понимаю, то с меня все, что можно было, уже взято, и через мои испытания столько злобы выдохлось из жизни, что больше того от меня и требовать нельзя. Как я мыслю, всю злобу, что на меня напирала, на нет спустил, в себя не вплотил. И теперь за всю мою жизнь я спокоен и со спокойствием умирать буду. Только одно меня смущает, когда вопрошаюсь: чтобы я сделал, если бы памяти не потерял, когда меня схапали? и что бы я сделал, если бы мог одолеть девять человек, которые меня держали? И тут мне сдается, что только потому в меня не вошла злоба, что случай не допустил, а не то, чтобы сам я не допустил. Нельзя быть человеку совершенным: кажись, при ином случае, не уберегся бы я от злобы...

Родитель в Канаду не поехал и няньку не пустил; а брата в Сибирь сослали*).

———————————

*) Рассказчик, духоборец Ваня Баев, умер в Канаде в 1901 году, страдая до самой смерти каким-то сложным, тяжелым недугом, причиненным ему, без сомнения, тою варварскою расправой, которую до сегодня применяет русское правительство в особенности часто к людям из народа.

А. Б.

3.

Кавказская жизнь.

(Рассказ Федора Вышлова. Записан им самим).

В 1895 году, не позже 15-го июля, в Карской области, Шурагельского участка из сел Гореловки, Спассовки, Терпения, Кириловки, Покровки и Новотроицкого были заключены 185 человек в тюрьмы за то, что они, по своим религиозным убеждениям, не могли участвовать в деле насилия над людьми, то есть, отбывать военную службу. За отказ от военной службы их заключили в тюрьмы. Шесть месяцев они просидели в Карском замке, потом их всех перевели в тифлисскую губернскую тюрьму, где они просидели полтора года. За все время пребывания в тюрьмах, свидание с ними было весьма затруднительно, переписка тоже допускалась с трудом и, кроме поклонов, писать более ничего не позволялось.

В 1897 году, 22 июля, последовало распоряжение от главноначальствующего на Кавказе, князя Голицына, выслать всех заключенных духоборцев в другие губернии и разослать их по одному и по два человека по магометанским селам, что и было приведено в исполнение. Всех выслали из тюрьмы и разослали по трем губерниям: Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской, по самым жарким местам, где даже местные жители сильно страдают от невыносимой болезни — лихорадки. Властями внушалось местным жителям обращаться с поселенцами грубо, а нашим братьям строго воспрещалось видеться друг с другом. Поселенцам приходилось не мало терпеть болезней и даже недостаток, в насущном хлебе, тем более, что жители по внушению властей сильно боялись их. Власти говорили им про наших, что они

еретики и колдуны: — «боитесь их, не подходите к ним, а то они и вас могут соблазнить». Поэтому, когда некоторые из ссыльных сильно страдали от болезней, так что даже не могли сами себе выпрашивать хлеба, некоторые из жителей сами приносили им хлеба, но боясь соблазнения, подавали его на длинных шестах.

———————————

*) Начало рассказа до описания посещения умирающего Федора Ник. Вышлова записан со слов Ник. Матв. Вышлова, сын которого умер в ссылке.

В те времена пересылка писем и денег с родины совсем не допускалась, так что, в течение пяти или шести месяцев, родные даже не могли знать, где и в какой стране находятся их дети. Многие из родных не щадили своей жизни и решались ехать или идти на свидание к своим детям. Но главное, что для этого надо было обратиться с просьбой к правительству на получение паспорта, а паспортов совсем не выдавали и старались не выпускать никого из нас за пределы Карской области. Поэтому ссыльным больным приходилось сильно страдать и даже умирать от голода, истощения и болезней.

Так были сосланы 30 человек в зангезурский уезд Елизаветпольской губернии в весьма отдаленные места, на персидскую границу, около реки Пракс, про которых в течение шести месяцев не было никаких известий, где и как они живут. Тогда некоторые из родных решились ехать и отыскать своих детей и братьев по духу, несмотря на строгие приказания и преследования правительства.

Так были отправлены Петр Вышлов и Федор Федосов для отыскания детей и братьев наших, но не дойдя 25-ти верст до местечка Герусы, где были поселены их дети, их арестовали и сейчас же заключили в тюрьму. Несмотря на все их просьбы, которыми они неумолкаемо умоляли уездного начальника, чтобы позволили им свидание, хотя бы на малое время и в присутствии их самих, но все это было напрасно, потому что уездный не обратил никакого внимания на все это и даже произнес слова: «ваши дети и братья для того сюда и высланы, чтобы умереть с голода и перевестись». С этими словами их сейчас же заключили в тюрьму, где они и просидели два месяца до отправки на родину этапом.

Через несколько дней, узнали про это их дети, Иван Петрович Вышлов и Василий Федорович Федосов, со своими товарищами, которые находились неподалеку, по разным селам. Некоторые из ссыльных лежали в то время уже на смертной постели. Узнав же, что их братья пребывают здесь, в Герусах, и теперь заарестованы в тюрьме, с своей стороны сильно умоляли пристава о разрешении свидания, но ответ получали все тот же, что и их родители*).

Через нисколько дней после этого, удалось пройти двум из наших и посетить больных, а именно — Федору Ивановичу Вышлову и Григорию Сбитневу, которые кое-как проскользнули и их не преследовали. Сперва они посетили двух находящихся в селении Сесиан: Василия Вышлова и Кузьму Фофанова, у которых пробыли они двое суток. Потом, по их указанию, пошли к другим совершенно глухой дорогой, через горы и темный лес, и таким поло-

———————————

[1]) Дальнейший рассказ Федор Вышлов ведет от лица своего родственника Ф. И. Вышлова, посетившего сосланных.

жением шли двое суток. По дороге они не встроили не только жителей, но даже летучей птицы было очень мало. На вторые сутки, перед вечером, встретил их человек, татарин, с оружием в руках, который и обобрал их, то есть, ограбил, забрав 10 руб. денег и на столько же вещей. Но все это искать было поздно в такой глухой стране. На третьи сутки, около 12-ти часов дня, нашли мы в селении Худжаган сильно больного Тимофея Тарасова, который лежал и был весьма болен и труден; но оказать ему помощь, кроме денег для покупки хлеба, было нечем да и невозможно. После того, спустя трое суток, нашли сильно больных в селе Сарымчь. Ивана Вышлова и Николая Верещагина, совсем еще молодых людей, не знающих никакого другого языка, кроме родного; а здесь необходим был персидский разговор. Заброшены они были в отдаленном месте, в порожнюю, большую, татарскую, холодную саклю. Постелью им служила просяная солома, а одеянием — бурки, которые были у них. Пищей же им служил только один татарский просяной хлеб, да и тот уже принесенный самими татарами, у которых еще была Божья искра любви и сострадания к людям, так как сами они зарабатывать и выпрашивать не могли, потому что лежали неподвижно в постели.

При входе в саклю, мы невольно содрогнулись сердцами от ужаса и жалости к своим братьям и, со слезами на глазах, мы подошли к ним и, по обычаю нашего обряда, стали с ними здороваться и рассказывать про родных их и про домашнюю жизнь и рассказали про сотрудников их, товарищей — страдальцев: как где кто страдает, кто уже помер, и они с радостью и со слезами на глазах жадно слушали и тем более были довольны, что судьба удостоила их видеть при смерти своих братий.

Только что я успел рассказать о кончине двоюродного Ивану брата, — Федора Николаевича Вышлова, который находясь в таком же положении в Бакинской губернии помер 21-го сентября; а также рассказал и про других умерших, которых в то время уже было 8 человек по разным странам трех губерний, как Иван немного приподнялся и даже с улыбкой на лице, такие слова произнес мне в ответ: «Брат мой Федя скончался, значит, его страдания прекратились, и он получил теперь себе славный венец мученичества, я того же, со дня на день ожидаю себе, того же. А ты, дорогой брат, Федя, скажи родителям моим и всем родным, пусть не горюют и не плачут о нас, что мы помираем в чужой и безизвестной стране без всякого присмотра, потому что в этом гонении прославляется Господь Бог наш».

После разговора и недолгой беседы с ними, мы с ними распрощались, потому что нам оставаться дольше было невозможно. Нас сейчас же могли бы заарестовать и, кроме денег, мы ничем не могли им помочь.

Только что успели мы возвратиться на родину и рассказать всем родным все подробно о нашем путешествии и свидании с их детьми, как получили телеграмму о кончине Тарасова, и Ивана Вышлова. Родитель же его, Петр, узнал о смерти сына через полгода, когда освобожден был из Карской тюрьмы.

Многое тому подобное повторялось и с другими братьями, как то с Александром Чивильдеевым, Николаем Поповым, Николаем Стреляевым и другими, которые все померли в той же стране за одно и тоже дело.

После смерти их, некоторым были воздвигнуты памятники с надписью: «Тут похоронен христианин общины всемирного братства (такой-то), гонимый за истину и веру в заветах Господа Иисуса Христа. Господи! взываем к тебе, отпусти грехи усопшему и упокой его душу в царствии небесном».

Но и это правительству не понравилось, и, как рассказывали вернувшиеся из ссылки наши братья, правители сами порубили и посекли все эти надписи. Но мы твердо верим, что память таких мучеников остается вечно в душах и сердцах человеческих, и не умирает во веки веков.

Писал Федор Вышлов.

4.

Отказ от должности старосты.

(Рассказ духоборца Вани Новокшенова, из селения Благовещение. Записан А. М. Бодянским).

Сказать скажу, что просишь, а ты уж сам понимай. Рассказать не трудно, а понять не всякий может; надо быть человеком духовным, чтобы понять. По видимости судя, многого не поймешь в нашем деле. Все наше дело из-за веры произошло; вот где глубь; там и ищи начало. Ну как тебе сказать: от того все произошло, что мы не в глупого Бога верим: Бог наш не дурак, Бог наш — разум всесовершенный; разумом надо и служить Ему. А у кого бог-дурак, тот глупостью служить. Вот пойми ты это. От отцев наших было так заведено, чтобы премудрейший из рода праведного, происходящего от трех отроков, что в печи огненной невредимы пребывали, от нашего рода действовал. Под его попечением находился и сиротский дом наш, дом милосердия и любви, что находился в селе Горелом, Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии; а есть еще Горелое в Карской области, это — другое. Из-за этого-то дома, да из-за большого имущества, к нему принадлежащего, все и вышло. Это так по видимости; а если понять по-настоящему, то будет иначе. Будет, так, как вот бывает урожай, а бывает и не урожай, бывает прильет волна, а бывает, отольет. Так и дух мудрости, который почитается нами за Бога, бывает посетит род свой праведный, а бывает, по грехам нашим отступится. А когда отступится, тогда становятся люди рабами и свободными быть не могут, а когда посетит, тогда уже рабами они не могут быть, а становятся свободными, сбросив с себя всякое иго.

Были мы самые что ни на есть люди-рабы, когда жили на Кавказе, опреждь; были

первые ругатели, курильщики, пьяницы на весь Кавказ. Только ворами и мошенниками никогда не были, такими никогда не были. А вот как посетил нас Господь — видал, как преобразились? Кому друзьями опреждь были — стали врагами, кому врагами — стали друзьями, что было дорого — стало дешево, а что дешево — стало дорого.

Вот преображение! Такое стало, что самим на удивление. Смерть стала не страшна, — вот удивление! Начальство гонит, начальство

свирепеет, а нам даже на страшно. На все решились; помирать так помирать, а живы будем, свободу добудем. И приняли мы, милый старичек, Алексаша, великое духовное крещение. Это очень важно, чтобы человек идя с мечем духовным на борьбу святую, был чист и блестящ духом. Когда принимали мы духовное крещение в духе очищалось, оно не видно было что творится: думали, что только так поступаем, по Божьему закону, простое дело, думали, делаем, по справедливости, а потом увидели, что это-то и было духовное омовение, святое крещение.

Когда пришло на нас гонение. (Шереметьев тогда начальником кавказским был) то увидели мы, что и в самим деле не по добру живем. Начальство, конечно не за то нас преследовало, что не по добру живем, начальству худая жизнь в прок, от кого и разврат, как не от начальства, а только сами мы опамятовались. Ну и решили прежде всего сделать поправку по имуществу: все, сколько бы кто не имел, все между всеми поровну поделить, не по принуждению, а по доброй воле. Ты, Алексаша, человек справедливый, тебе это не должно быть в удивление. Для чего же и христианином называться, если жить по-звериному. Бог наш не дурак, — уже сказано. Ох тяжело было кое-кому, — да превозмогли; этим и началось наше омовение. Стали делить. Совершилось это в 1894 году. Были такие у нас хозяева, что по две, по три тысячи баранты имели, — все разделили; отдают да еще и кланяются: прийми, брат, избавь от греха и тяготы! А тот отнекивается: спаси Господи! не надо мне! А этот земной поклон: не обидь, прими, ради Господа!

Тяжеленько бабам было. Иная имела до десятку нарядов, еще от бабушек и прабабушек. Раскроет сундуки, выкладывает наряды, а у самой слезки кап — кап. А кругом девушки и молодки; которой подают наряды — кланяется отнекивается: спаси Господи! мне не надо; а у самой руки протягиваются пощупать материю.

Все, милый старичек поделили, без утайки все. И вот с этого времени, милый старичек, возгорелось истинное наше дело, и совсем изменилось наше племя. Сам по себя всякий почувствовал, что иным человеком стал: не то говорит, что прежде говорил и не то спрашивает. Потом, как ты знаешь, перестали мы, все, спиртное пить, табак курить и мясо есть. Это тоже помогло, духовную силу нашу усилило. Потом сожгли оружие; об этом ты уже слыхал. Тут уже пошло на нас кровное гонение. Небо темнело от взмахов казацких нагаек — вот испытание!.. Сам испытал на себе. Гнали нас с моления до Богдановки, версты три гнали и хлестали казаки. Удивление — народ вовсе бездушный. Девочка чья-то, лет двенадцати, рядом бежала. Раза два я ее в средину круга, за себя пихал; нет — она возьмет и выскочит

на край, и как раз под казака попала, а те с боков едут и одно знай нас хлещут по чем попало. Ну и девочку эту со всего размаху по го-

лове хлоп нагайкой. В азарт что ли вошел? — не поймешь безумного зверя. А она так и скружилась, как червячек, так и присела и скорчилась на земле. И только что это случилось, как потемнело небо и руки у меня затряслись. Однако я сдержал себя, поднял девочку, понес. А он меня полосонул по спине, когда подымал; — вот истукан!

Все, милый старичек, перенесли, все, все, и радостно теперь на свободе по Канаде нам похаживать, да Россию жалко.

После этого, как ты знаешь, вышел приказ, расселить ахалкалакских духоборцев по грузинским аулам посемейно; в каждый аул только по одной семье. В три дня чтобы это дело было сделано; как хочешь! И продавать нельзя было ничего никому, никого к ссыльным не пускали, а села их — Богдановку, Орловку, Родионовку и другие — казаками и чапарами оцепили. В три дня сроку, чтобы собрались в ссылку. Это было серед лета в 95 году. Ну наши поступили так: что было понадобней уложили в фургоны, детей и женщин сверху посадили, лошадей запрягли и отправились в ссылку. А все остальное: скотину, хлеб, дома, посевы, все оставили. В домах столы накрыли скатертями, на стол хлеб-соль поставили, чтобы никто не думал, что мы в неприязни будем к новым хозяевам. Приходи, кто охоч и владей. Сказать бы что не тяжело было оставлять свое поселение, нельзя этого сказать, бабы многие слезы утирали, а мужчины твердо шли, без печали. Длиннеющим обозом по дороге вытянулись, а казаки по бокам командовали. До пяти тысяч сослано было нашего народа, и за два года до двух тысяч из них померло от нужды да от лихорадок, потому что поместили их в самые зараженные места.

Так вот, когда случилось это, вышло у нас еще одно постановление, чтобы больше нам детей не иметь, не одним только ссыльным, ахалкалакским, но и карским, всем, значит, духоборцам большой партии, чтобы не иметь детей, а готовиться на суд Божий. На смерть, милый старичек, шли: видимое дело, что для нас с правительством суд Божий настал. Очень хорошо было видно, что правительство не пощадит нас, ну и нам тоже нельзя было отступиться от правды. Значить суд им и нам. Поэтому мы и стали готовиться к смерти и положили, пока живы еще, детей никому из нас не иметь. И ты же сам видел, милый старичек, что в Канаду когда приехали, ни одного младенца не было между нами моложе трех — четырех годов.

Это тебе весь сказ на общие наши дела. Если понял — хорошо, а не понял — я не причиной.

Вот лучше расскажу про себя. В то время жил я в Карской области, а к своим, в Ахалкалакский уезд, — ездил часто. И был я с 94 года старостой в своем селе, Горелом, Карской области. И стало мне очень противно, что я старостой служу, все равно, — что

в правительстве состою, — и стало противно не одному мне, а всем нашим, которые в старостах служили. И была у нас съездка, и на той съездке порешили, что старост из наших не должно быть, и податей не можем мы платить, так и порешили. Приезжай, бери что хочешь, — твоя сила, а мы своего блага на рабство менять не будем. Перестали мы понимать кому и для чего надо подати платить, потому и перестали платить.

Пошел я к своему приставу известить, что больше старостой не буду, и отдать печать старосты. Прохожу к нему в канцелярию. — Что надо? — спрашивает, как только на порог стал. Я поклонился, к самому столу подошел, вынул из кармана печать и кладу на стол. — Это что? — спрашивает — Печать старосты, — говорю, — возвращаю, потому что больше старостой не буду. — Почему? — спрашивает. Подумалось мне: что ему сказать? Начать говорить правду — не поймет, а неправду говорить совсем не хочется. — Да потому, говорю ему, что это не по моей природе быть начальником: пусть начальствует кто хочет, а я не буду.

— Этого, говорит, нельзя: ты не смеешь отказываться от утвержденной должности. Бери печать! А сам вскочил и, как видит, что я печати не беру и от стола отступил, схватил печать, да ко мне, да печать за пазуху и пихает. А я зажал пазуху и не пускаю, чтобы он печать запихнул. Пихал он, пихал, ничего не вышло, бросил печать на стол и кричит чапару, (тут около дверей стоял): вручи ему печать! Губернатор сейчас будет, а тут всякий подлец (извините) с печатями лезет. Вручи ему печать! приказывает чапару. А сам — круть-верть, — ушел. Чапар к столу подошел. Я смотрю что будет. Взял он печать, поглядел, повертел.

— Возьми, говорит ко мне, зачем барина сердишь? он — князь и барин хорош. — Ну так ты, говорю, и бери себе печать, коли хорош, а мне не надо. Он говорит: сейчас губернатор и уездный начальник придут, сию минуточку, уже вестовой прискакал, а ты возьми печать, нечего скандала заводить. — Нет, говорю, не возьму. Тут зиркнул я в окно: — шум на улице услыхал — вижу народу много и чапары беспокоятся.

— Нет, говорю, не возьму, и ушел из канцелярии. Вышел скоренько на улицу, как раз против крильца пристава. Чапар пихает: стань, говорит, на ту сторону улицы. Я было хотел перейти, — а тут конные чапары — нельзя было; а тут коляска, — так я и остался один около крильца, — а на крильце пристав стоит, весь вытянулся, длинный стал, и руку под козырек держит. А в коляске — губернатор, на красной подкладке, еще сидит, а уездный уже стоит; здоровенный он был. Гляжу я то туда, то сюда, у самой коляски стою. Пристав по ступенькам с крыльца сбежал, рапортует, побежал опять на крыльцо, за ним и губернатор, шинель-то расстегнута и всякие цацки на одеже понавешены. На меня

посмотрел, а как на крыльцо взошел, к народу лицом обратился, осмотреть, потом

что-то спросил у уездного, а тот у пристава, а пристав на меня посмотрел и рукой показал, и уездный показал. Вижу обо мне речь, и подумалося мне: зачем это я тут стою? А уйти не знаю как: жду пока коляска отъедет. Отъехала коляска; я сейчас на ту сторону улицы и стал. А на крыльце уже никого нет. Ну, идти домой, думаю. Пошел. Слышу, кличет кто-то; обернулся — писарь пристава. Иди, говорит, тебя хочет видеть уездный. И смутно мне стало. Уездный был человек известный, здоровенный, силы пребольшой и жестокий человек. Нашего старшину как садонул кулаком — четыре зуба с рота выбил. Из русских был; а пристав был грузинский князь. Взошел я на крыльцо с писарем — Подожди здесь, — говорить, — а сам ушел. Слышу, через которое время, туп-туп по комнатам: должно быть уездный идет, грузный шаг. Потом в сенях — туп-туп, вышел, вижу — он самый. Подошел, — против стал. Я около стены сию, а он против стал, спиной к улице, меня от улицы заслонил. И чувствую я, что это не даром. «Ты, говорить, староста села Горелого?» — Нет, говорю, я печать возвратил. «Зачем?» спрашивает. И сдвинул я плечами, — говорю: так нужно. «Как, говорит, нужно, бунтовать нужно? — Мы говорю, не бунтуем, кто по правде жить хочет, тот не бунтовщик. Как говорит, не бунтовщик, — а сам распаляется, — говори: будешь старостой?» — Нет, говорю, не буду. «Будешь?» говорить, и кулаки наготовил и посунулся ко мне. Тут вспомнились мне четыре зуба старшины; — так веришь, у самого зубы зашлись, — вот диковина! Думаю: стою я около стенки, а он как даст мне в морду, еще затылком об стенку ударюсь, и отступился я от стенки в бок. А он ко мне: так не будешь? Нет, говорю. В ту же секунду как размахнется он, как ударит меня прямо в нос... Веришь ли, милый старичек, как огнем все лицо у меня обожгло, и подумалось мне в ту же секунду: ну пропал же я, хоть бы один глаз цел остался. А вышло, видишь, так, что все цело осталось. Ударь он еще раз, может и пропал бы я, да только второй раз он не ударил. Видишь ли, я человек кровяной, и вот как ударил он меня в нос, так кровь в два фонтана на сажень брызнула, а он как бирюк так и отсягнул, за фалды схватился и отсягнул, значит, чтобы кровь не замарала. Ну и должно быть оттого и не ударил, боялся замараться. Повернулся и ушел. Я стою — кровь унимаю все крыльцо забрызгано, и слышу через окно, они гомонят — губернатор и уездный. Я стою. Потом выходить писарь: ну, иди! Я пошел. А дней через десять к нам прислали старост и старшин казенных, из осетин, что чапарами служили. Приказали нам жалованье им платить, только ничего не вышло, кроме разорения. Молокане, что об бок с нами жили, пишут теперь, что и до сих пор не все наши места заняты, а где заняты беспорядок и живут плохо. Жалко Россию.

5.

Страдания за истинный путь Василия Ивановича Попова.

(Записан В. Д. Бонч-Бруевичем).

Прислал к нам старшина на счет метрик, — мы не согласились. Я сказал старшине, что мы переписаны в книге «животной». Тут на меня старшина набросился, начал ругать срамными словами, чуть не ударил и хотел арестовать, а потом, при рапорте, отправил к уездному с десятью человеками. Когда прибыли к уездному, он начал ругать всяческими словами, потом утихнул и стал говорить: я по этому рапорту могу сослать тебя туда, куда Макар телят не гонял, на край света.

Я спросил его: „а там Бог есть?" Он говорит: «а как же, везде Бог есть». Я сказал ему: „если там Бог есть, то и там жить можно". Он ответил: «попов нет. Вот я вызову чапаров, положу среди уездного города и начну пороть до полусмерти». Я сказал: «власть ваша, а воля Божья». Он говорит: «у меня молчать, не разговаривать; если впредь не слушать будешь, — запорю розгами», и прибавил: «отправляйся 15-го мая».

Так как последовало предписание из волостного правления, что переправляются разбойники через Мокрые горы, то старшина предписывал, что бы к 20-му числу по десяти человек из селения выехало ловить разбойников. Староста собрал сход, чтобы назначить 10 человек. Мы посоветовались и говорим, что мы ловить не можем, потому что не вооружены и потеряем голову не за истину. Тогда староста донес рапортом старшине. Числа 22-го приехал к нам старшина, собрал стариков и начал ругать, что мы не повинуемся властям. Я сказал: «властитель у нас Бог». Старшина в ответ: мне до этого дела нет. Почему вы не ловите разбойников? А я сказал: «разбойник — не индюшка; они все вооружены, а мы в руках ружья держать не можем, потому что считаем это грехом, и убивать не можем». Тогда старшина закричал: вы служить не хотите правительству». Я сказал: «служить будем только по правде, но против своего закона поступить не можем». Тогда

старшина закричал на писаря: «садись на фургон, на него надо протокол написать». И оба уехали. Июня 25-го потребовали нас по протоколу. Тогда, по его требованию, нас 15 человек явилось в уездное управление. Начальник нам сказал: «вы не хотите повиноваться правительству!» Я сказал: „мы правительству повинуемся, только чтобы не стать против закона Божия". А он ответил: „мне до вашего закона дела нет, а вы не повинуетесь правительству, не хотите ловить разбойников". Я ответил: «милостивый манифест был не для хороших людей, а для разбойников, и кто их выпустил, тот пусть их сам и ловит». Тогда он начал ругаться скверными словами, и потом прибавил: „убирайтесь отсюда на постоялый двор, подождите там три дня, я напишу телеграмму генералу Шервашидзе, пусть он приедет, разберет ваше дело. Коли служба, так служба, а не служба, так каторга». Потом приказал приставу: „отдай их над надзор полиции". Пристав повел нас на постоялый двор и сказал полицейскому: „не выпускай их с постоялого двора".

На третий день приехал губернатор с уездным и заехал к уездному в дом. Уездный обо всем рассказал губернатору. Пристав потребовал нас в дом к губернатору. Мы все входим и говорим: „здравия желаем". Губернатор сидел за столом, вскочил и говорит: — „ах вы, сукины сыны, я вас закую в кандалы. Вы

служить русскому царю не хотите". Я сказал: „у нас есть царь — Бог, который содеял спасение посреди земли, (это из наших поговорок и рассуждений я говорил); и еще сказал: "и всемогущий Бог от пленения людей своих возвратил не за мзду, по неже с дарами, — таковому Царю служить пойдем, а земному царю — только мзду можем давать". Тогда он сказал: „туды — сюды мать вашу с вашим Богом". Тогда начал меня бить губернатор кулаками, и кричит уездному во все горло: «возьми его, посади в тюрьму». Тогда уездный подскочил и начал бить кулаками и кричит приставам: „возьмите его и отведите в тюрьму". Два пристава схватили меня и начали бить, вывели в коридор, там стояло 20 человек всадников. Пристав приказал бить меня, и всадники били меня до тех пор, пока я остался без чувств. Когда меня вели, я пришел в чувство и увидел, что у меня течет кровь из носа, изо рта, из одного уха, и шапки на мне нет. Когда подошли близко к тюрьме, начал один урядник надевать шапку и спрашивает: за что вас бьют? я сказал: „за правду. Плоть убьют, а к душе праведника коснуться не могут". Привели меня в тюрьму, вопхнули в общую камеру, где не было ни нар, ни лавок, ни подстилок, а мы были очень раздеты, и нам было трудно без одежды. На другой день к нам пришел губернатор. Он думал, что мы обратимся с покаянием, а мы стояли и молчали. Он повернулся к уездному и говорит: „это вчерашнее люди?" Тот ответил: „так точно".

Тогда губернатор сказал: „я с этими мошенниками разговаривать не хочу". Тогда мы увидали, что ему стадо совестно, что мы с ним не разговаривали. Он сказал: „я пойду к вашим детям и поступлю с ними по закону: пришлю к ним две сотни казаков и батальон солдат". Повернулся и пошел. Мы пробыли в темной, сырой тюрьме двое суток, а на третьи сутки нас погнали строгим этапом. Конвойный всю дорогу ругался матерными словами, и всячески потешался над нами. Но мы ему ничего не отвечали, потому что с его слов поняли, что он-не весь дома. На другой день, на четвертой станции, нас догнали Дмитрий Позняков и Иван Гричин. Они были на фургоне, и их к нам несколько старичков прислали. Они приглашали сесть на фургон, но конвойный не допускал. Тогда пригласили сесть его самого с двумя стариками, которые уже не могли передвигать ног. Он, наконец, согласился. Один из прибывших сказал Попову: когда пришли казаки к нам в Богдановку, к тебе Попов, заехала во двор сотня казаков. Твой сын вышел на встречу. Есаул спросил у него: «ты сын Василия Попова?» Он сказал: «я» Тогда эсаул приказал слезть с лошадей, и сказал: «пойдем к тебе в дом». Потом он спросил: где твой отец? Сын ответил: «в Ахалцыхе». — «Зачем он туда поехал?» — Уездный потребовал и посадил в тюрьму». — «А за что он его посадил?» — «За правду!» Тогда эсаул закричал: «ах, мать твою растак, и ты такой, как твой отец». И начал бить плетью. Семейство со страху разбежалось по соседям. Казаки влезли тогда в чулан, сломали замок у сундука и выбрали из него все добро, 60 р. денег и часы, — всего на сумму 150 рублей.

Подходим мы к Ахалцыху. Тогда старшой остановил нас, ссадил стариков с фургона и отправил фургон. Входим в город. Встретил нас воинский начальник, и

говорит: «иш, бедные старики, напрасно страдаете». Потом ругал Веригина: «это он вас погубил». Мы сказали ему: «Веригин тут не причем». Потом он отправил нас в тюрьму и приказал смотрителю, чтобы он не стеснял нас. Смотритель был хороший человек и расспрашивал нас о нашем страдании. Мы рассказали ему все о своем положении. На третий день нас отправили из города и дали нам две подводы, чтобы старики садились на переменках.

7-го июля прибыли мы в местечко Сурам. Там были расположены лагери... Вышло все начальство, а солдаты кричат: «нехристи, не хотят русскому царю служить!» Другие говорят: «хотят свое царство открыть». Привели нас в казармы, вышла вся команда и начала расспрашивать, за что нас гонят. Затем приехал в фаэтоне ротный командир и кричит на фельдфебеля: «зачем ты солдат к ним допустил? Они всю роту заразят». Тогда фельдфебель разогнал роту и оставил для нас одного конвойного. На другой день мы прибыли на станцию Михайловскую и нас отвели в этапное по-

мещение. Здесь старшой был новый, хороший человек, дал нам хлеба и сыру. Ночью нас отправили в Тифлис. Здесь нас посадили в тюрьму и одели в арестантскую одежду. Потом нам выдали хлеба по 2 ф. на человека и принесли борщу с мясом. Мы сказали: «мы мяса не едим». Смотритель сказал нам: «вы мяса не едите, а у нас другой пищи нет». Мы стали просить, чтобы он разрешил нам постную пищу. Он ответил: «я не могу, но я доложу полицмейстеру». Полицмейстер сказал: «у меня этих законов нет. Когда хотят, пусть продовольствуют с общего котла, а особых кухонь я им заводить не буду. А не хотят, вот для них хлеб и вода». Так мы и продовольствовались три месяца хлебом и водой.

20-го августа проезжал по всем тюрьмам министр, по фамилии Галкин, осматривал тюрьму. Когда зашел в нашу камеру, мы ему заявили, что если нас признают виновными, то пусть нас сошлют, куда знают, а если нет, пусть выпустят к семействам. Наши семейства тоже в ссылке, и наши даже помирают с голоду, так как кормить их некому. Тогда министр сказал: «это ваши деды и прадеды с ума сходили и вы сейчас напали на их дорогу!» Потом сказал: «я не могу, просите губернатора», и пошел. После этого разговора мы пробыли в тюрьме полтора месяца. Потом нас выпустили и выдали прохожие билеты до Горийского уезда.

———————

6.

Жизнь англичков.

(Рассуждения духоборца Алеши Рылькова, из селения Ново-Петровки. Записано А. М. Бодянским).

Ну, братец ты мой! да ведь никогда же я этого не забуду, про твоего друга-

приятеля, как ты мне про него рассказал, что он в Бога не верил, а в серую кобылу верил. — Нет, говорит, Бога; какой такой Бог? все от человека зависит! — Это как в благополучии состоял; а как пришла неудача, так он другое запел: — с тех пор, говорит, как купил эту проклятую серую кобылу, так и пошла во всем неудача. Ну, братец ты мой! да ведь это совершенно верно ты рассказывал; и то верно твое слово, что от распущенности выходят эти кобылятники. Распустит себя человек, с небрежеством относится к душе своей, всего себя погрузит в похоти, ну и утрачивает духовный смысл. А когда запротестует душа на неудачу жизни, — потому что хоть как запаршивеет душа от небрежества, а все же при неудаче жизни вопрошает: почему больно? почему неудача? — тогда и не знает человек, что отвечать и выходит у него, что от серой кобылы. Да-да, от этого всякие безумные поверия. А до чего может запаршиветь человеческая душа — сказать нельзя.

На прошлой неделе, когда был я в Иорктоне, повстречается с Гаврилом Сердюком, галичанином, — знаешь? что его фарма около самого Синебоя[1]) — Откуда друг? спрашиваю. — Та ходыв до попа, говорит. — Зачем? спрашиваю, — Та як же? — говив. Теперь, каже, квит: долляр попу дав, грехи сбув, легенько буде ихать на фарму. — А украл много? спрашиваю. Он смотрит. — Украл, говорю, много? — Я ничого не крав. — Вот глупак, говорю, ну чтобы тебе в шторе[3]) у Бека[3]) стянуть кусок материи, или что другое, хоть бы на десятка два долляров, а попу дал бы два долляра, и квит: и греха нет и барыш есть.

———————————

[1]) Синебоем духоборцы называют реку Ассинибойю, в провинции Саскачеван.

[2]) Магазин, лавка, от английского слова store.

[3]) Купец имеющий самые большие лавки в Иорктоне.

Так он, братец ты мой, рот разинул, почесал затылок, да и говорит: эгэ, вони добрэ, та тилько як зловят англики, отой самый Бек, так сгниешь в тюряги, у самий Реджайни [1]). Ну что ты думаешь делать с таким народом? Рассмотри, какого он понятия. Да-да.

А вот про англиков (англичан) подумать нельзя, чтобы у них были кобылятники: чистый народ, отделанный, при разуме во всяком деле, не говорю по духовной части, а по наружному положению пожалуй и духоборцам не уступят: чистый народ. И ты скажи на милость, как все это у них придумано и умно устроено, куда не посмотри: просто и аккуратно.

Один раз, по осени, видал я в Иорктоне [2]), как фармеры [3]) скот пригоняли, в роде как на ярмарку, но только никакой ярмарки не было, а пригоняли они скотину сдавать купцам.

Федор Карлович [4]), спаси его Господи! все мне пояснил; и выходит, что у них это очень хорошо устроено. Осенью приезжают купцы, тоже англики и издалека, даже из-за океана, из самой Англии. Ну, оповестят заранее на все фармы. Это уже наш старшой, мистер Крири [5]) оповещает, его обязанность, чтобы скот к назначенному сроку пригоняли. А цена известна, и купцам известно сколько скота будет пригнано,

потому что, кто хочет продать, тоже извещает мистера Крири, а тот купцов; так что все известно. И вот, тебе скотину сгоняют, а вагоны уже стоят. И сам я, братец ты мой, видел как это у них делается: ни торгу, ни хлопанья по рукам, никакого этого нехорошего обычая: — механика одна. Пригнали скотину, загнали в загоны; у каждого купца свой загон. Из загонов по проходу идет скотина на платформу. Видал ведь, знаешь, как загоны на станции в Иорктон сделаны? проход посредине, а по бокам загоны; там и вода и сено в яслях. В прогоне застава. Штука идет, доходит до заставы, стала на минуточку как раз на весах. Хлоп и взвешена, и застава поднята; идет штука дальше прямо в вагон. А хозяин — получай что следует, без торга, по два с половиной цента[6]) за фунт. А скотина-то какая: 70 пудов туша — видал? на крупе ложись и высыпайся.

По нашему, по духоборчески, оно конечно, не хорошо скотину продавать: дружишь — дружишь с ней, молочко ее детки твои пьют,

———————————

[1]) Регина, главный город провинции Саскачеван; по-английски произносится Реджайн.

[2]) Иорктон, небольшой город в провинции Саскачевань; в 1900 году в нем было около 800 жителей, по и тогда уже были там телефон, три банкирские конторы, элеватор, паровая крупчатная мельница и издавалась газета.

[3]) В Канаде все имигранты привыкают произносить согласно с английским выговором: фарма и фармер, вместо ферма и фермер.

[4]) Эмигрант из русских немцев, служил переводчиком при эмигрантском агентстве в Иорктоне.

[5]) Бывший эмигрантский агент в Иорктоне.

[6]) Цент — две копейки.

на работу неволишь, а потом на убой продаешь — не годится это. Но уж коли плодить скотину, так уж плодить достойную, а коли продавать, так известно лучше по порядку, без обмана, без клятвопреступничества, как это на ярмарках по всей России заведено. Не хвалю я, братец, ни пложения, ни продажу скотины у англиков — хвалю их разум.

Теперь на землю посмотри. Ведь вот как умно она здесь разработана: вся на карточки разбита: 375 сажень длинку и ширку, по углам железные столбики с номерами. Приходить минигрант (эммигрант) в контору старшого: земли надо. Дает ему мистер Крири планы; на большом плане вся Канада, а то и на каждую фарму есть особый планик, и всякое болотце, всякий кустик на нем намечен. Выбирай: это взято, а это не взято. А выбрал — казенные лошади дают тебе на два дня: езжай — осмотри. Осмотрел, понравился, десять долларов заплатил и фарма твоя: стройся, работай. И не надо тебе для этого несколько раз в контору к старшому ходить, ни на задних лапках пред начальством стоять, ни прошений писать, ни взяток давать, ни марок прилагать.

Эх, братец ты мой! да ведь сколько же глупых людей на свете!

Оно конечно, по нашему, по духоборческому, землей нельзя каждому в отдельности владеть, земля Божья: Бог — отец, а земля-мать, и нельзя же, чтобы ты грудь материнскую от братьев своих и от сестер отмежевывал. Питайся друже, и

другим, своим братьям и сестрам, не мешай питаться. Только я говорю на счет порядка: коли нужен порядок, так вот это и есть порядок, когда ни кланяешься, ни стоишь на задних лапках и не выпрашиваешь что надо. И ты смотри, например, какой здесь народ: вот хоть бы наш старшой, мистер Крири. Как ты думаешь, дедушка, если на русские законы перевести, кем он будет, какого чина или должности человек? Сдается мне, что будет он наравне с губернатором, или же, самое меньшее, с уездным начальником. Ты ведь смотри область-то его до самой Громовой горы, на полночь, верст на полтораста, а на полдень до Сипиар [1]), тоже с сотню верст будет. А видишь какой он человек: ни одной бляшки на нем нет и никакого мундирного отличия, — простой, обходительный человек.

И знаешь что я заметил? у англиков и собаки, и лошади будут умнее чем хоть у нас на Кавказе были. Сколько раз я видал, как этот драгиль Юрктонский, как его? мистер Джонс, что ли, как он товары из вагонов выгружает и в лавки перевозит. Пара у него рыжих, — красивые лошади, — в платформу за-

———————————

[1]) Принятое в Канаде название большой ж. д. от Атлантического океана до Великого. Она называется Canadien Pacific Railvay, но англичане, для краткости, называют ее только по названиям первых букв своего алфавита этих трех слов: С-си, Р-пи, R-ар.

пряжены. Подъезжает к вагону, отмыкает, достает что надо и командует: гоу! бек! вперед, назад, а они, как ребята слушают его, и вперед и назад двигаются и станут как ему нужно. А собаку мою видал? — Дружка? ведь я за него 4 дня на фарме работал. Да я бы и десять проработал. Веришь ли? настоящий товарищ детишкам: играется с ними, а зимой они его запрягали и катались на санках. Он к этому приучен. А скажи ему: сикитбой! — так и озирается во все стороны: что надо пригнать? спрашивает; и только укажи ты ему корову или лошадь, — пригонит обязательно. А вот за Синебоем, где Камсак, почтовая станция, около Радионовки, индийское племя живет. Посмотри на них: настоящие наши цыгане, только что добродушный народ, кроткий, и как будто без понятий. С ними англик живет, за старшого, и без него нельзя у них ничего купить. Это нам и мистер Крири пояснил, как только что мы сюда прибыли, чтобы ничего у индийцев не покупали, а если кто купит лошадь или скотину, все равно назад отберут, и деньги пропали, и еще штраф заплатишь. Потому что он совсем как дитя, индиец: за бутылку виски [1]) у него что хочешь бери. Ну, известно, если бы не такой порядок, их давно бы со света согнали. Так я вот к тому говорю, что у индийцев видал собак в роде лисиц, морда длинная и уши стоячие, и сейчас видно что зверь и звериный нрав имеет, а англицкая собака, ну как тебе сказать, зверь то она зверь, да только в порядок произведенный. Вот тоже и лошади индийские — дрянь, в род российских, деревенских.

Да — да, ума много у англиков, — свой ум и зверям сообщают.

Прошлой весной, как только что мы приехали в Виннипег[2]), то сюда, на землю, поехали только наши старики, да дети, да женщины, а мы, в рабочей поре люди, в Виннипеге остались: виннипегский старшой посоветовал, тоже и Федор Карлович

советовал и Бонч, Владимир Дмитриевич [3]) и Артур Сен-Джон [4]) Вот я тебе скажу что за человек хороший, хоть он и англичан, а такого и между духоборцами нет. Ну, про него я тебе после расскажу, что это за удивительный такой человек. Так вот, остались мы работать в Виннипеге. Ну, до жнитья работали по разным местам, больше на железной дороге, а в жнитье по фармам понанялись; доллар, с полтиной, и семдесят пять центов и два доллара в день была цена. Плата хорошая, что говорить, в России такой и не снилось, и харчи хорошие. Мы мяса не едим, так нам поредж, в роде каши из овсяных круп варили, ну молока сколько угодно и меду, только

———————————

[1]) Водка.

[2]) Виннипег, главный город центральной Канады, 50 т. жителей.

[3]) Один из русских интеллигентов, сопровождавший духоборцев.

[4]) Англичанин, капитан индуской службы, приехал в Россию, когда услыхал о бедственном положении духоборцев: с тех пор был с ними около трех лет, помогая их переселению в Канаду и устройству на новом месте.

не пчелиного, а сок из дерева какого-то, бука, что ли. Англики ложками его едят, как борщ; очень много сладкого они употребляют, а нам оно не идет: мы к другой пище привычны. Тоже неудобно было с ними вместе обедать. Видишь, мы привыкли из одной миски кушать, а у них тарелки, и если умокнешь невзначай хлеб в сметану, что ли, — это им неприятно. Или вот когда пальцы обсасываешь, если мед прилип или сметана, тоже им не нравится, или из рта умываешься, тоже неприятно им: возыметь кружку, подойдет, начнет тебе на руки сливать. Ну — народ иного обычая; это ничего. Так вот стал я на фарме на работу. Две машины, жницы, одна за другой хлеб убирают, в снопы вяжут и за собой по земле оставляют, а ты должен те снопы в кучи ставить. Копен здесь не кладут, а ставят снопы в кучи, гузырями на землю, а колосьями вверх. Один сноп поставишь, а к нему со всех сторон другие приставляешь, так снопов с десяток или больше собираешь в кучу; и должен подбирать во время, потому что следом другая машина идет. Стал я ставить за одной машиной, а за другой англик. И вот, признаюсь тебе чистосердечно, что попал я за гордость в большое унижение.

Видишь, когда мы жили в России, то против себя не знали лучших рабочих. На стороне мы никогда не работали, а только на себя; через это мы были очень жадны к работе и на всякие мастерства умелы. Вот молокане, тоже народ умелый, но они больше мастерство уважают, и каждый по своему одному мастерству занимается; ну, а мы, мы все знаем, мы по одному мастерству не идем, а по всем сразу. Почитай что каждый духоборец и сапоги сошьет, и одежду, и фургон справит, и колеса окует, ну все что надо по хозяйству. И нас, за работу нашу на Кавказе, все хвалили. Так вот и думалось мне, глядя на англика в подтяжках, да в штиблетах: куда же ему, длинноногому, со мной справиться! А как начали мы, братец, работать, — вижу плохо дело, к посрамлению иду, от машины отстаю, а другая нагоняет. Что тут делать? ставишь сноп, а он валится, поправляешь, а он на другую сторону. Англик,

что на второй машине сидит, кричит: — лошади снопы топчут. Бьюсь я, братец ты мой, и вижу настоящее посрамление приходит, хуже того — смерть, из сил выбивают; а тот, англик, идет за машиной следом, все снопики у него, как ручные становятся, — и не смотреть бы! и еще наперед забегает, из-под ног лошадей мои снопы отпихает, и жвачку себе в рот кладет, и плюет, на все у него времени хватает. А тут вижу жизни решаешься. Спасибо, что хоть разума не потерял; до обеда дотянул, бросил вила и обедать не пошел, и рассчета не взял — ушел. Да-да, ловкий народ англики. Тоже когда узнали они, что духоборцы умеют плотничать — взяли на пробу, а к обеду рассчитали — несгодились. Но только опять-таки, я думаю, что это от непривычки: у англиков все иным манером

делается. Я сам могу по плотницкой части и хорошо знаю все, как у нас делается. Если что, например, надо притесать, ну, смеряешь хорошенько, и еще раз, чтобы не ошибиться, притешишь — опять примеряешь, а когда окончишь — примеряешь еще раз и поправишь где надо, чтобы ладно было, ну и ладно будет. Но ведь на все время надо. А у них, англиков, — как по пословице: тяп да ляп и вышел корабль. У них, дедушка, если ты не видал, как они плотничают, так я тебе скажу, у них даже топора в руках не бывает, а всего только пилка ручная да молоток. И вот с этаким-то инструментом они двух-этажные дома строят. Только дива тут нет, все у них готово, и окна, и двери, и доски струганные. Ты только дай срок, и мы будем тоже делать. А сейчас, конечно, куда же нам, если мы по медленному способу обучены. Да — да, ловкий народ англики, да только нехорошо то, что они табак жуют, мерзость это отвратительная: жует и плюет и след за собой оставляет, как сорока. Если едешь зимой по снегу и видать на снегу рыжие пятна, как от сорочьего помета, ну значит англик проехал и табак жевал. Курить только по баловству можно, а табак жевать и того хуже. Но Федор Карлович говорит, что англики потому жуют табак, что на работе у них курить нельзя; а как все они, хотя бы и наш старшой, мистер Крири, прежде рабочими были, ну и завыкли жевать эту дрянь.

По осени приезжал в Иорктон из Реджайны судья, братец ты мой, и я на ихнем суде был. Федор Карлович мне пояснил, что это окружной мировой судья, и приезжает он редко, только когда надо, потому что воровства тут вовсе нет. Вот разве эмигрант какой ошибется. За четыре года, говорил Федор Карлович, что он тут живет, это впервой приезжал судья. А судили немца, земляка Федора Карловича, тоже из Самарской губернии; так вот, и повел меня он на суд. Суд о том был, что немец чужого, англицкого быка присвоил. Видишь ли, здесь у каждого фермера свое клеймо полагается; видал в газете иорктонской пропечатаны, быки нарисованы, а на ухе клеймо показано? Так что клейма всем объявлены. Поселяется новый фармер и если заводит скотину, то и клеймо свое пропечатает. А ты знаешь, как тут скотину содержат? Лошади круглый год пасутся: разгребают снег копытами и пасутся. Ну, скотину кормят зимою, а летом никакого ухода, совсем на свободу пускают. Земель пустых много, казенных земель тут никаких не полагается: чем хочешь пользуйся, что другому не принадлежит. Вот минигрант занимает одну фарму, больше ему не

полагается, а скотины сколько хочешь разводи, пока кругом земли не разберут. И настоящие скотоводы уходят далеко от поселения, и, говорят, за Девисълеком[1]) есть такие фармеры, что десяток

———————————

[1]) Озеро дьявола.

тысяч голов скота имеют. А пастухов нет, потому что дорого стоят, больше 500 руб. в год на русские деньги пастух в год обходится. Ну и пускают скотину по весне на все четыре стороны. Так они стадами по степи и ходят, бугай и столько-то коров с молодняком, и говорят, бывает так, что верст за сто и того больше зайдут. Ну, известно, когда-когда фармеры осведомляются, подворачивают свои стайки, когда время есть; да только когда у них время есть, сам посуди, если тридцать — сорок десятин хлеба надо убрать, и сена накосить, и проволокой посев огородить. Вот хоть братьев Сименсов, — ты знаешь их? где вот мы, ссыльные *), с Каменки, Петровки. Терпения, Орловского, Родионовки, Тамбовки, Воскресеновки и прочих наших селений, останавливаемся, когда ездим в Иорктон. У них ведь, у Сименсов, больше ста штук коров, и штук 30 овец, и лошадей, кажись, 6 будет, и посеву, пожалуй, десятин сорок будет, а их только двое и ни одной бабы нет; коров не доят, молоко у соседа берут. Вот тоже это дело не хвалю я у англиков: — наш Алдоша Попов научился немного по-ихнему разговору, — он и спрашивает у старшего Сименса — почему не женишься? Много, говорит, денег надо, чтобы жену содержать. Известно англицкая женщина на нашу не похожа, — содержания требует. Видал наших? Прошлую осень, как приехали сюда, беда была сколько трудов приняли — сказать нельзя, особенно ссыльные: почитай, что все в лихорадке, а тут и дома строить надо, и харчи добывать надо, и пахать надо, а лошадей только по пари на селение, да и то из пожертвованных. Ведь мы, знаешь, как из России-то выехали? за паспорты нечем было заплатить, когда потребовали. Спаси Господи! квакеры выкупили, и за паспорты заплатили, и пароходы наняли, и, вот, — приехали сюда — по паре лошадей да по фургону на селение дали. Только что же на паре сработаешь? в пору только из Иорктона муку доставлять, за 70 верст ведь. Ну, так что же ты думаешь? что наши бабы придумали? Запряглись в плуг, да и пошли пахать. По восемь пар запряглось в плуг, а старики за плугами, и ничего: напахали сколько-нибудь. А как узнали об этом в Штатах, там где-то у них есть общество женское, и они подумали, что у нас баб насильно запрягают в плуг, и они протест написали и старшему прислали, а старшой Сен-Джону передал, а тот нам читал, и все смеялись.

Да-да. Только вот что, братец ты мой: об одном я начал говорить, а на другое съехал. О чем это я начал? О немце, который быка утаил. На чем же я остановился? Да, так вот о Сименсах не кончил. Не хвалю я это, что у них, у англиков, так

———————————

[1]) Ссыльными духоборцы называют тех из своих, которые были расселены на Кавказе русским правительством в 1895 году по туземным аулам. Расселенных было около 4500 душ обоего пола, преимущественно из Ахалкалакского уезда.

заведено, что прежде денег надо иметь, а потом жениться. Знаешь, это очень мне не нравится, это большой у них непорядок. Но только я не об этом попервах говорил. Вот теперь вспомнил: говорил я о том, как фармеры по весне скотину на вольную пашу пускают, а по осени собирают. Если зайдет куда скотина, узнают по тавру и дадут знать или пригонят. Ну а немец-то возьми да и перетрави чужого быка на свою мету, а хозяин узнал своего быка, — за это и судили немца.

Федор Карлович меня на суд позвал, чтобы я повидел, как у англиков судят. Так вот что я тебе скажу, дедушка: когда сидел я на суде, то никак не мог верить, что на суде сижу, а будто на какой-нибудь сходке — никакого чванства; и, как вспомнишь русский суд на Кавказе, — там и чапары, и портреты и всякая обстановка, а тут ничего как есть. Только судья в особом одеянии, в шапочке потешной, в белом платочке на шее и концы наперед висят, и вроде как в бурке черной, только из тонкой материи. Сидит за длинным столом. А суд знаешь где был? — наверху в том доме, где аптека и железный магазин. Сидит за столом с одного края, а около него немец, и Федор Карлович, и все другие, и я, все за одним столом сидим. Ну, что они там говорили, я не мог понять и чуть-чуть не заснул от нечего делать. Хотел уже уйти, а тут суд уже кончился, поднялись, выходят. И, гляжу я, и чудно мне стало, забылся я где нахожусь: вижу, судья немцу руку подал, и Федор Карловичу подал и Федор Карлович что-то ему говорит, смеючись. Потом стали выходить и я пошел за Федором Карловичем. На улице Федор Карлович с немцем распрощался и он уехал на своем фургоне. Тут я говорю Федору Карловичу: оправдали, значит? Как, говорит, оправдали: на два года каторжных работ присудили. — А он же уехал, говорю. — Ну что же, говорит, что уехал: отпустили на две недели чтобы дела на фарме в порядок поставил, а через две недели отправится на каторжные работы. И мне, братец ты мой, довелось видеть, как он на каторжные работы отправлялся: несет чемоданчик, трубка в зубах, а рядом полицейский козырь идет, хлыстиком помахивает, и никакого оружия при себе не имеет. Сели рядышком в вагоне на красные бархатные подушки и поехали в каторжные работы. Вот здорово! Наказание есть, и Федор Карлович говорит — тяжелое здесь наказание каторжные работы, а унижение человеку нет никакого, — вот здорово!

Ну, как чувствуешь себя, дедушка? Много я тебе наговорил и, кажись, так нахвалил англиков, что больше некуда. А только и совсем другое хотел сказать. Вот хоть на счет Сименсов начал было и не кончил. Не нравится мне, братец ты мой, жизнь ихняя англицкая. Пусть хоть как у них будет умно-разумно, а только все это не то, но сродни нашей духоборческой жизни. Слова

нет, многое у них можно перенять, отчего не перенять хорошего, да только круг не тот и не туда жизнь ихняя оборочена. Вот хоть бы на счет женитьбы. Слыхал, что Сименсы говорить? мало денег, нечем жену содержать. Что же она лошадь, что ли?

А почему же мы своих жен не содержим? Жена у нас помощница, пахатница, в плуг запряглась, для чего же ее содержать? Да и как же это у них выходит: значит только богатым можно жениться? Как они мнят, что значит по-ихнему, женитьба? не знаешь ли, дедушка? Нет, это у них вовсе не ладно. Опять на счет роскоши ихней — не одобряю я этого. Хорошо у них все устроено, и порядки очень хорошие, да только все это для богатства и роскоши направлено. Умны они очень, кто против этого что скажет? да только не к духовной жизни ум их прилагается, не к добру; может и не ко злу, да только не к добру. Знаешь что, дедушка, оно может и смешно тебе покажется, а только я доскажу, что сказать хотел.

Весною нынешнею, как поступили мы на работы, повезли нас в Штаты. Новая дорога, что строится от Ред-Вуда, что ли, проходит и по Штатам. Повезли нас туда, а там, около города Манаполя*) вода от дождя дорогу испортила, — скоро надо было починить. Наш хозяин и там подряды имел. Поехали мы, да только там не работали: правительство Штатов запретило, потому что мы из Канады, — чтобы не перебивать работу у тамошних рабочих. Так мы два дня простояли даром, и ходили смотреть на разные устройства. Нас пускали; узнали, что мы духоборцы, прогнанцы из России, и даже с лаской все стали показывать. Так вот зашли мы на большую фарму, такую большую, что может больше и нет: пожалуй миллион стоит. Всякие там устройства видели. И зашли мы полюбопытствовать в свинарню. Увидели, как большущего кабана в клетке привезли, так мы зашли полюбопытствовать. Двор большой, гладкий умощенный, кругом отделения, и дверцы в каждом отделении так устроены, что держатся сверху на петлях; и свинье стоит только их толкнуть, чтобы они открылись и за нею закрылись. А посреди двора прудик неглубокий и вода через него течет: — это для купания тупорылых. Корма тоже много, корыта с просом стоят и с другою едою. А в одном угле беседка, и там, братец ты мой, индийцы сидят и тянуть такую песню, что слушать тяжело, в роде как на Кавказе грузины, тяжелая песня; а свинушки — ничего, слушают да похрюкивают. Ну, осмотрели мы, видим, что свиная жизнь очень хорошо устроена, только на счет песен сомневаемся: неужто для свиней поются? может индийцы так, зря голосят? Пришли к выгонам, спрашиваем у Макарского: для чего это индейцы в свинарне песни поют? А как же, говорит, разве у свиней ушей нет? для удовольствия ихнего. Они слушают и им

———————————

[1]) Вероятно Минеаполис, в штате Дакота.

это нравится, и оттого они в хорошем расположении духа бывают, и пища им больше в прок идет. Эти песни, говорит, с лихвой окупаются. Как он сказал это, так мне тогда удивительно показалось, до чего умный народ англики, что придумали свиней песнями кормить. Ну, а теперь, как я уже всего насмотрелся, да пообдумал, да посравнил с нашею, духоборческою жизнью, — ты не смейся, дедушка, я правду говорю, что мне так сдеется, — что хотя у англиков, кажись, и нет кобылятников, и ума у них много, а только весь ум то их на то направлен, чтобы из своей жизни

первосортную свинарню устроить...

———————

II.

Показания англичан.

Пилигримство духоборцев.

Еще о пилигримстве духоборцев.

Эти показания помещены в «Сборнике» потому, что в них изложено, с характерными подробностями, движение „свободников", бывшее среди канадских духоборцев. Суждения высказанные по этому поводу показателем, англичанином Альмером Модом, жившим много лет в России и принимавшим живое участие в переселении духоборцев в Канаду, также не лишены интереса, по своей искренности; хотя многие из них представляют яркий образчик суждений человека, близко знающего факты с внешней стороны, но не понимающего их внутренних, психических причин, вследствие чего факты кажутся ему уродливыми и высказанные о них суждения изобилуют натяжками и противоречиями там, где делается попытка их внешнего объяснения.

А. Бодянский.

1.

ПИЛИГРИМСТВО ДУХОБОРЦЕВ.

С 1895 по 1898 г., для тех, кто, подобно мне, слышал только из «толстовских» источников о духоборческом движении, оно казалось, по крайней мере, в главных чертах, достаточно осмысленным.

Что рост военщины в современной Европе составляет ужасный гнет для рабочих классов — это вне всяких сомнений. Это, конечно, только игра для царей и правителей, в которую они бы не играли, если бы их подданные были умнее. Толстой объявил, что в России, в конце 19-го столетия, люди подвергались казни за отказ учиться убивать своих братьев. Это было главное, что вызвало духоборческое движение.

Что еще говорилось об этих людях? — что они пользуются имуществом сообща, что они вегетарианцы и вполне свободны от пьянства, что, наконец, они разрешили проблему мирной и доброй жизни людей между собой, в форме свободной общины, при полном отрицании обязательных законов. А то, что они не признавали никакого правительства, кроме чисто свободного, не нуждающегося не в каких законах, кроме нравственного, и не признавали никакого царя, кроме Бога, это требовало еще доказательства *).

———————————

*) Имея в виду показать, что движение „свободников", (которых Мод называет „пилигримами" и движение их „пилигримством") составляет явление крайне уродливое, Мод говорит сначала, не без умысла, о духоборцах только то, что с обыденной точки зрения заслуживает одобрения; поэтому он говорит, будто раньше было под сомнением то, что духоборцы не признают никакого царя, кроме Бога. Но сомнительно не это, а то, чтобы для Мода, (одно время стоявшего очень близко к духоборцам, бывшего, по желанию В. Г. Черткова, ходоком от духоборцев, для выбора места их поселения в Канаде, было когда либо это под сомнением. Возможно, впрочем, что Мод не умел понять того, как могут люди отрицать надобность в каком-либо правительстве, (кроме чисто свободного), необходимость которого, по его мнению, вызывается самой жизнью; возможно также, что он думал, что всякое отрицание правительства связано с насильнической деятельностью против него, а потому, если духоборцы такой деятельности не проявляют, то, стало быть, они и не отрицают правительства. Только при таких условиях объяснимо то, что для Мода, хотя и было известно, что духоборцы относятся отрицательно ко всякому правительству, существовало сомнение в этом. А они не могут не относиться ко всякому правительству отрицательно в силу своего жизнепонимания: они способны терпеть всякое правительство и переносить всякие гонения, что и доказали своим поведением в России, но признавать правительство, как необходимое условие человеческой жизни, они не могут, оставаясь при своей вере. *А. Б.*

Первый и главный мотив духоборческого движения выставлялся все-таки тот, что русское правительство требовало молодых духоборцев на службу в армию, и что они все вместе и порознь отказались от исполнения этого требования и были поддержаны в этом своими семьями и большею частью людей своей секты.

7,363 духоборца, которые поехали в Канаду, получили там сердечный прем. Была одержана, как казалось, великая победа принципа мира и был преподан человечеству прекрасный пример пассивного сопротивления требованиям

военщины.

Таков был взгляд Толстого.

В своей статье „Две войны" он писал:

«Борьба духоборцев открыла глаза миллионам. Я знаю сотни военных, старых и молодых солдат, которые, благодаря преследованию кротких, работящих духоборцев, начали сомневаться в нравственности своих собственных поступков. И правительство, тиранящее миллионы народа, знает это и чувствует, что оно было поражено в сердце. И это создает важное следствие не для одного русского правительства: всякое правительство, основанное на насилии и поддерживаемое оружием, ранено также».

Увы! пшеница и плевелы растут вместе во всех людях, во всех сектах и во всех человеческих делах. Духоборцы, как мы видели в последней главе, скоро показали себя менее разумными, менее понятными и менее стремящимися к общему благу.

Сначала пришли известия, что они отказываются принять «данные» на свои гомстеды, как полагается по канадским законам и обычаям *). Далее они отказались регистрировать рождения и смерти и способствовать составлению оффициальных сведений о женитьбах и разводах **). Затем, некоторые отказались платить легкий канадский дорожный налог, почти единственный налог, который они должны платить ***).

———————————

*) По канадским законам, каждый эммигрант, берущий себе гомстед (участок свободной земли около 55 десятин) обязан уплатить 20 рублей (10 долларов) в иммигрантскую контору. Затем ему дается 3 года срока, в течение которых он обязан жить на своем гомстеде, но крайней мере летом, и произвести известную культуру. После этого ему выдается „данная", и гомстед становится его собственностью. *А. Б.*

**) Здесь Мод, как будто бы указывает на то, что канадское правительство старалось только о том, чтобы получать необходимые для статистики сведения от духоборцев, тогда как оно прямо требовало от них подчинения регламентации законам страны их браков и разводов, под страхом большой ответственности. От подчинения этой-то регламентации и отказались духоборцы, а вовсе не от дачи сведений для статистики. Подтверждение этому может быть найдено в документах, которые входят в состав „Сборника". *А. Б.*

***) Духоборцы никогда не отказывались от исполнения дорожного налога, который состоит в том, что каждый обыватель обязан или участвовать лично несколько дней в работах по проведению и исправлению грунтовых дорог, или внести в дорожную контору соответствующую этой работе плату. Только в первые два года своего поселения духоборцы не имели ни времени, ни средств выполнять этот налог. *А. Б.*

В феврале 1901 года один эксцентричный человек, по имени Бодянский, который был среди духоборцев, написал от их имени «Обращение ко всем людям», объясняющее их отказ от законов Канады и спрашивающее «есть ли где-либо такая страна и такое общество, где мы были бы терпимы и где мы могли бы жить без того, чтобы нарушать требования совести и правды».

За этим последовало особое обращение к Турецкому Султану в том же роде; и под тем и другим «обращениями», написанными Бодянским, подписалось множество

представителей духоборчества *).

Потом духоборцы отказались принять разрешение земельного затруднения на условиях ими самими предложенных в «обращении» **).

Наконец стало очевидным что они и сами не знали, чего хотели, что они относились подозрительно не только к канадскому правительству, но и вообще ко всякому, кроме их собственного, — действительную причину чего они не хотели объяснить даже тем, кто помогал им.

Один пример достаточен для того, чтобы показать пустоту агитации, которую вел Бодянский.

В течение 1900 года духоборцы, т. е. Бодянский, как их представитель (spokesman), протестовали против обращения в частную собственность «божьей земли». Они писали (в «обращении»): нет оправдания для человека, который, зная закон Божий, обращает в собственность то, что не составляет продукт его труда, но что создано Богом для пользования всех людей; нет оправдания для человека, который, зная закон Божий, делает частную собственность из земли». В то же время духоборцы той же деревни, в которой жил Бодянский, и от имени которых он писал, пробовали выжить поселенца, который жил 12 лет на земле, которую они считали входящей в их территорию, но который, как они думали, упустил

———————————

*) В составлении обращения к Турецкому Султану я совершенно не участвовал и был уже в Европе, когда возникла самая мысль о его составлении. Составлением этого второго „обращения", без всякого моего участия, и тем, что как под ним, так и под первым „обращением" подписалось большое количество представителей духоборчества доказывается кажется ясно то, что и первое обращение, „ко всем людям", не было исключительно моим произведением. *А. Б.*

**) Этого никогда не было. Земельное затруднение состояло в том, что по законам Канады гомстеды должны были быть приняты духоборцами в частную собственность, а духоборцы просили, чтобы земля была предоставлена им в общественное пользование, на что правительство Канады никогда не давало своего согласия. *А. Б.*

сделать необходимые формальности для закрепления земли за собой*). Было бы, однако, неправильным заключать из этого, что агитация была сознательным обманом со стороны Бодянского или духоборцев. И он, и они проводили правила, казавшиеся для них важными, хотя ни он, ни они не оказали должного внимания к требованиям справедливости, что, впрочем, также мало можно ожидать от агитаторов, как и от других людей.

Бодянский был теоретиком и фантазером, типа не редкого в России: он был человеком, который создает свои мнения, не беспокоясь о фактах, потому что факты служат у людей этого типа только иллюстрацией их мнений, а не для основы. Люди этого типа никогда не беспокоятся о неурядицах и неприятностях, которые могут быть причинены другим людям их пропагандой. Они заботятся меньше о людях, чем о принципах; говоря точнее — они больше заботятся о новых фантазиях, которые возникают в их мозгах, чем о живых, себе подобных существах.

Среди духоборцев Бодянский нашел случай, как чревовещатель иногда

употребляет большую куклу с подвижною головой, выразить через этих сектантов свои принципы, для привлечения к ним всеобщего внимания **).

В письме к другу, когда все уже закончилось, Бодянский говорит, как во время его отсутствия в Калифорнию, духоборцы испортили начатый им проект составления центральной духоборческой конторы в Иорктоне, для вершения всяких духоборческих общественных дел и, между прочими для устройства библиотеки и аптеки. Он намекает на некоторые протесты, направленные против него, которые и заставили его уехать из Канады ***). Рассказывая в этом

———————————

*) Мне не помнится подобного случая. Но если что-либо подобное было, то вероятно оно вызвано было более чем грубым обращением с духоборцами соседа, английского фермера. Он ругал, бросал палки и, кажется, даже стрелял в духоборцев, которые проходили мимо его усадьбы. А между тем, его земля действительно находилась в черте той территории, которую канадское правительство предоставило для поселения духоборцев. Все эти обстоятельства может быть и побудили кого-нибудь из селения Каменки, в котором я жил, сделать запрос иммигрантской конторе о том нельзя ли, чтобы беспокойный сосед-фермер переселился в другое место. Знаю, наверно, что официального дела по этому поводу никогда не было. *А. Б.*

**) Стоит запомнить эти слова Мода и сравнить их с дальнейшими его показаниями о духоборцах, которые прямо противоречат этому. *А. Б.*

***) Я не мог писать никому ничего подобного, потому что ничего подобного не было. Я не замечал против себя особого недовольства со стороны духоборцев, хотя возможно, что не все духоборцы питали ко мне расположение. А уехал я из Канады исключительно по личным причинам, к которым присоединилось еще то, что правительство Канады видело во мне инициатора протеста духоборцев против „законных" его требований и приняло даже против меня репрессии. Так, по требованию иммигрантского агента в Иорктоне, я и сын мой были удалены из иммигрантского дома и нам был воспрещен доступ в этот дом, в котором останавливались духоборцы, приезжавшие в город. Без сомнения, правительство ошибалось относительно моего влияния для духоборцев, как ошибается и Мод. События, после моего отъезда, до последнего времени, показали ясно, что духоборцы обладают достаточной степенью сознательности и самостоятельности. *А. Б.*

письме как духоборцы разделили между собою по частям капитал, книги и лекарства, (составленные из пожертвований), он между прочим говорит: «я надеюсь, что духоборцы будут иметь со временем все, в чем они нуждаются и многое более того, но этого не будет, пока инициатива для учреждения чего-либо не выйдет из их среды, вследствие требования и опыта жизни. Никакая инициатива извне не может им дать ничего, так как нет более замкнутой группы людей, чем духоборцы» *).

Это очень странное признание для человека, который в продолжение многих месяцев проводил свои религиозные выдумки канадскому правительству и свету, как выражение неизменных принципов жизни духоборцев. Опуская маску, он здесь признает в действительности, как мало было единодушия между ним и сектой, за которую он действовал и говорил, и как различны его взгляды от их **).

Но почему же духоборцы играли для Бодянского роль манекена? Я принимаю объяснение Ольховского, которого уже цитировал и говорю: просто потому, что духоборцы лавировали, ожидая инструкции от Петра Веригина, который был в это

время в ссылке в Сибири. И пока они не знали его мнения, они не желали ни подчиняться канадскому правительству, ни объяснять настоящую причину своей нерешительности. Поэтому они приветствовали „обращение" Бодянского, над которым сами смеялись, но которое привело в недоумение Иммиграционный Департамент и задержало дела в неопределенном положении; а это было именно то, чего хотели духоборцы до времени освобождения Веригина ***).

В письме к П. И. Бирюкову один из духоборцев, подписавших „Обращение ко всем людям", писал с характерной для духоборцев хитростью: „что касается до того, что писал Бодянский,

———————————

*) Эти слова кажется взяты из моего письма к А. Н. Коншину. Но если г. Мод приводить их, как доказательство самостоятельности духоборцев, то как мог он говорить раньше, что для меня духоборцы играли роль манекена чревовещателя? *А. Б.*

**) Решительно непонятно, каким путем мог г. Мод прийти к такому выводу. Если духоборцы, в бытность мою среди них, не видели пользы в учреждении особого общественного фонда, общественной библиотеки и аптеки, полагая что будет проще и лучше, не устраивая особой библиотеки, просто меняться друг с другом книгами, какие кто имеет, просто оказывать друг другу денежную и лекарственную помощь, не устраивая особых общественных банка и аптеки, то из этого совсем, кажется, не следует, чтобы между ими и мною была разница в понимании принципов жизни, причины и цели ее. *А. Б.*

***) Непрекращающиеся до последнего времени недоразумения между духоборцами и канадским правительством, уже после приезда Веригина, показывают, что г. Мод ошибался, если действительно так думал. Духоборцам вовсе не было надобности выигрывать время, пока приедет Веригин; правительство Канады, сравнительно весьма разумное и доброжелательное, охотно отложило бы все вопросы до его приезда по первому заявлению с их стороны. *А. Б.*

то вы знаете, что мы недостаточно умны, чтобы понять каждое слово, а что касается до выражений, нам не подходивших, в его писаниях, — ну старичек Бодянский — упрямый человек, и всегда поворачивает дела по своему" *).

Бодянский, во всяком случае, скоро оставил Канаду, и духоборцы показали, что они могут причинить столько же хлопот без его помощи, как и с ним **).

Кажущееся сходство между некоторыми положениями в духоборческом «обращении» и Генри Джорджа привлекло симпатии сторонников единого налога. Но при более глубоком анализе видно, что кроме того, что духоборцами и Генри Джорджем выражен протест против существующих законов, другого сходства нет. Генри Джордж создал законченную систему, он выразил свои положения ясно и открыто, и он имел в виду порядок, содействующий труду, порядок, признающий полезность правительства. Духоборцы же не создали системы, тщательно скрывают свои действительные мнения и желают, чтобы каждая правительственная система (кроме их собственной теократии), оказалась неработоспособной **).

Одна фаза фанатизма следует в жизни духоборцев за другой.

Значительная часть их (числом около 1600) последовали за проповедником, учившим, что дурно употреблять металлы, добытые из земли и обработанные трудом наших, обращенных в рабов братьев, что несправедливо обучать лошадей и

рогатый скот работать за нас, что нехорошо употреблять деньги, которые, нося изображение и надписи кесаря, должны быть возвращены кесарю. Также неправильно обрабатывать землю, потому что для чего должны мы «портить» землю, если есть теплые страны, где люди живут, питаясь фруктами; далее, разве нет примера Христа, который оставил работу и пошел по свету, проповедуя и уча закону Бога ****).

———————————

*) Эта выдержка сделана из письма духоборца, Васи Потапова, одного из самых развитых и умных канадских духоборцев, который участвовал в составлении „Обращения ко всем людям" и подписал его вполне сознательно. Не спорю, что в приведенных словах его письма действительно есть хитрость, но, на мой взгляд она заключается в том, чтобы как можно более угодно ответить тем „друзьям", которые нападали на духоборцев за написание „обращения". *А. Б.*

**) А если это так, то ясно, что при мне и для меня они не играли роли манекена. *А. Б.*

***) Здесь опять Мод противоречит себе: говорит об „обращении", не как о моем произведении, в котором я выразил свои „фантазии", а как о выражении принципов жизнепонимания духоборцев. *А. Б.*

****) Здесь, конечно, г. Мод говорит о проповеди „свободников". Не смотря на мою близость к канадским духоборцам, в особенности к „свободникам", я не могу сказать в точности, в чем заключается их учение. Но во всяком случае я имею полное основание думать, что оно не совсем похоже на то, что указано Модом. Вернее всего, что принципы их проповеди были только несколько более крайними, чем те, которые выражены в катехизисе, известном у духоборцев под именем „Книги или Азбуки жизни христианской". Текст этой „Азбуки" будет помещен в отделе религиозных статей „Сборника". *А. Б.*

Эти доктрины снова разделили секту. Большая часть, во всяком случае отказалась оставить оседлый образ жизни, а некоторые прямо заявили, что проповедник и его последователи люди сумасшедшие.

Последние, (между которыми, как это не странно, были самые способные и искренние в секте), угрожали оставшимся адским огнем и с презрением смеялись над ними, говоря, что они «плохие» духоборцы.

Много горечи жизни создалось в результате этого. Семьи разделились, сын пошел против отца и брат против брата. В некоторых деревнях почти все присоединились к пилигримству, *) в других только половины, в третьих единицы или даже никто.

Большинство пилигримов были люди вполне искреннее, но, тем не менее, ни тогда, ни когда либо после они не могли дать никому постороннему удовлетворительного объяснения своего поведения **).

Точно также, как мр. Чемберлэн думает, что если есть что-либо неудовлетворительное в экономическом положении Англии, то протекционизм должен быть лекарством, так и они заключили, что если существующие условия Канады не обеспечивают свободы, равенства и братства для всех людей, то лечение должно заключаться в оставлении работы, освобождении скота и пилигримстве. Их намерения были — встретить Христа, проповедывать Евангелие, — некоторые из них уже говорили немного коверканным английским языком, — и добраться до теплых стран, где нет правительства и где они ели бы фрукты с деревьев.

Привыкшие к рабочей жизни, многие из них должны были горячо молиться, чтобы быть спасенными от искушения, которое являлось для них в форме желания поработать. Они передали свои деньги ближайшему иммигрантскому

———————————

*) Так называет Мод движете „свободников" потому, конечно, что „свободники" оставили дома и отправились на проповедь и отыскание места, более благоприятного для естественной жизни человека, чем Канада. *А. Б.*

**) Вероятно, это правда, так как и я, не смотря на многочисленные мои письменные просьбы, не мог получить вполне удовлетворительного объяснения всех моментов движения „свободников"; но я приписываю это не нежеланию, а не уменью или невозможности с их стороны сделать это. Уверен я, что „свободники" не только не хотят скрывать чего-либо из своего учения, но охотно изложили бы его каждому, во всех подробностях; однако я сомневаюсь в том, чтобы кто-либо из них мог это сделать толково и ясно. И причиной этому служить то, что, насколько я знаком с типичными особенностями духовной природы вообще всех духоборцев, на столько я могу утверждать, что у них очень развито этическое чувство, и очень мало развито этической разумение. Они очень ясно различают нравственно-положительное от нравственно-отрицательного в жизни, но не путем разумения, а путем чувства или инстинкта. Можно сказать, что они чувствуют, а не разумеют правду в жизни. Можно утверждать, что они наследственно, инстинктивно нравственны и чутки к добру к правде. Поэтому для них и составляет большой, почти невозможный труд передать в рассудительной форме, в логично-ясной речи нравственные основания своих поступков, и только при умелом содействии со стороны спрашивающего можно достигнуть этого. *А. Б.*

агенту (представителю кесаря). Они выпустили лошадей и скот на свободу (их сейчас же захватила и взяла в охрану конная полиция). Овец они отогнали на расстояние и предали в милость Божию, — но волки явились и пожрали их. Они отрезали металлические крючки и петли от платьев, привели все в порядок в домах и пошли в пилигримство, увеличиваясь, как снежный ком, когда проходили через деревни. Число их достигло скоро размеров, встревоживших власть.

Они почти ничего не взяли с собою: только платье и немного хлеба и яблок. Некоторые шли без шапок и босиком, и все отказались от кожаной обуви. До тех пор, пока они шли по духоборческим деревням, они были везде гостеприимно встречены, и их нужды удовлетворены. Настоящие страдания их начались, когда они, 25-го октября 1902 года, оставили последние свои поселения и двинулись далее к Виннипегу. Некоторые из них были уверены что, так как они исполняют Слово Бога, то он пошлет им второе лето, вместо зимы, — и некоторое время они действительно пользовались исключительно хорошею погодой.

Больных и калек несли на носилках. Один ребенок умер; были рождения. Наконец, в Иорктоне, октября 28-го, прежде чем случилось что-либо скверное, вмешалась полиция и не позволила 1060-ти женщинам и детям идти дальше. Мужчины были также остановлены, но они прошли мимо полиции *) и пошли вперед, с собачьим, долго-выстраданным упрямством, характеризующим и то что хорошо, и то что дурно в русском крестьянстве.

3-го ноября, когда пилигримы дошли до Фоксваррена, погода изменилась:

поднялся острый северо-западный ветер и скоро начал падать снег. Спать на открытом месте, как они были вынуждены — являлось непереносимым страданием. Но еще раньше этого их положение сделалось очень серьезным. Они питались главным образом тем, что давали им в их деревнях, через которые они проходили, или зернами, который они собирали в полях или в полове около элеваторов, мимо которых они шли. Некоторые из них стали совсем сумасшедшими. Один был так буен, что его руки нужно было связать шарфом, и два товарища его должны были оставить поход и возвратиться обратно в селение. Наконец, после многих приключений и появления признаков разложения среди их общества, когда холод усилился, власти приняли против движения решительные действия. В субботу, 8-го Ноября, в Минедозе, где Виннипегская дорога сходится с Манитобской и Северо-Запад-

———————————

*) По законам Канады, полиция не могла насильно остановить движения „свободников". Женщины, вероятно, были остановлены в виду грозившей им опасности погибнуть во время пути, при чем ответственность за остановку полиция брала на себя и могла подвергнутся ответу за превышение власти. *А. Б.*

ной, приготовлен был специальный поезд и, после упрямой борьбы, в которой пилигримы сомкнули руки с руками и показали все пассивное сопротивление сильной группы мужчин, какое только они могли дать, твердо воздерживаясь от всякого перехода к сопротивлению активным насилием, они были втиснуты силой в вагоны полицией, а некоторых заставили войти в них более мягкими способами. Все были отправлены обратно в Иорктон, откуда были скоро отосланы в свои поселения. К концу пилигримства их все еще насчитывалось около 450 человек.

Несколько недель после этого была неопределенность отношений и даже раздор между «сумасшедшими» пилигримами и „плохими" духоборцами, не примыкавшими или отставшими от движения. Никакого дела в их отношениях к требованиям правительства, по поводу принятия земли, регистрации браков и прочего не было сделано, пока не приехал, в Декабре 1902 года, освобожденный из Сибири, их руководитель, Петр Веригин; тогда все сразу приняло новый вид и пошло иным путем. Духоборцы сейчас же начали делать вводы во владения предоставленными им гомстедами, они дали необходимые сведения для статистики, заплатили дорожный налог и решили впредь сами строить дороги в согласии с требованиями правительства. Они просили о возвращении им денег, которые они отдали „кесарю", но иммигрантский агент предпочел употребить эти деньги за их земли, в погашение регистрационной платы, взимаемой при приеме эммигрантами земли. И Петр Веригин начал организовать материальное благосостояние своего народа, покупая из общих средств превосходных лошадей и скот на завод, а также лучшие и новейшие, усовершенствованные земледельческие машины. Еще одна попытка пилигримства была сделана в мае 1903 года, с тою особенностью, что пилигримы, входя в город или поселение, снимали с себя все платье, и женщины и

мужчины, следуя примеру Адама и Евы в раю, и являлись голыми.

Второе пилигримство было, однако, сравнительно малым делом, на которое Веригин не обращал внимания. Оно было скоро остановлено полицией. *)

———————————

*) Мод, без сомнения, с умыслом упоминает только вскользь о втором движении „свободников", которое произошло уже тогда, когда Веригин был в Канаде, против которого он и поднял первый руку насилия, заставляя своих приверженцев бить участников движения. Мод говорить с умыслом об этом движении только вскользь потому, что это движение прямо противоречит его показанию, будто все вообще движение произошло вследствие того, что в это время отсутствовал Веригин. Мод, как человек внешних воззрений на жизнь, ищет всему и внешние причины, и если таковых не находит, то старается их выдумать, тщательно замазывая при этом то, что необходимо должно противоречить выдумке. Движение „свободников" создалось не внешней причиной, а очень глубокой внутренней, духовной, тою же причиной, которой создалось и движение возрождения духоборцев на Кавказе, окончившееся их переселением в Канаду, тою же причиной, которой, как надо думать,

Нечего говорить, что такое поведение поставило тех, кто хлопотал о духоборцах, ручался за них, как за людей хорошего поведения, кто собирал для них деньги и устроил их переселение,

———————————

создалось и самое духоборчество. Причина эта заключается в том, что стремление к совершенству, к высшей жизни, проникает всю жизнедеятельность мира и в частности каждой особи; вследствие этого-то стремления создался между прочим из низшего высший человеческий организм, в котором оно и выражается в особенности ясно. И это стремление служит прямым доказательством бытия Божьего, которое и создает его своим влиянием на все сущее. А влияние это подобно атмосферному давлению: оно постоянно и тем более становится активным, чем менее встречает сопротивления. И создаваемое этим влиянием стремления существ к высшему, лучшему, более совершенному, развиваясь в жизни, при благоприятных условиях, становится причиной великих и малых духовных явлений во внешней человеческой жизни. 19 столетий тому назад, эта самая причина, при благоприятном условии напряжения ее в высочайшей степени в Иисусе Назарянине, создала христианство; в начале прошлого столетия та же причина, при благоприятном условии проявления ее силы через Капустина, или других лиц, создала из среды темного и забитого русского крестьянства группу людей с развитым чувством и стремлением к свободе, правде и любви, создала духоборчество; та же причина, при благоприятных условиях, с одной стороны отталкивающего противодействия ей со стороны русского правительства, и, с другой стороны, содействия проявлению ее силы со стороны отчасти Толстого и других лиц, а главным образом Петра Веригина, который увенчан был в это время в глазах духоборцев ореолом страдальца за правду, создала их возрождение на Кавказе, и та же причина, при не вполне ясных для меня благоприятных условиях, но несомненно без участия Петра Веригина, как проводника ее силы, создала движение „свободников" или пилигримства, по терминологии Мода. И если бы Петр Веригин оказался достойным, по своим духовным свойствам, того места, которое он занял среди духоборцев, благодаря случайному стечению обстоятельств, то он мог бы, без большого труда, сделаться великим проводником в жизнь влияния силы Божьей, как это и было с ним, вероятно не вполне в зависимости от него самого, при возрождении духоборцев на Кавказе. Из движения „свободников" Петр Веригин мог создать великое мировое явление, которое отметила бы история и гордились поколения, изменив в этом движении все практически неразумное, неосуществимое, на разумное и осуществимое; но дела его показали, что он не был способен на это. Быть может, он не понял природы движения, но вернее то, что, истомясь в ссылке в продолжении 14 лет, он,

получив свободу и очутившись в стране сравнительно очень свободной, не нашел в себе энергии идти на новые испытания и быть может даже на новое мученичество и повернул в сторону обыденной, животной жизни: он закрыл свои сердце и ум для проникновения через них влияния на „своих" Высшего Бытия и открыл их во всю для влияния соблазнов культуры, изощренных форм смакования животной жизни; и вот он стал противником движения „свободников", противником стремления к высшей жизни, которое как умели так и выразили люди, поставленные предшествующей жизнью в духовную от него зависимость. Пока его не было в Канаде, в движении „свободников" участвовали все кто сколько-нибудь явно испытывал на себе влияние Высшего Бытия, но когда он стал посреди их, тогда все те, которые были поставлены предшествующею жизнью в духовную зависимость от него более чем от непосредственного влияния Высшего Бытия, последовали за ним; еще охотнее сделали это те, в которых жила склонность к животной жизни более, чем к духовной, и в результате остались верными движению только малая группа людей, не имевших ни силы, ни способности выразить его в разумной, обоснованной, практический форме. Потому то второе движение „свободников", в мае 1903 года, и не имело никаких видных последствий. Но оно, на сколько мне известно, совсем не умерло, и вполне

в неловкое положение. И то, что они вынуждены были приносить извинения, объяснения и даже скрывать факты, они делали не из-за того, чтобы оправдать себя, а потому что духоборцы были выставлены ими перед всем светом, как носители принципов мира. Им показалось, что эти принципы будут иметь значительный выигрыш при защите духоборцев, а признать их плохое поведение, как казалось некоторым, было равносильно отказу от благой цели, которая ставится этими принципами. Но никакие подкрашивания и скрывания истины не приводят к хорошему результату, а порождают только замешательство и непонимание. В поведении „толстовцев", защитников духоборцев, многое было, о чем нужно было бы сожалеть. Некоторые книги, напечатанные издательством „Свободного слова", в Крейстчерче, сделали настоящий вред. Владимир Чертков уверил канадское правительство, что духоборцы окажутся превосходными поселенцами. Он собрал также деньги в Англии для помощи им и был, конечно, вынужден употребить все свое влияние для установлена согласных отношений между духоборцами и канадским правительством, которое всегда и вполне выражает желания канадского народа. Однако вот странные слова из настольной книги, одобренной этим господином, которую он издал и разослал, как помощь духоборцам для изучения английского языка и снабжения их сведениями и моральными правилами. Чтобы обратить особенное внимание на эти слова, я их пишу курсивом.

Стр. 42. *Все правительства основаны на насилии*; они поддерживаются армиями, судами, тюрьмами и полицией.

Стр. 49—52. Народонаселение Канады состоит из коренных жителей, краснокожих индейцев и пришельцев из Европы, и 7500 духоборцев с Кавказа. Есть еще негры. (Sic). С индейцами и неграми очень плохо обращаются в местах занятых европейцами. Бедных индейцев прогнали на север и лишили всех прав. Они постепенно вымирают, и все же они — очень благородная раса. Они честны,

правдивы и гостеприимны. Они кочевники—охотники (номады) и живут в палатках. Было время, когда индейцы были великим и могущественным народом. *Они обладали высоким умственным развитием и правила их нравственности были очень возвышенны. Они ни кому не вредили.*

По своему они служили Богу, которого звали — Великим Духом. Потом *жестокие* европейцы приехали и начали гнать их и брать их землю. Индейцы были приведены в отчаяние и мстили за себя жестоко белым людям, как они называли европейцев..... Цивилизованные народы делают большой грех, потому что они льют всюду кровь, и притесняют тех, кто слабее их. Вместо принесения настоящей цивилизации, любви и единения, они вносят ненависть и смерть, куда они приходят. *Европейцы* зовут себя христианами, но они *не следуют учению Христа*.

Стр. 62. Это касается регистрации браков, рождений и смертей. Обещаете ли вы исполнять это всегда? Мы готовы отвечать охотно всегда, когда нас спрашивают, *но мы не можем ничего обещать. Обещать тоже что давать клятву*. Наша вера за-

———————————

возможно, что при благоприятных условиях возродится снова, если только духовной природе духоборцев не суждено выродиться под влиянием соблазнов той культуры, которая особенно захватывающе действует на рабочих людей в Америке. *А. Б.*

прещает клясться. Христос говорил: — „не клянитесь". *Человек должен быть свободен. Обещание связывает совесть и волю человека. Даже в малых делах мы должны быть свободными.*

Стр. 86. *Не давайте никаких обещаний*. Мы не можем давать присяги. *Наша вера та же самая, что Иисуса Христа.*

Стр. 92 и 93. Мы думаем, что не должно существовать частной собственности на землю. По нашему мнению, *земля*, как вода и воздух, *должны существовать на пользу всех. Земля принадлежит тому, кто прилагает на ней свой труд*... по поводу земельного вопроса много ученых людей много писали и спорили; читать о земельном вопросе полезно писания двух человек: американца Генри Джорджа и нашего русского Льва Толстого.

Толстой более рассудителен в практических делах, чем «толстовцы». Я имел с ним несколько разговоров в августе 1902 года, когда духоборцы стали освобождать скот. Он был далек от одобрения их действий, или тех крайностей, которые угрожали. Но его лейтенант *) в Англии, на митинге, происходившем в Эссекс—голле, по сообщению Daily News, говорил: „духоборцы чувствовали, что материальное богатство, с которым они встретились, угрожало их духовному развитию..... Они думали найти более мягкий климат, где агрикультурные операции, более подходящие к их гению, были бы возможны, особенно где можно было бы заниматься садоводством без необходимости употреблять животных. Они считали неправильным принадлежность земли отдельным лицам. Духоборцы, чувствуя, что они не нужны правительству, считали более подходящим и вежливым уйти прежде,

чем начальство будет поставлено в необходимость осудить их".

Это защита и объяснение пилигримства.

Далее, в ответ на вопрос о возможности жить без правительства, он сказал, что при исключительных затруднениях, 15 тысяч духоборцев жили так в России 50 лет и за это время среди них не было ни одного преступления.

Кажется, нет сомнения, что многие из духоборцев, во время пилигримства, были охвачены психо-религиозной манией, похожей на ту, хотя и гораздо слабее, которая была поднята в Бразилии Antonio Maciel'ем, психопатом, который, исходя из принципа, что вся роскошь н все, что не абсолютно нужно для аскетической жизни, должно быть истреблено, поднял движение, которое длилось годы и закончилось только его смертью, после двойного поражения войск, посланных против него; его укрепление в Канудосе было наконец взято после трех месячной осады, в 1897 году, бразильским главнокомандующим и силою почти 13 тысяч человек с артиллерией. Эпидемия почти подобного рода причинила серьезные беспорядки в Arcidosso, в Тоскании, в 1879 году, и доктор П. Якоби, в Вестнике Европы, за октябрь и ноябрь 1903 года, показал, что такие психо-религиозные эпидемии гораздо обыкновенней в России, чем где-либо.

———————————

*) Без сомнения Мод называет лейтенантом Толстого В. Г. Черткова. *А. Б.*

В случае духоборцев было много причин, которые подготовляли их к какому-либо умственному расстройству, и тот факт, что этим расстройством было серьезно захвачено только небольшое число из них, и что эти, за немногими исключениями, удерживались от буйства, и что все возбуждение прошло в несколько месяцев, показывает, что они обладают превосходной физически здоровой жизнью, что воздержанность и привычка к контролю своих поступков делает их способными дать сильное сопротивление гипнотическим и психопатическим влияниям, которые между другими сектами показали себя в высшей степени опасными.

Духоборцы — невежественный народ, привыкший полагаться во всем на своего главаря, были лишены руководства Веригина, в его отсутствие. Приведенные в высокую степень возбуждения борьбою с русским правительством, они твердо держались того, во что они верили, рискуя имуществом и жизнью. Затем, помощь, которая казалась чудесной, внезапно пришла к ним от народа, которого они не знали, и из страны, о которой они не слышали. В новом положении, уверенные своими наивными поклонниками, что они соль земли, посещенные проповедниками диких теорий, принужденные расстаться со многими прежними обычаями и поставленные лицом к лицу с новыми условиями, кто же будет удивляться тому, если они потеряли равновесие разума и морального чувства? Особенный момент, однако, который дал самый прямой толчок к пилигримскому движению, был тот, который, на первый взгляд, никто бы не заподозрил в возможности создать такой большой результат.

Петр Веригин, вовремя ссылки писал много писем. К своему народу он писал

всегда осторожно, но другим знакомым он писал с меньшей сдержанностью и по временам высказывал немало прямой чепухи. Я не должен разбирать вопроса, каким образом человек, показавший себя в практической жизни таким способным организатором и вожаком, мог написать такую ерунду, и как случилось то, что кто бы то ни было, читая, мог не видеть, что это сущая ерунда. Но факт остается тот, что эти письма были собраны и напечатаны „Свободным Словом" *) Они были напечатаны по-русски в 1901 году и распространены среди духоборцев. А этот бедный народ, мало привыкший к книгам, получил эти послания отсутствующего вожака с таким же благоговением, какое испытывают благочестивые протестанты к посланиям апостола Павла. И они сейчас же начали думать, как провести новые взгляды вожака на практике. Это настоящий ключ ко всем абсурдам пилигримства 1902 года.

———————————

*) Письма эти собраны В. Д. Бонч-Бруевичем и изданы В. Г. Чертковым. Непоследовательности в этих письмах найти можно много, но ерунды и чепухи, как говорит Мод, в них кажется нет. *А. Б.*

Стиль Веригина — особенный, длинными периодами, иногда темными по смыслу. Поэтому я цитирую только некоторые места для доказательства моих слов. Но даже эти цитаты я должен передать в сокращении. Если бы нужно было больше свидетельств, то было бы легко дать их много страниц.

Вот выдержки из писем Веригина:

„Согласиться со всеми требованиями организаций кесаря, значит принять участие в его делах. А их дела, как мы видим — нехороши. Мы считаем обязанными возвращать им деньги столько, сколько они потребуют".

„Я признаю возможным советовать не работать физически и быть все-таки достаточно сытыми. Ищите прежде царствия Божия, а остальное приложится. Люди должны начать проповедывать мир и добрые желания, которые связаны грехом. Много пшеницы было бы, если бы плевелы были истреблены. Земля, освобожденная от насилия рук человеческих, начала бы производить все, для чего она предназначена. Я не могу вообразить, чтобы человечество испытывало нужду, подчиняясь такой теории. Потому что, умеренно кормясь, пищевых продуктов, существующих сейчас, было бы достаточно в продолжение ста лет. А в сто лет земля совсем бы заросла и имела достаточно времени, чтобы одеться и возвратиться в первобытное состояние. И все человечество, вместе с духовным состоянием, потерянным Адамом и Евой, получило бы обратно земной рай".

„Для меня важно знать: — чтобы жить правильно, должны ли мы держать скот?.. Потому что, вполне естественно, если существуют фрукты, то человек должен питаться ими. Это мое твердое убеждение".

„Если мы не можем жить без ножей, то мы никогда не можем освободиться от современной цивилизации. Если все человечество начало бы жить мирно и спокойно в хижинах и понуждалось бы в топоре, то оно бы опять вернулось к вышеупомянутому, к шахтам. Вы можете сказать, что даже в шахтах человек может

вести мирную и спокойную жизнь; — я отвечаю, что человек создан не только для физической жизни, но и для психической. А потому, по моему мнению, человек не нуждается в том чтобы делать, но в том чтобы наблюдать и поклоняться существующему".

„Возьми крест твой и следуй мне. А чтобы следовать Христу, мы должны жить, как он жил. А мы знаем, что Христос не работал физически, не работали и апостолы. И если только предполагать, что подобная жизнь возможна для ограниченного числа людей — это также неверно. Возможно разве, чтобы Христос позвал апостолов к такой жизни и, видя все или половину человечества, сказал бы: нет вас слишком много. Совершенство не должно рассматриваться, как принадлежащее исключительным людям: — это доля всех людей. Что апостолы и Христос носили платье и ели хлеб,

было естественно, потому что было изобилие хлеба и платья, и (нужно прибавить) что даже Христос и апостолы не могли внезапно пойти голыми".

„Чтобы быть верными последователями Христа, главным образом необходимо тоже и проповедывать евангелие правды. И тогда можно просить хлеб для тела. Вспомните, что апостолы, проходя через поле, срывали колосья и ели. Если кто-нибудь хочет работать — оставьте их делать это, но наш долг работать на хлеб Христа".

„Из факта, что наша земля получает жизнь от солнца, я думаю, что чем ближе мы будем лично к солнцу, тем лучше будет во всех отношениях..... Я считаю что лучшее место для поселения там, где солнце, посылая животворные лучи ко всему, что живет, в тоже время будет наполнять мозг человека жизненной силой. Если человек употребляет пищу, выросшую при помощи солнечных лучей, напр., малину, клубнику, и вообще, так сказать, нежные фрукты, то его организм будет сформирован из самой энергии, потому что нежные фрукты, как я думаю, содержат в себе очень много сжатого солнечного эфира, иначе говоря — тепловую энергию... Питание растительной пищей, на сколько возможно фруктами, я думаю, имеет преимущество уже в том отношении, что я буду воспринимать больше солнечной теплоты, которая есть энергия. Вследствие этого, я надеюсь даже быть умнее".

Настоящее христианство с незапамятных времен было гонимо, потому что оно было вредоносно для каждой правительственной структуры. Пусть люди проведут в жизнь слова: если кто ударит тебя по одной щеке, поверни к нему другую — что последует? полнейшее разорение. Конечно, полное единение наций было бы результатом, но люди боятся верить друг другу».

Последняя цитата, которой я даю место, относится к Толстому. Она помещена в письме, о котором говорилось в предыдущей главе, написанном Веригиным из Обдорска 4 января 1896 года.

„Заканчивая первый мой срок высылки, в Архангельской губернии, я особенно хотел на обратном пути посетить Льва Толстого. В чем заключается его философия? Я не читал его работ. Я знаю только по сообщениям, что он отрицает

нравственность современной цивилизации и ее прогресс. Если его идеал останавливается на делании сапог и подобных занятиях человеческой жизни (и я говорю это серьезно), тогда конечно она очень не последовательна, потому что для делания сапог необходимы иголки, которые, как хорошо известно, приготовляются на фабриках, и, следовательно, невозможно закрыть копи, где мучат людей для добывания руды".

Вредоносное влияние распространения таких писем может быть понятно только тогда, когда поймешь то, что духоборцы так тщательно скрывают — абсолютный авторитет Веригина, как и его

предшественников, духоборческих вожаков. Вполне известно, что многие обоготворяют его. Возьмите например следующий документ, подписанный Матреной Красниковой, из селения Ефремовки, и 13-ю другими женщинами разных селений. Оно помечено 28 Июлем 1901 г.

«Перестаньте гордиться вашими правами и властями и возвышать себя, потому что кто выше Царя небесного и Бога? Бог создал небо и украсил его небесным великолепием: солнцем и его лучами и месяцем и звездами, для хвалы ему. И он создал земную твердь над водами и украсил ее различными цветами, и создал все, что живет на земле, чтобы восхваляли его. И он дал свободу всем кто живет и животным. Велик Господь над всеми народами, потому что его доброта и милость навсегда. И его доброта в том, что он был рожден Духом, Святейшей Девой, матерью Бога. Царицей небес, из благословенного рода, Лукерьей Калмыковой».

«Этот Господь — наш хозяин, Петр Васильевич Веригин. Его красота в его разуме, во плоти он чист».

«Мы простираемся к нему, уважаем его Бога и Царя и с полным желанием отдаемся в его власть»*).

———————————

*) Этот документ интересен, между прочим, в том отношении, что из него можно усмотреть, почему речь людей религиозно настроенных, кажется часто непонятной и даже безумной. Это происходит вероятно от того, что люди иного настроения употребляют слова, обыкновенно, в прямом смысле, а люди религиозно настроенные не находят достаточно слов для выражения своих взглядов, или не умеют этого сделать, пользуясь словами в общеупотребительном смысле, и потому привыкают выражаться иносказательно, словами в символическом смысле. И надо очень близко знать взгляды и язык этих людей, чтобы ясно понять то, что хотят они сказать словами в этом смысле. Без сомнения, женщины, подписавшие этот документ, хорошо знали, что Петр Веригин, как и его многочисленные братья, рождены обыкновенным порядком тою женщиною, которая находилась тогда между ними, и известна была под именем „бабушки", и, тем не менее, они утверждают в документе, что он был „рожден духом, святейшей девой. Лукерьей Калмыковой", которая, как они хорошо это знали, была, по плотской жизни, такою же женщиной, как и каждая из них. Чтобы понять это утверждение женщин, подписавших документ, надо знать, что духоборцы вполне ясно сознают, что Бог есть дух, и не соединяют с понятием о Боге никакого материального представления, как это делают люди почти всех других религиозных воззрений. По духоборчески Бог есть сила совершенно духовная, природу или свойства которой составляют воля, разум и чувство любви. Эти свойства в совершенной степени составляют существо Божие, а

потому и человек, заключающий в себе в подобной степени эти свойства, есть Бог или совершенно подобен Богу. Но человек может приобрести эти свойства в совершенной степени не путем саморазвития, а только тогда, когда сила Божия воплотится в нем, что и происходит всегда в избранном человеке, благословенного или праведного рода, т. е. среди духоборцев. И человек, в котором воплотился Бог, имеет силу способствовать воплощению и другого человека духа Божьего, что и составляет духовное рождение другого человека. Это воззрение духоборцев не имеет большой разницы с тем положением, которое есть в действительности, и о котором учил Христос, что для высшей жизни необходимо родиться свыше, что принимавшие его учение, то есть признающие руководством жизни свободу, правду и любовь, рождаются от Бога и становятся Богами те, в ком будет Слово Божье. Поэтому, как не кажется предрассудочным признание духоборческими женщинами И. Веригина

обоготворение лидера совсем не необыкновенно в различных религиях и нациях, и мы не должны быть удивлены, встречая это между духоборцами, многие из которых — это должно быть отмечено — свободны от какого бы то ни было подобного суеверия, о котором мы говорим, и в состоянии дать очень ясное представление о вере, которая в них есть. Они говорят что-то в роде следующего: мы

———————————

Богом, в этом нет ничего предрассудочного, как в возможном факте, с христианской точки зрения. Человек, достигающий высшего духовного состояния, становится божественным или Богом. „Я и Отец одно; кто видит меня, тот видит и Отца моего", провозгласил о себе Иисус, в тоже время не отделяя своей природы от природы других людей и называя себя сыном человеческим. Заблуждение или предрассудок канадских духоборцев, судя по документу 14-и женщин, состоит не в том, что они допускают возможность для человека божественного состояния или воплощение в человека духа Божьего, а в том, что это состояние может передаваться от одного человека к другому как вещественное наследство. Божественное состояние, по учению Христа, может быть приобретено только личными усилиями: „царствие небесное силою берется и употребляющий усилие восхищает его". И усилия эти необходимы только над собой, над своей низшей животной природой, чтобы дать возможность проникнуть в себя духу Божьему, той духовной энергии, которая проявляется в человеке, как влечение к свободе, правде и любви. Сам по себе создать этого влечения в себе человек не может, оно приходит только свыше, когда настоятельно требуется человеком. В этом смысле Христос и сказал, что никто не может прийти к Отцу, кого Отец не призовет к себе. Сам по себе, без воплощения божественной силы, человек не может достигнуть божественного состояния, но не может он также достигнуть этого состояния и без своих усилий. Поэтому, по учению Христа, божественное состояние достигается действием силы Божьей и содействием усилий человека к усвоению этой силы. Но особенно достойно внимания то, что при достижении божественного состояния, человек, по учению Христа, не должен называть себя Богом, как не называл себя Богом Иисус Назарянин: наоборот, он усиленно называл себя сыном человеческим, хотя он во истину был Бог, был Христос, то есть воплотил в себя дух Божий в полноте, или, во всяком случае, больше чем кто-либо другой из людей. Он только не отрицал того, что он Христос, когда ему говорили это, но в то же время усиленно указывал, что все то, что он говорит и делает происходит не от него, как человека. Поэтому, всегда заботясь о том, чтобы люди называли каждую пещь своим именем, давая ей должное значение, Иисус и советовал не называть себя ничем иным, как человеком, потому что все то, что во мне будет выше человеческого, есть Божье, во мне олицетворенное, и, вследствие этого, дающее олицетворившему, как своему совершенному выражению, жизнь вечную, а не то, чтобы воплощаясь в человеке, сила Божья переставала быть Божьей и становилась бы человеческой принадлежностью, исключительной собственностью данного человека. Поэтому, как бы ни было

духовно-высоко состояние достигнутое человеком, он не должен называть себя духовным учителем и наставником, а должен помнить, что то, что в нем выше человеческого, может быть и в другом человеке, и составляет как бы общее достояние, которое своим человек называть не должен. Поэтому он должен признавать, что есть только один учитель и один наставник Христос, т. е. воплощающийся дух Божий. Из всего этого ясно, что с точки зрения христианского понимания вовсе не было бы предрассудным то, что 14 духоборческих женщин признали П. Веригина Богом или Христом, потому что он мог быть Богом или Христом, как и всякий другой человек; но это не было бы предрассудком только в том случае, если бы поводом к такому признанию послужило то, что в нем они заметили высшую духовную природу, а не то, что божественное достоинство передано ему по наследству

Верим, что Дух Божий живет в человеках и что мы все сыновья одного Отца Небесного. Но мы видим, что дух дается в различной мере различным людям. Слова нашего хозяина наполняют наши сердца радостью, его совет всегда разумен и хорош, и мы узнаем в нем брата Господня. Но мы знаем, что разумней не говорить об этом чужим *).

Два самых выдающихся вожака в подготовлении пилигримства были: Иван Пономарев и Василий Объедков (последний, однако, ушел из движения в начале его развития). Это были те два человека, которые, как послы, привезли из Колы, от Веригина, предложение оставить мясо, табак и крепкие напитки; и они имели большое влияние в секте. Политический мотив был сильно связан с сектантским фанатизмом движения, потому что, как мы после узнали, Пономарев ходил из деревни в деревню, заявляя, что если только духоборцы сделали бы большую демонстрацию совместного пилигримства, то правительство конечно согласилось бы перевести их в более теплую страну. Эта идея, заставить канадское правительство, странно связывалась с проповедываемыми псевдо-религиозными мотивами и с настоящей преданностью вожаку, что все вместе и причинило большую неурядицу.

Веригин, философствующий с различными корреспондентами, и Веригин, правящий своим народом — два совершенно различных существа. Попав в Канаду, он занялся сейчас же с быстротою, твердостью и тактом созданием гармонии и организации материального благосостояния духоборцев на коммунистической основе.

Духоборцы, научившись осторожности, долгим опытом в России, никогда не говорят чужим, как они управляются. Они повинуются указаниям Веригина, не указывая ему ничем, что их стремления основываются на нем; но они не повинуются никаким другим властям, пока он не скажет.

Было сделано весьма вероятное предположение, что он был тем мессией, которого пилигримы ожидали встретить в Виннипеге. Он оставил Россию на несколько недель позднее, чем было предположено, и это, как будто бы, опрокинуло их расчеты.

———————————

от Лукерьи Калмыковой. Признание возможности перехода духа Божьего от одного человека к другому, как вещественное наследство, это единственно в чем можно упрекнуть, как в

предрассудке, духоборческих женщин, подписавших указанный документ. Предрассудок этот прежде разделяли все духоборцы, и он имел свои естественные дурные последствия в том, что во главе духоборчества становились обоготворяемые люди, лишенные даже обычных человеческих достоинств. В настоящее время вряд ли этот предрассудок разделяется многими духоборцами и П. Веригин, вероятно, будет последним главарем духоборчества, признаваемым в силу этого предрассудка.

*) Из этого объяснения уже ясно видно то, что духоборцы начинают отказываться от прежнего предрассудка возможности перехода божественного состояния от одного человека к другому, как вещественное наследство

Веригин, с своей стороны, по-видимому, не принимает на себя авторитета. Его язык обыкновенно — язык смирения и равенства; он дает только совет и делает предположение; но от чего-то случается, что духоборец, который не соглашается с советами и предположениями лидера, обыкновенно попадает впоследствии в затруднительное положение.

Дело Веригина в Канаде было трудное, и линия, по которой он стал действовать, отличалась тонкой политикой. „Пилиграмы" — говорил он, — „заслужили восхищения и поклонения, но они теперь достаточно сделали, чтобы выразить то, что они хотели и демонстрировать духовную силу духоборцев. Время для них успокоиться". Практически победа была дана Веригиным «плохим» духоборцам, но в тоже время, чтобы удержать дела в равновесии, были польщены им и «сумасшедшее».

Пробыв в ссылке 15 лет, Веригин нуждался в совете по поводу новых условий и настроений своего народа. И здесь опять он показал такт, отдав дела коммуны в руки совета „трех", состоящего из него самого, Зибарова, главаря пилигримов, и Планидина, главаря антипилигримов. Эти два последних великолепно уравновешивают друг друга и снабжают Веригина прекрасными средствами для влияния на обе секции его народа. Через месяц Зибаров, экс-вожак пилигримов, мог быть виден покупающим лошадей и продающим молодой скот компании гг. Гордон, Айройнсайдс и Ферс, самым богатым мясникам и скотопромышленникам Канады.

Что заработки духоборцев идут в коммунальную кассу и что комитет „трех" имеет большую власть в употреблении этих средств, это положение, против которого многие имеют данные для протеста. Духоборцы, однако, большую частью не ворчат. Можно сказать, что мало правителей подходят к жизни своих подданных и привлекают их расположение лучше, чем Веригин. Счета, представленные коммуне в конце его первого года правления в Канаде, были замечательно чистыми, сознательными и деловыми.

Но, спрашивается, разве появление второго пилигримства, с его нагими парадами, в мае 1903 года, после того, как Веригин был уже в Канаде, не показывает, что идеи, лежавшие в первом пилигримстве, коренятся гораздо глубже, чем в авторитете Веригина?

Довольно курьезно то, что это скорее доказывает обратное. Веригин, посещая различные деревни, подводил свои замечания под психическое состояние людей

посещаемого места. В некоторых деревнях, преимущественно пилигримских, ему казалось правильным выражать одобрение правоте пилигримов и даже упрекать непилигримов в отсутствии мужества. Такие упреки глубоко вонзились в некоторые умы и, когда Веригин оставил их поселение, они решили

смыть унижение, начав пилигримство дальше идущее, чем прежде.

Это было против настоящего желания Веригина.

Он переиграл свою игру и, когда психическое влияние вновь возникшего движения, с его чарующими приливами и сильными эмоциями, привело этих новых пилигримов в высокую степень фанатизма, — даже Веригин не мог ничего сделать. Но значительный факт должен быть отмечен: во главе пилигримства стояли теперь люди, бывшее раньше антипилигримами.

В то время, как я настаиваю на силе веригинского влияния, как на ключе к пониманию того, что было ошеломляющего в поведении духоборцев, я не настаиваю на том, что задача понять пилигримство проста, или что не было реакции против этого влияния. Несколько случаев, в которых духоборцы противились веригинскому авторитету, могут быть отмечены. Какие-то 11 человек подожгли даже одну из его новых жатвенных машин. Они были арестованы канадской полицией, по веригинскому доносу, и посажены в тюрьму, вследствие свидетельских показаний, представленных подручными Веригина. Когда через некоторое время было сообщено частным образом Веригину, что они могут быть освобождены, если петиция об этом будет послана духоборцами, он остался глух к предложению. Несколько других человек показали признаки инсубординации, но это как будто бы немного больше значит, чем исключение, подтверждающее положение всеобщей субординации. Не нужно давать более ясного примера веригинского могущества, чем следующее. В октябре 1900 года духоборческие делегаты, прокламируя получение общественной земли от всяких легализирующих формальностей, написали иммиграционному агенту в Иорктон:

«Мы признаем Творца собственником земли, Он дал ее в пользование всем живущим, для человека в особенности, по праву его верховенства и еще потому, что он приспособлен работать на земле и делать ее таким образом более продуктивной. Поэтому мы признаем, что земля должна принадлежать тем, кто работает на ней».

В 1901 году были напечатаны и распространены письма, говорящие, что земля не должна быть обрабатываема.

В 1902 году было предпринято пилигримство духоборцами, которые не хотели «портить» землю.

Наконец, в 1903 году Веригин заставил тех же самых духоборцев принять их гомстеды в той же форме, в которой, как они заявляли, они не могли согласиться принять, потому что «закон Божий, которому мы должны повиноваться прежде всего, не может быть изменен».

Что же мы должны думать о духоборцах, как о народе?

Я не колеблюсь в утверждении, что трудно найти общину, состоящую из такого

же числа людей, между которыми было бы меньше преступлений, больше деловитости, честности и гостеприимства или

более личного внимания здоровых членов к нуждам больных людей и детей. Они трезвы, воздержаны, здоровы и между ними нет проституции (а есть как будто бы только маленькая свобода в половых отношениях). По сравнении с фантастическими картинами, нарисованными некоторыми энтузиастами, они разочаровывают, но по сравнению с обыкновенными людьми они достойный и сильный народ, не смотря на их темноту, их сектантскую замкнутость, подозрительность и их слишком большое упование на очень шаткий авторитет своего главаря.

Когда все ошибки указаны и сведены, то остается следующее: во-первых — в борьбе с противоречиями, которые все больше и больше входят в сознание думающих людей, между империалистическим и милитаристическим духом века, с одной стороны, и духом мира с другой, духоборцы (в силу каких бы мотивов они не действовали) нанесли чувствительный удар современному рабству (conscripsion). Во-вторых — вещь, которая более всего проникает в ум, когда разбираешься в неурядицах экстраординарного движения пилигримов, это исключительная редкость людей, которые говорили бы чистую правду, независимо от того, подтверждает или противоречит она различным принципам ими признаваемым. Это несогласие с требованиями правды заметно, как в выборе фактов, опубликованных толстовцами, так и в их отказе от всяких свидетельств, которые не удовлетворяют их взглядам, в манифестах Бодянского, а также в морочении духоборцами других людей. Во всех этих явлениях, сознание объективных фактов кажется пересиленным у людей воображением, когда что-либо признается ими очень важным. Некоторые люди напиваются алкоголем, другие, такие как империалисты между нами и пилигримы между духоборцами, становятся пьяными от теорий и суеверий.

———————

2.

ЕЩЕ О ПИЛИГРИМСТВЕ ДУХОБОРЦЕВ.

В последней главе я попробовал определить значение пилигримства, но при этом удовлетворился общим очерком, избегая подробностей. Чтобы оправдать высказанные при этом объяснения и дать слово очевидцам, я представлю несколько выдержек из писем, подробности которых могут показать это движение более ясно. Моя первая выдержка будет из письма, от 15 сентября 1902 года, которое я получил

от Григория Веригина, брата Петра; оно было написано из деревни Потерпевшей, (это имя было переменено на Отрадное, когда Петр Веригин сделал ее своей главной квартирой). Вот что писал Григорий Веригин:

«Затем я вам передам несколько новостей о некоторых из наших братьев. Вы уже знаете, что некоторые из них освободили весь свой скот. После освобождения они забрали в голову идти к друзьям, проповедывать, что они также должны освободить. И они пошли бродить по деревням и проповедывать. Они заявляли, кроме того, что не нужно иметь одежды, такой как шубы и сапоги и упряжи. Все эти вещи они сожгли. И они также начали говорить, что работать и пахать землю (плугом или лопатой) грешно, что люди должны питаться фруктами; что иметь что-либо железное (хотя бы иголку) грешно, потому что наших братьев мучат в копях. И такими проповедниками было собрано около 1,700 человек, и они пришли сюда недавно. Мы вышли встретить их. Приветствуя нас, они пожелали нам мира. Они приглашали тех из нас, кто бы пожелал пойти с ними «к брачному пиру». Другой говорил: „мы идем встретить жениха"; третий говорил: „мы идем проповедывать евангелие"; а четвертый говорил: „пойдемте в обетованную землю". Я просил их не говорить вместе и позволить одному объяснить куда идет этот народ. Ответы были те же что раньше и нельзя было ничего из них понять; и если я должен писать вам правду, куда идут эти люди, то это больше, чем я сам знаю. Я просил их опять замолчать и я начал выражать им свое мнение. Прежде всего, сказал я, если вы идете проповедывать евангелие — это вещь требующая особой способности; но я лично знаю, что многие из вас

не могут сами устроить свою жизнь по-христиански; — что же тогда собираетесь вы говорить другим? Кроме того, куда идут все эти женщины и дети, старики и старухи, и эти калеки и больные, которых вы несете на носилках? Разве разумна такая проповедь? Во-вторых: если смотреть на это движение, как на переселение в обетованную землю, где вы будете питаться фруктами, то такая земля, если допустить ее существование, должна быть очень далеко, и в таком виде вы никогда туда не доберетесь. Если эта земля противоречит вашим убеждениям, поищите землю более подходящую к вашим склонностям и переселяйтесь туда, как вы переселились из России в Канаду".

«Я доказывал, что работать не грешно, но что люди должны работать. Бог говорит: в поте лица твоего будешь добывать хлеб свой. Иисус Христос дает нам полное право сказать: кто не работает — пусть не ест. А вы говорите, что грешно работать, когда сами не перестали есть. Разве это правильно? И вы говорите, что всякий должен освободить свой скот, но сами еще не попробовали — можете ли жить без скота. Вы должны бы, по крайней мере, попробовать это год или два и, когда бы вы пожили так и нашли бы это соответственным, тогда другие увидят и также начнут освобождать. А теперь вы едва только выгнали скот из дворов и не попробовали ваши силы, а уже собираетесь учить других. Это не хорошо, это даже грешно».

«Я говорил больше двух часов и мне почти не возражали. Потом мы предложили им пищу и помещение для ночлега, но они отказались от того и другого; они сказали, что зашли только попрощаться с бабушкой, то есть с моею матерью. Когда они попрощались и двинулись дальше, многие из них шли босиком и с непокрытыми головами, и они имели с собой только ту одежду, которая была на них. Они не имели продуктов и, когда я спросил их, почему это так, и еще спросил: «есть ли между вами старший, который говорит, чтобы вы поступали так», — они ответили, что между ними нет старших, но что каждый поступает по требованию своей совести. — Так что же вы думаете о таком поведении? — спросил я, — говоря с своей стороны, я не вижу здесь ничего ведущего к спасению или разумного, но это человеческий вымысел, который причиняет много страданий». *)

———————————

*) Приглашения „свободников" идти на брачный пир, и проч. без сомнения указывают на то, что они находились в это время в религиозном настроении настолько повышенном, что при этом всеми их поступками должно было руководить прямолинейное стремление к намеченной, созданной их этическим чувством цели высшей жизни, а не какие-либо практические соображения. Вследствие этого, для людей обыденных, которым, как и животным, чужды высшие стремления и настроения, экстаз поклонения идеалу, они должны были казаться безумными, больными маниаками. Такими определяет их Мод, такими понимает их Григорий Веригин, выдержки из

Мои следующие выдержки будут из газетного отчета.

Многие отчеты о пилигримстве, помещенные в американской и английской прессе, были очень неправильны и показывали непонимание всего дела. Но отчеты в Mantoba Free Press, написанные специальным корреспондентом, который следовал за духоборцами, носят все признаки правдивости. Корреспондируя из Иорктона, Северно-Западной территории, он писал от 31 октября 1902 года о пилигримах следующее.

«Сегодня ночью они остановились у Черчбриджа. Они показывают

———————————

письма которого Мод представляет в доказательство правильности своих суждений, такими описывает их еще ярче корреспондент Mantoba Free Press и Арчер, словами которых тоже пользуется Мод для подтверждения своих выводов. И все эти люди, смотрящие на вещи с практической точки зрения, совершенно правы. В самом деле, в большинстве случаев, когда люди достигают высокого религиозного настроения, они, за крайне редкими исключениями, поступают так, как поступали бы слепые, которые, зная направление, по которому следует им идти, натыкаются, вследствие своей слепоты, на те преграды, которые могли бы легко обойти, если бы глаза их видели. Поэтому обвинение людей, находящихся в состоянии религиозного воодушевления, в потере ими сознания в практической деятельности, имеет полное основание. Но люди практической жизни всегда при этом говорят о людях высоко настроенных, как о вполне безумных, потерявших вообще целесообразность в жизни, как говорит о „свободниках" Григорий Веригин, или стремящихся к ложным идеалам, как говорит о них корреспондент Mantoba Free Press; а это другой вопрос, решение которого всецело зависит от того, чей жизненный идеал более действителен, более соответствен человеческой природе: тот ли, который хотя бы галюцинировался людям высокого религиозного настроения или тот, который соответствует

практической деятельности обыденных людей. Но люди обыденные, люди внешней, практической жизни, обыкновенно сами обманывают себя, прикрывая от собственного сознания низость своих жизненных стремлений пустым признанием высших нравственных законов жизни, при чем им кажется, что этим признанием они уже исполняют законы, тогда как они низводят их в ничто своею практической деятельностью. И вот, вследствие такого самообмана им и кажется, что они, в отношении высших жизненных стремлений, стоят одинаково с людьми духовно-высоко-настроенными, но несравненно разумней их в практическом отношении. Только таким самообманом и можно объяснить то, что Григорий Веригин, судя по отрывку, который приведен Модом из его письма, давал в продолжение двух часов наставления совершенно ненужные для „свободников", не понимая их духовного состояния и, в конце концов сказал им, что он не видит в их поступках „ничего ведущего к спасению или разумного".

Вероятно, говоря это, Г. Веригин совершенно не знал о чем он говорит, и, что еще вернее, никогда даже не думал о том, что такое „спасение" и от чего оно требуется. А если бы для него это было ясно, то он, конечно, ничего подобного не сказал бы, потому что единственное спасение, необходимо требующееся для каждого человека, состоит в том, чтобы достигнуть высшего жизненного состояния, избавляясь от захватывающей и могуче привлекающей жизни низшей, животной, которая остается тою же, даже когда выражается в крайне изощренных формах развития цивилизации, наук, искусств и индустрии. На сколько можно понять по тем отрывочным сведениям, которые я получил о движении „свободников", эти люди именно в этом и видели спасение, а потому их поступки вполне согласовались с их взглядами на жизнь. И если они не могли этого объяснить Г. Веригину и оставили его наставления без возражений, то это потому, конечно, что, как

признаки, что голод и усталость ослабили их крепкие организмы. Лицо каждого человека — картина молчаливо - красноречивая того, что он перенес и переносит. Блеск впалых глаз свидетельствует, что умы ослабели под соединенным влиянием религиозного возбуждения, голодания и изнеможения. Пронизывающий дождь падает прибавляя страдания к добровольному несчастию этих мучеников ошибочных идеалов правды.

„Периодически раздается их жалобное пение псалмов, минорные звуки которого то становится громче, то падают с изменяющейся силой. Вот оно, подымаясь, напоминает похоронную музыку, а вот, замирая, кончается как тоскливая песнь печали. Почти все босиком и с непокрытыми головами. Все их верхнее платье, их тяжелые меховые тулупы и шубы были брошены. Два месяца тому назад Господь открыл им греховность ношения кожаных сапог*), потому что они — продукт животной жизни, которым несправедливо пользоваться для какой бы то ни было цели. Потому были куплены ими резиновые сапоги: но эти сапоги поранили им ноги и теперь были брошены. Они лежат сложенными в маленьких кучах, от Рокенбая до Черчбриджа, и по всему пути шествия разбросаны чулки, старые одеяла, плащи, тулупы, шапки и шляпы".

„Тропа, по которой прошли эти тысячи ног выравнена так, как пол танцовального зала. Их усталые ноги порезаны и поколоны; из

———————————

я это уже имел случай заметить, духоборцам свойственно то, что они в вопросах нравственных и высшей жизни руководствуются больше чувством чем разумением, вследствие чего им бывает

трудно выразить словами свои духовные побуждения.

Испытывая инстинктивно, под влиянием развитого этического чувства, боязнь или отвращение к окружающей пагубной, изуродованной лже-культурой, изощренной животной жизни людей, заставляющих верить в благо такой жизни, инстинктивно чувствуя спасение и выход из пределов лже-культурной жизни, как могли бы объяснить „свободники", что таково было основное побуждение, заставившее их покинуть свои дома, когда они, кроме чувства, не располагали ни словами, ни понятиями, необходимыми для такого объяснения! *А. Б.*

———————————

*) Еще в бытность мою в Канаде, а я уехал оттуда за год до начала движения „свободников", между духоборцами было не мало таких, которые тяготились употреблением вещей из кожи. И могу назвать Федю Дутова, из селения Терпение Орловского, (называемого так в отличие от другого Терпения — Карского; оба прилагательные в этих названиях даны по местностям, в которых жили обыватели этих селений, будучи в России). Этот превосходный, воодушевленный человек, еще в бытность мою в Канаде заботился о том, чтобы как-нибудь устроить мастерскую обуви из такого материала, который заменил бы кожу. А другой духоборец, Алдоша Попов, тогда же, не только перестал носить кожаную обувь, заменив ее резиновыми калошами, но с самого начала поселения в Канаде не пользовался трудом животных. Свой небольшой огород в Иорктоне он, сначала, вскапывал, а потом стал вспахивать, запрягаясь с женою в плуг, который нарочно заказал и прислал ему какой-то американец из Штатов, посетивший его.

Из всего этого ясно, что иронические слова корреспондента Mantoba Free Press о том будто два месяца перед приходом „свободников" к Черчбриджу „Господь открыл им греховность ношения кожаных сапог" лишены всякого значения. *А. Б.*

некоторых сочится кровь. Когда дорога их лежала около распаханного поля, истомленные пешеходы идут через него, чтобы дать отдых своим болящим ногам, и путь по которому они проходят становится похожим на то, как будто бы он был придавлен громадным катком. Бритва не касалась бороды ни одного пилигрима с тех пор, как они приняли новую веру. Все нечесаны, не бриты, со впалыми щеками и дикими глазами. Впереди идет новый Иоанн Креститель, его совершенно черная борода и длинные волосы развеваются осенним ветром. Внезапно он останавливается, смотря перед собою, потом, вдруг, прыгает вперед и, обнимая воздух вытянутыми, хватающими руками, кричит: „я вижу его, я вижу Иисуса, он идет, он здесь"!. И видно, как при этих словах возбуждение пробегает, как волна, по двигающейся процессией толпе. Пение становится громче и радостнее. И многие духоборцы показывают аналогичные симптомы, что они видят Того, который невидим. Все, кто видал это, говорят, что это, как ужасный сон, что это невероятно, не реально; сотни человек с блеском безумия в глазах, идущих куда и зачем — они не знают, — возбужденные верой, переносящей темные века к началу 20-го столетия *). Для своего поддержания, они едят подаяния хлеба, которые делают им в деревнях, по дороге, сухие плоды шиповника, травы, листья, словом почти все сколько-нибудь удобное для едения. Они верят, что не будет зимы и холодной погоды, и что будет два лета в этом году. Мистер Спирс спросил „Иоанна Крестителя", — который один из первых «бросил свои резиновые сапоги, — где ваши сапоги?

— У Христа не было сапог — был ответ.

— Но вашим ногам будет холодно, протестовал добрый агент.

— Иисус держит мои ноги в тепле, отвечал передовой.

Многие из них идут целую ночь. Их тела точно не чувствительны к усталости, которая убила бы многих людей. Когда они вошли в Иорктон, они несли от 12 — 20 носилок, сделанных из

———————————

*) Корреспондент, конечно, имеет основание называть темными прошлые века, хотя бы столетие назад, по сравнению с нашим временем, измеряя темноту количеством тех предрассудков, которые господствовали в умах людей прежде и совершенно исчезли в настоящее время, благодаря развитию наук. Но если взять мерилом света и темноты в жизни людей ясность и разумность господствующего в умах людей смысла жизни, то еще большой вопрос — прежние ли века или настоящее время заслуживает названия темного.

Наука, освободив умы людей от массы мелочных предрассудков и суеверий, в то же время создала и укрепила на их месте один несравненно больший их общего объема, имя которого — материалистическое или механическое жизнепонимание, уничтожающее всякую духовность, всякую самобытность в человеке, как и во всем мире. Этот ужасный предрассудок, заполняя умы людей, совершенно обессмысливает их жизнь и обращает в ничто значение человека, как личности. А если это так, то трудно согласиться с тем, чтобы наше время было более светлым, чем какое бы то ни было другое, от начала христианской эры. *А. Б.*

кольев осины и серых одеял, на которых они несли больных и слабых. Под руки они вели человека за 50 лет, слепорожденного. (Он теперь в иммигрантском доме. Я видел его час тому назад: его слепые глаза были подняты в экстазе прекрасного видения). Маленькие дети, 3—4 лет, бежали рядом, смотря с детским удивлением на поезда, элеваторы и улицы, другие со смехом болтали, а многие тихо плакали о пище, в которой отказывали им их заблудшиеся матери».

Тот же корреспондент говорит, что 1060 женщин и детей остановились в иммигрантском доме и под другими кровлями, отведенными правительством.

«Кроме этого были в городе около 50 или 75 незахваченных движением духоборцев. Они пришли к родственникам, надеясь убедить их возвратиться на фермы».

«Прогулка по этим помещениям около 9 часов дает вид, надолго врезывающийся в память. Некоторые уже спят, свернувшись на мешках, набитых сеном, или серых одеялах, другие сидят на полу, наблюдая за приходом и уходом женщин и визитеров с неподвижной индифферентностью славян. В одном углу 20 или 30 женщин сидят на полу рядом и, смотря друг на друга, поют псалмы. В дверях стоит специальный полицейский, держа фонарь и наблюдая, чтобы все хорошо устроились на ночь. Большая рочестерская лампа, подвешенная среди комнаты, бросает яркие бесформенные лучи между помещающимися в низу. Комната представляет выставку цветов, блестя красным, розовым, пурпуровым, голубым и белым одежд женщин. Вот женщина лет 60-ти, с безумным блеском религиозной мании в глазах, — она говорит мне, что она будет матерью Иисуса. Вот мать пробует успокоить больное дитя: она боится, что оно будет взято от нее и его душа погублена навсегда доктором, который дает ему лекарства. Вон там девушка лет 18-ти, одна из

миловиднейших в толпе, — пришла в Иорктон босиком. Она не имела питательной пищи давно уже и отказывалась есть. Утомление и слабость причинили ей воспаление легких. Но ее товарищи и она сама так боялись, чтобы не узнало начальство и официальные люди, что она больна, что факт не был открыт до сегодняшнего утра. Затем доктор Каш пришел к ней, но она отказалась принять пищу или лекарство. В 6 часов ей было хуже, но она была в сознании и все так же твердо отказывалась принять пищу или питье. Когда я обошел строения в 9 часов вечера, она была уже в бессознательном состоянии и нужны были самые энергичные меры для помощи ей. Она была поднята со скамьи. Нежная сила была употреблена, чтобы заставить ее разжать зубы и проглотить лекарство. Но даже тогда, почти в бреду, она отказывалась некоторое время проглотить его».

Моя следующая цитата будет из письма Герберта П. Арчера, написанного в январе 1903 года, которое служит для напоминания нам, какие колеса в колесах работали.

«Другой мотив вышел из секрета, в котором духоборцы пробуют держать настоящие пружины дела: это надежда, которую они имели, что шествие так убедит правительство, что оно согласится на их требования в земельном вопросе, (позволив им сформировать солидную общину, независимую ни от кого, кроме собственного правления), или сейчас же примет меры к переселению их в теплые страны. На этот мотив были только намеки раньше, когда мы приехали в деревни наиболее замешанные в движении. Таким образом отчасти пилигримство было, как и «обращение ко всем людям», года два тому назад, политическим ходом, замаскированным религиозной фразеологией и библейскими текстами*). Теперь ничего не слышишь о том, что земля Божья и не должна быть ничьей собственностью, (этого аргумента «обращения»). Вместо этого, если мы поедем в Каменку, мы найдем русских штунтистов в очень неустроенном положении. Они надеялись устроиться в товариществе с духоборцами, которые со своей стороны игнорируют их и не имеют с ними других сношений, кроме как говорят им, что они не имеют права на «нашу землю» и что они должны убраться вон **).

«Мы думали о духоборцах, как о религиозном народе; в действительности же, как и между всеми, есть религиозные духоборцы, но нет религиозной духоборческой секты. ***). Секта, потому что она секта, замкнута и нетерпима. Отдельные люди замечают это, но большинство не знает».

———————————

*) Без сомнения это нелепость: и удивительно как мог дать ей место Мод в своих показаниях. *А. Б.*

**) Штундисты, о которых говорить Арчер, все из Харьковской губ. Сумского уезда, села Речек. Они были сосланы русским правительством в Польшу, в 1895 г. а оттуда бежали заграницу. С трудом добрались они до Канады, при помощи В. Г. Черткова, и поселились вместе со мною в селении Каменке. Первое время они жили очень согласно между собою и с духоборцами, и я, заведывая их делами, был как бы посредником, между ними и духоборцами, но очень скоро обнаружилось то в их характере, что было скрыто при угнетенном их положении в России: жажда

независимой жизни и наживы, — стремление как раз противоположное тому, что руководило духоборцами. Речане никогда не думали присоединяться к духоборческой общине, а думали только о том, чтобы извлечь для себя выгоды при помощи духоборцев. Они позволяли себе также насмешки над обычаями духоборцев и всем этим вынудили духоборцев просить их удалиться. Теперь они живут каждый в отдельности, на своих гомстедах, не думая ни о чем кроме их хозяйства. *А. Б.*

***) Очень странное и непонятное свидетельство, не согласное ни с какими фактами, в особенности с движением „свободников". Впрочем тот кто знавал Арчера, а я имел эту честь, вероятно согласен с тем, что мнения этого господина не из таких, которые должно брать во внимание. Удивительно не то, что свидетельствует Арчер, а то, что его свидетельство цитируется Модом. *А. Б.*

Газета В. Черткова, „Свободное Слово", напечатала письмо Алексея Махортова, помеченное 29 сентября 1903 года, описывающее второе пилигримство, с его нагими парадами. В нем он говорит нам, как он и другие духоборцы, с женщинами и детьми, числом около 45, «шли проповедывать как правильно жить». Он говорит:

«После 12 мая, мы пошли по примеру первых людей, Адама и Евы, показать природу людям, как нужно вернуться в отечество и возвратить малые плоды и семена».

Письмо Махортова в некоторых частях совершенно непонятно, но оно так характерно для полуумного фанатика этой маленькой части духоборческих зилотов, что стоит того, чтобы его здесь привести *).

Мы начали идти голыми от деревни Ефремовки и кончили в деревне Надежда. Мы пришли всего через 16 деревень. Когда нас останавливали голыми, нас очень кусали комары**), мы были все в крови, так что было страшно смотреть на нас. Потом мы были окружены 20-ю человеками, и нам не было позволено войти в деревню ***). Пришла ночь, погода была плохая, дождь, снег и ветер. Тогда мы сбились в кучу и лежали на земле один на другом. И те кто сторожил нас, оставались на ночь около нас. Они надели овечьи тулупы и шубы. Мы оставались голыми и истинно чудесно для нас, что при таком ветре мы не замерзли. И те, которые сторожили нас, ****) публично говорили, что холод который наступил, был очень силен, но никто из голых не замерз» *****).

Затем он пишет, как 28 из них достигли Иорктона 21 мая и были встречены конной полицией. «Мы остановились, разделись и приблизились».

На следующий день они были судимы в Иорктоне и присуждены на три месяца заключения в Регине.

Почему эти полоумные религиозные энтузиасты (которые не сделали ничего кроме хождения голыми) должны были быть приговорены к трехмесячному заключению — совершенно непонятно. Фактически же они были содержимы в имигрантском доме в Иорктоне до 9-го июля, когда они были посланы в Регину, которой достигли 10 числа

———————————

*) Я близко знал Алексея Махортова, автора цитируемого письма. И я никогда не замечал в нем не только фанатизма, но даже склонности к этому. Когда я знал его, он жил в селении Петровке, со

своим престарелым 90 летним дядей, известным Иваном Махортовым, бывшим в составе духоборческого посольства в России, в 1906 году. Тогда Алексей казался мне только выдающимся, даже среди духоборцев, по своей незлобивости и общей мягкости характера. *А. Б.*

**) Надо знать, что комаров в степях Канады, изобилующих мелкими солончаковыми озерами, так много, как я нигде не встречал в России. *А. Б.*

***) Это было сделано по распоряжению П. Веригина. *А. Б.*

****) Их сторожили свои же, духоборцы. *А. Б.*

*****) В Канаде, в местности поселения духоборцев, бывают не редко, в мае морозы—утренники до 10 градусов. *А. Б.*

Здесь, из отчета Махортова кажется, что они отказались подчиниться тюремной дисциплине, исходя из того, что они не сделали ничего чтобы заслужить ее. Они были, (если верить Махортову), жестоко-мучимы день за днем, пока были в тюрьме. Их били веревками и ремнями, пока их тела покрывались синими подтеками, их таскали за волосы и бороды, их руки выкручивали; рука Василия Резанцева была так ранена, что он не мог ее употреблять пять дней и надо было позвать доктора. Махортова тоже били и бросали с силой на пол. Их поднимали за ноги и головы окунали в ведра воды, так что они почти задыхались. Петра Зирчукова били стулом до того, что он заболел. Начальник тюрьмы не обращал внимания на их жалобы, а два из них, (после того как с ними так обращались) должны были быть отосланы в дом умалишенных в Брандоне.

Эти свидетельства могут быть справедливыми и несправедливыми; они, конечно, требуют исследования. Что очевидно, так это то, что если они справедливы, то они позорны для Канадской тюремной администрации; если же они несправедливы, то позорно, что они напечатаны без доказательств и без осторожности в официальном толстовском органе. Распространяясь между духоборцами и достигая круга читателей, уже сильно восстановленных против законов и правительств, эти сведения, конечно, должны дать впечатление о самоуправстве каждого правительства на столько разрушительное, на сколько, можно надеяться, что они несправедливы.

Письмо Махортова заключается рассказом того, что случилось с ним по возвращении домой.

Все кроме 10-ти, из 28-ми отпали от правильной веры и принялись работать.

„Подождав немного мы (10 правоверных) начали снова работать на Божьей службе. Мы укатали катком росшую пшеницу на пространстве около 50 ярдов. *) А зачем? чтобы люди не вкладывали веру в человеческое знание, но верили в Бога. И мы хотели поджечь молотилку, но были остановлены. Шесть из нас были арестованы и отправлены в Иорктон. А я все еще дома, потому что я не был там в это время. Но меня все же содержат, как под арестом, и не дают ходить из деревни в деревню. Это так печально, что я не могу думать об этом. Я сижу без работы; мою работу люди не принимают, хотя это не моя работа, а работа Бога. Я сидел неделю в хижине с забитыми окнами, как в тюрьме".

«Свободное Слово» напечатало это письмо первым из серии четырех на ту же

тему. Четвертое письмо, (которое не помечено чис-

*) Около 20 сажень.

лом, но которое напечатано, как комментарий к предыдущим), от Льва Толстого, который говорит:

„Мой взгляд на это движение между канадскими духоборцами тот, что материально они повредили себе, но это движение показало, что живет в них то, что наиболее важно — религиозное чувство, не пассивное, подчиняющееся, но активное, ведущее их к отказу от материальных благ".

„Нужно помнить, что материальное благосостояние, которого они достигли, благодаря общинной жизни, основывается целиком на религиозном чувстве, которое показало себя в их движении, как освобождение скота, и что это чувство драгоценней чем что-либо; и горе не тем, в которых оно проявляется в извращенной форме, (я говорю про раздевание, при входе в деревни), но горе тем, в ком оно иссякло".

Духовные подъемы среди духоборцев, проявляющиеся в сожжении агрикультурных машин, мягко судятся Чертковым. По крайней мере, я не находил в русских публикациях, которые он распространял между духоборцами, осуждений этих явлений на столько сильных, как осуждения обещаний или чего-либо относящегося к определенности человеческих отношений. („Обещание тоже что клятва". „Христос говорил не клянитесь". „Человек должен быть свободен", «Обещание связывает совесть и дела человека». „Даже в маленьких делах мы хотели быть свободными", и т. д.).

Какая жалость! Греческая церковь, пробовала заставить этих бедных крестьян поклоняться иконам, принять таинства, быть духовно питаемыми посредством евхаристии и верить в божественное право царя неправильно править. Русское правительство настаивало на обучении их убивать братьев, людей на войнах, отчего они отказывались, убивать по причинам, о которых они ничего не знали и для целей, которые не принесли бы им никаких преимуществ. Толстовцы выставляли их для восхищения человечества, как тип истинных христиан, и печатали книги уверяя их, что их вера была та же самая, что и Иисуса Христа; между тем как большая часть канадской прессы желала обращаться с ними не как с людьми, которым надо помочь, но как с материалом для политических препирательств.

Среди таких столкновений и противоречий, как мог найти бедный духоборец истинный путь? То, что он слышал в Канаде о нашей расе, это главным образом было эхо империализма: боэрской войны, и угнетения китайских рабочих. Кто же будет удивляться после этого, что совет от кого-либо из нас (англичан) не имеет для духоборца большого эффекта, чем вода для спины утки.

Положение очень затруднительное. Как этому бедному народу порвать цепи сектантства? Как им найти истину?

Что необходимо, так это чистый разумный совет и критицизм

от кого-нибудь, кому они верят. Но все традиции их секты направлены, чтобы не дать им доверия к кому-либо не из их среды. В их среде авторитет Петра Веригина непогрешим. Но его письма показывают, что хотя он умен и способен, как практический политик, он сам слишком запутан, чтобы быть в состоянии вести других в абстрактных вопросах.

И, все же, если вспомнить, что они пережили, их понимание зла империализма, милитаризма и классовой эксплуатации если противоставить их жизнь и убеждения жизни и убеждениям наших английских земледельцев и рабочих, то будет видна другая сторона картины: и можно только восхищаться народом, который, будучи изолированным, придавленным и обманутым, все же вынес и сделал так много для идей, которые, по меньшей мере, не имеют и тени эгоизма.

Как мало правды говорили им и как много лжи! Какой чудный материал они представляют для построения прекрасного будущего! Поля по истине готовы для жатвы. О! пусть же Господин жатвы ниспошлет работникам, которых он пошлет на эту жатву, двойные дары редчайших из добродетелей — правдивость и здравый смысл.

———————